

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Колотаев Юрий Юрьевич

**ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ И ЦИФРОВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ
ВЛИЯНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ УГРОЗ И МЕТОДОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Научная специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Худолей Константин Константинович

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1: «Правда» и «постправда» как категории международной безопасности в контексте цифрового информационного влияния и манипуляций	28
1.1 «Правда», власть и информационное влияние через призму постпозитивистской и постмодернистской эпистемологии	30
1.2 Постправда и современная рефлексия о роли правды и эмоций в международных отношениях	43
1.3 Критика и концептуальные границы научного применения постправды при изучении информационного влияния в международных отношениях.....	61
Глава 2: Структура цифрового информационного влияния в международных отношениях в эпоху постправды	71
2.1. Методология исследования структуры информационного влияния: индивидуальный и социальный аспект	72
2.2. Цифровая дезинформация, риторика ненависти и роль онлайн-платформ в международных процессах.....	87
Глава 3: Информационные угрозы в реалиях начала 2020-х гг.....	109
3.1. Искусственный интеллект и дальнейшие перспективы развития цифровых информационных угроз	110
3.2. Акторы и модели противодействия информационным угрозам в международных отношениях	122
Заключение	144
Список использованных источников и литературы	152
Приложения.....	196

Введение

Находясь под сильным влиянием процесса цифровизации, информационное и политическое пространство современных государств оказалось в беспрецедентной ситуации по количеству сведений, сообщений и данных, циркулирующих в обществе. Рост объемов информации напрямую связан с повсеместным распространением новейших технологий, интегрирующих в себе единое информационное пространство Интернета вместе с новыми сетевыми сервисами и платформами. Избыточность информации в совокупности с появлением открытых социальных коммуникативных платформ (социальных сетей) стала важным фактором трансформации политической среды на различных уровнях системы международных отношений. Эта трансформация сопряжена с ростом публичности политических процессов и открытости информационных потоков, формированием двухстороннего общения между обществом и властью. Вместе с тем, цифровая информационная среда, при явной тенденции к демократизации, оказалась под прямой угрозой информационного влияния.

Цифровое информационное влияние отражает процесс воздействия на человека в отдельности или общество в целом посредством намеренно или ненамеренно распространяемой информации в цифровом пространстве. Такого рода воздействие, в зависимости от первичных установок, может быть связано как с позитивной, так и с негативной или манипулятивной повесткой. В условиях первой четверти XXI века, характеризующейся нарастающей поляризацией глобального и национального информационного пространства, проблема информационных манипуляций в мировой политике становится особенно опасной. Важным условием, стимулирующим процесс поляризации, становятся политика или условия «постправды», отражающие деформацию общественного консенсуса о значимости фактов и верифицируемой информации через призму эмоциональной оценки реальности. Постправда привела к актуализации угроз дезинформации («фейков») и языка вражды в условиях новой цифровой среды. Колоссальность объемов и интенсивности информационных потоков трансформируют способность

пользователей и политиков разделять правдивую и ложную информацию, в результате чего именно эмоциональное или стереотипное мышление определяют реагирование на информационные стимулы.

Подобная перемена в общественно-политическом пространстве сформировала предпосылки для применения цифрового информационного влияния при реализации политических целей. В контексте роста глобальной нестабильности международных отношений это несёт опасность разжигания конфликтов, роста враждебности через распространение политически мотивированного дезинформирующего контента. Конфликтующие акторы неизбежно обращаются к новым формам манипулирования для распространения тех сведений, которые позволяют настроить общественность против или в поддержку той или иной политической группы.

Совокупность этих факторов формирует широкое проблемное поле, нуждающееся в изучении и, прежде всего, теоретической концептуализации в силу растущего количества несистематизированных эмпирических данных. На текущий момент большая часть исследований в области информационного влияния¹ сосредоточена на рассмотрении актуальной лингвистической артикуляции, публичной проблематизации и выявлении прецедентов распространения цифровой дезинформации. В то же время, множественность исследований в области изучения практической стороны информационных манипуляций в реалиях XXI века требует системного политологического теоретического анализа, т.к. без должной научно-методологической проработки проблема информационного влияния остаётся темой, открытой для общественно-политических спекуляций. Последовательный

---

¹ Research Anthology on Fake News, Political Warfare, and Combatting the Spread of Misinformation / Information Resources Management Association. – IGI Global, 2020. – 653 p.; Mustonen-Ollila E. Information Influence in Society's Information Environment / E. Mustonen-Ollila, M. J. Lehto, J. Heikkonen // Journal of Information Warfare. – 2020. – Vol. 19. – №. 4. – P. 70-88; Hammond-Errey M. Understanding and assessing information influence and foreign interference / M. Hammond-Errey // Journal of Information Warfare. – 2019. – Vol. 18. – №. 1. – P. 1-22; Huskaj G. State-of-the-art of Scientific Research on Disinformation / G. Huskaj, S. A. Axelsson // European Conference on Cyber Warfare and Security. – 2023. – Vol. 22. – №. 1. – P. 602-609; Рустамова Л. Р. Информационное воздействие в эпоху "постправды" и "фейк-ньюс" / Л. Р. Рустамова, Б. А. Барабаш // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8. – №. 5. – С. 23-30; Петрищев Е. В. Деструктивное информационное воздействие в контексте противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности современной России / Е. В. Петрищев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – №. 4. – С. 83-90; Приходько М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия / М. В. Приходько // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – №. 3. – С. 57-71.

анализ через призму новейших концепций из теории международных отношений может способствовать устранению названных издержек, что является ключевым приоритетом данной диссертации.

Следует отметить, что на сегодняшний день в условиях нарастающей конфронтации в информационно-коммуникационной сфере российская наука испытывает острую необходимость в разработке самостоятельных теоретических подходов и методологических рамок, независимых от внешнего политизированного влияния. Укрепление российской научной школы по системному анализу цифрового информационного влияния во всем многообразии его проявления является важным фактором формирования как собственного национального подхода к реагированию на новые цифровые угрозы, так и активного продвижения объективного образа страны, не находящегося под внешним и внутренним влиянием со стороны дезинформации и других онлайн-манипуляций.

Недостающая теоретическая разработанность проблем информационного влияния, онлайн-дезинформации и политики постправды в реалиях XXI века была также отмечена в ходе ключевых российских исследовательских конвентов в области международных отношений. Так на конгрессе Российской ассоциации международных исследований (12-14 октября 2023 г.), а также конференции «Цифровые международные отношения» (25-26 октября 2023 г.), проходивших в Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО Университет), исследователями и практическими работниками был отмечен большой спрос на отечественные работы по теоретической проработке цифровых манипуляций на уровне анализа основных акторов и переменных процесса информационного влияния. Решение данной научной проблемы является безусловным приоритетом в вопросах изучения цифровых угроз.

Указанная нехватка теоретической концептуализации наряду с формированием условий глобального информационного кризиса начала 2020-х гг., сопряженного с ростом конфликтности отношений между Западом и Россией,

ухудшением двухсторонних отношений различных региональных держав, участвовавшими примерами военных конфронтаций, а также целым рядом неполитических угроз, формирует высокую **актуальность исследования** проблем информационных манипуляций в реалиях цифрового общества с особенным акцентом на теоретическом измерении проблематики. Глобальные информационные проблемы дополняются яркими примерами информационных кампаний на национальном уровне, благодаря которым тема дезинформации обострилась с середины 2010-х гг. Современные международные конфликты, как показывает практика последних лет, нуждаются в лучшем понимании не только политического, военно-технического или социально-экономического потенциала сторон, но и их способности активно воздействовать на информационную среду оппонента, его репрезентацию в цифровом пространстве. Эта способность выражается в уровне развитости приёмов информационного влияния, а также умении применять передовые цифровые технологии в интересах распространения стратегического нарратива той или иной стороны. Данные вопросы при всем плюрализме имеющихся примеров информационного влияния формируют перед исследовательским сообществом потребность теоретико-методологического моделирования информационного влияния как объекта исследования в политическом и международном пространстве.

Потребность в универсальной теоретизации процессов международного информационного влияния возникает и в связи с тем, что на текущий момент существуют неразрешённые проблемы, ограничивающие эмпирикоориентированные исследования. В частности, отсутствуют прямые эмпирические свидетельства, отражающие корреляцию между присутствием, к примеру, фейков в информационном пространстве и производными значимыми манипуляциями политическим процессом. Этот аспект во многом остаётся дискуссионным, т.к. причинно-следственные связи могут основываться на ложных корреляциях или находиться под давлением политического консенсуса. Вместе с тем, вне зависимости от степени влияния и её доказанности, важным является сам факт наличия дезинформации в информационном пространстве, присутствие

вопросов противодействия информационным манипуляциям в общественной повестке, процесс её секьюритизации и выработка конкретных контрмер.

Для лучшего противодействия механизмам информационных манипуляций требуется содержательное и концептуальное изучение конкретных примеров угроз, выраженных в дезинформации и риторике ненависти. Понимание основных акторов, этапов распространения, а также социально-психологических инструментов влияния, связанных с каждой из угроз, является как никогда востребованным в информационном обществе. При этом важным является глубокое осмысление информационных угроз, выходящее за рамки исключительно политической сферы. Мировые проблемы и катаклизмы, такие как пандемия COVID-19, иллюстрируют, что фиксация процесса осмысления дезинформации и проблем эпохи постправды лишь в политической сфере искажает представление о существующих угрозах. Активное вовлечение пользователей в цифровые коммуникации делает простых людей также участниками цифровых манипуляций, производимых осознанно и неосознанно. В исключительных случаях это порождает непроизвольные лавины ложного контента в сети, вызывающего цифровую инфодемию или, иначе говоря, неконтролируемое вирусное распространение вредоносной информации.

Именно эта комплексность проблемы цифрового информационного влияния, распространяемая на всю мировую политику, требует многостороннего анализа, помогающего избежать редукционизма цифровых угроз. Подобный подход включает последовательную концептуализацию каждого из основных терминов в вопросах информационного влияния, выстраивание между ними онтологической связи, их экстраполяцию на систему международных отношений. Немаловажной составляющей является и включение вопросов безопасности и акторности при изучении действий субъектов и посредников информационного влияния. Такой подход позволит обратиться к изучению угроз с позиции адаптации общественных процессов к ним и выработке коллективной и глобальной стрессоустойчивости к дезинформации. В этой связи особенно важным представляется теоретическое моделирование среды осуществления информационного влияния, а также

содержательной части угроз, сопряженных с негативным информационным влиянием любых форм, через вычленение психологических, информационных и социальных триггеров, реализуемых в пространстве международных отношений.

Данные приоритеты научных изысканий в области информационного влияния соответствуют таким **направлениям изучения международных отношений** как *развитие теории и методологии, методов анализа, понятийного аппарата*, в равной степени, как и *исследованиям информационных, когнитивных, био- и других новых технологий в мировой политике*. Включение в исследовательскую повестку вопросов политики постправды и появления новых акторов в ходе международного информационного влияния отражает также содержание таких направлений как *мегатренды, международная безопасность, деятельность негосударственных акторов, а также субъективных факторов в изучении международных отношений*.

Вспомогательной составляющей при изучении информационного влияния является анализ инициатив в контексте коллективного ответа на постправду, что отражено в рамках различных национальных, региональных и наднациональных практик. Множество глобальных игроков, среди которых Организация Объединённых Наций (ООН), Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), а также региональные акторы, к примеру, Содружество Независимых Государств (СНГ) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), включились в этот процесс. Аналогичные тенденции наблюдаются на национальном уровне и даже в частном секторе со стороны транснациональных корпораций, владеющих цифровыми платформами. Все эти обстоятельства требуют определённой консолидации имеющихся управленческих решений и рассмотрения перспектив выработки многостороннего подхода, способного активизировать все ресурсы системы для эффективной эволюции международного социального и политического пространства в условиях постоянных информационных угроз.

Исходя из обозначенной проблематики, **целью диссертационного исследования** является формирование комплексной теоретико-методологической

модели анализа цифрового информационного влияния в сфере международных отношений и мировой политики, основанной на последовательном рассмотрении концептуальных и практических аспектов современного состояния цифровой и информационной неопределённости. Поставленная цель обусловлена системным изучением факторов, формирующих поведение различных акторов как на этапе осуществления информационных манипуляций, так и на этапе противодействия им.

Достижение поставленной в рамках диссертации цели требует решения следующих **задач**:

- 1) Изучить современное философское и научное осмысление категорий «правды» и «лжи» в контексте постструктуралистских и постмодернистских исследований;
- 2) Установить категориальные и понятийные рамки термина «постправда» для описания условий современной коммуникационной среды;
- 3) Определить структурную взаимосвязь между основными акторами (субъектом, посредником и объектом) процесса информационного влияния;
- 4) Дать теоретическую характеристику ключевых угроз информационных манипуляций в эпоху постправды, указав специфику дезинформации и риторики ненависти как самостоятельных категорий;
- 5) Выявить перспективные направления эволюции цифровых и информационных угроз;
- 6) Обозначить существующий круг практик противодействия информационному влиянию на глобальном, национальном и локальном уровнях;
- 7) Сформировать ключевые научно значимые характеристики «стрессоустойчивости» и «мультистейкхолдеризма» в качестве актуальных управленческих понятий в вопросах противодействия дезинформации.

Объектом исследования является процесс информационного влияния и цифровых коммуникативных манипуляций в реалиях информационного общества XXI века. При этом **предметом** исследования выступают теоретические представления об отдельных информационных угрозах – дезинформации и риторики ненависти – в контексте их современной научной концептуализации, а также актуальных и перспективных моделей и методов противодействия им.

Исследование основано на комбинации нескольких **теоретических подходов**. В центре работы находится постструктуралистское осмысление категории «правды» («истины»), основанное на работах Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко, а также постмодернистская характеристика информационной среды Ж. Бодрийяра. Особое внимание уделяется взаимосвязи «правды» и «власти», «коммуникации» и «консенсуса», как основных категорий теоретического осмысления эффективного информационного влияния в контексте мировой политики. Современная интерпретация дихотомии «правды» и «лжи», являющейся осевой в вопросах стратегических манипуляций и дезинформирования, происходит в рамках концепции «постправды». В рамках работы развивается её научная составляющая, обеспечивающая новые возможности при анализе информационного фактора международных отношений, несмотря на существующие на данный момент пробелы и недостатки в её текущей концептуализации.

Особое место в ходе анализа условий современной цифровой среды уделяется эмоциональным и когнитивным аспектам информации и действий пользователей, т.к. эмоциональность дискурса выделяется как индикатор эпохи постправды. С этой целью в исследовании процесс реагирования на информационные угрозы осмысляется через теорию ограниченной рациональности на индивидуальном уровне и теорию «эмоциональных режимов» на социальном. К другим важным теоретическим категориям, используемым в ходе изучения актуального опыта борьбы с дезинформацией и риторикой ненависти, относятся «нормативность», «стрессоустойчивость» и «мультистейкхолдеризм». При этом последние две категории являются не только отдельными теоретическими концепциями, но и составной частью методологии исследования.

Методология исследования включает в себя использование общенаучных и специальных методов. К категории общенаучных методов, применяемых в исследовании, следует отнести:

- сравнительный анализ, используемый для сопоставления как теоретических подходов к проблемам постправды и дезинформации, так и для изучения существующих практик различных политических и социальных институтов в процессе противодействия информационным угрозам;

- диалектический метод, используемый в ходе осмысления таких конструируемых дихотомий и бинарных оппозиций как «правда» и «ложь», а также (фактическая) «правда» и «эмоции», формируемые в ходе дискуссий о политике постправды. Через диалектику происходит рассмотрение информационного влияния, в котором субъект, посредник и объект, первично находясь в состоянии противоположностей, объединяются в контексте единства информационного пространства. Кроме того, диалектически рассматриваются модели поведения каждого из акторов в контексте единства и соперничества социального и индивидуального начала;

- классификация, позволяющая выстроить в иерархическую взаимосвязь ключевые понятия и их атрибуты, а также установить причинность их совместного использования.

Среди специальных методов политических наук работа опирается на:

- метод системного анализа, подразумевающего установление и изучение основных акторов (государственных, негосударственных, межгосударственных), их структурно-функциональной связи, а также уровней системы (глобального, макрорегионального, национального и локального), в рамках которой происходит противодействие дезинформации;

- ивент-анализ, структурирующий последовательность процессов и событий (их причин и последствий), определяющих траекторию развития как теоретических концепций (постправды), так и действий глобальных и наднациональных акторов;

- агентное моделирование, структурирующее стимулы и реакцию разных акторов на формирование информационных угроз, а также восприятие

манипулируемой информации через установление субъекта, посредника и объекта информационного влияния.

Реализация указанных методов для решения поставленных задач происходила с опорой на несколько категорий **источников**:

Первая группа источников составляет нормативные и правовые документы, устанавливающие правила, принципы и законы в цифровой сфере. Их классификация возможна как по *тематическому признаку*, включая правовые акты и законы о дезинформации² и риторике ненависти³, так и по *институциональному признаку*, в зависимости от того, какой институт или актор принял соответствующий закон: государство⁴ или глобальные органы (к примеру, рекомендации ООН)⁵.

Вторая группа источников содержит правила и нормы корпоративного характера⁶ или правила сообществ⁷, на основе которых осуществляется саморегуляция и модерация платформ и онлайн сервисов.

К третьей группе источников относятся статистические данные, в том числе, информация и сведения библиографических и реферативных баз данных, в частности, Scopus, применяемые в ходе библиометрического анализа отдельных исследуемых концепций.

---

² LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information (1) / NOR : MICX1808389L, JORF n°0297 du 23 décembre 2018. – 2018; LOI n° 2020-766 du 24 juin 2020 visant à lutter contre les contenus haineux sur internet (1) / NOR : JUSX1913052L, JORF n°0156 du 25 juin 2020. – 2020.

³ Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz - NetzDG) vom 1. September 2017 / Bundesgesetzblatt, T. I Nr. 61, S. 3352. – 2017.

⁴ Op. cit. (LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018...); Op. cit. (Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung...).

⁵ The UN Strategy and Plan of Action / United Nations [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/en/hate-speech/un-strategy-and-plan-of-action-on-hate-speech> (дата обращения: 04.12.2022); United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 24 December 2021 A/RES/76/227 / United Nations – 2022. – P. 1-4.

⁶ Terms of Service / Telegram [Электронный ресурс]. – URL: <https://telegram.org/tos/terms-of-service-for-telegram-premium> (дата обращения: 21.02.2023); YouTube. Hate speech policy - YouTube Help [Электронный ресурс]. – URL: <https://support.google.com/youtube/answer/2801939?hl=en> (дата обращения: 10.11.2021).

⁷ Правила сообщества YouTube - Как работает YouTube / YouTube [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/howyoutubeworks/policies/community-guidelines/#community-guidelines> (дата обращения: 21.02.2023); Правила сообщества / Tiktok [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tiktok.com/community-guidelines> (дата обращения: 20.12.2022).

Четвёртая группа источников – это новостные статьи, публикуемые различными информационными агентствами⁸. Эта группа источников служит основой ивент-анализа и включает как российские, так и зарубежные издания.

Пятая группа источников охватывает большой спектр электронных ресурсов, отражающих информационную деятельность различных общественных организаций. К ним относятся веб-сайты фактчекинговых сообществ⁹, организаций по продвижению медиаграмотности и др. Электронные ресурсы используются для анализа саморепрезентации соответствующих представителей гражданского общества.

Обращаясь к **степени научной разработанности** темы следует отметить, что проблема информационного влияния имеет многостороннее отражение в научной литературе, т.к. включает различные направления исследований, связанных с пропагандой, дезинформацией, постправдой, языком вражды, а также современными цифровыми технологиями и платформами.

Наиболее общие и фундаментальные аспекты информационных манипуляций отражены в классических исследованиях пропаганды и манипуляций за авторством Г. Лассуэлла¹⁰, Р. Брэдока¹¹ и Ж. Эллюля¹². Эти исследования предлагают примеры моделирования интеракции различных участников коммуникационного процесса, уделяя внимание их мотивам и последствиям. Важные дополнения к вопросам коммуникативных практик дает концепция о роли медиа М. Маклюэна¹³, который отмечает особое значение посредника в создании

⁸ British public still believe Vote Leave ‘£350m a week to EU’ myth from Brexit referendum / The Independent [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/vote-leave-brex-it-lies-eu-pay-money-remain-poll-boris-johnson-a8603646.html> (дата обращения: 08.02.2023); Freedland J. Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke | Jonathan Freedland [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician> (дата обращения: 24.01.2021).

⁹ CaptainFact.io [Электронный ресурс]. – URL: <https://captainfact.io/> (дата обращения: 22.12.2022).; Faktisk. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.faktisk.no/> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁰ Lasswell H.D. Propaganda technique in the World War / H.D. Lasswell. – New York: P. Smith, 1938; Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda / H.D. Lasswell // The American Political Science Review. – 1927. – Vol. 21. – № 3. – P. 627-631.

¹¹ Braddock R. An Extension of the “Lasswell Formula” / R. Braddock // Journal of Communication. – 1958. – Vol. 8. – № 2. – P. 88-93.

¹² Ellul J. Propaganda: The Formation of Men’s Attitudes. Propaganda / J. Ellul; transl. K. Kellen, J. Lerner. – 1st edition. – New York: Vintage, 1973. – 352 p.

¹³ McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Understanding Media / M. McLuhan, L.H. Lapham. – Reprint edition. – Cambridge, Mass: The MIT Press, 1994. – 389 p.

итогового контекста и содержания любой информации. Также существуют и более узконаправленные исследования влияния медиа, связанные с пониманием «медиа-эффектов»¹⁴, т.е. воздействием медиа на коллективное мнение. Кроме того, важным вкладом в сфере моделирования информационного воздействия являются работы К. Коппа¹⁵, создавшего теоретико-информационную модель для понимания информационных войн, привнесённую в дальнейшем в анализ дезинформации.

Помимо акторного моделирования колоссальное значение для понимания информационного влияния имеют работы в области психологии и когнитивных исследований. В основе подобного вектора изучения информационных манипуляций лежат идеи «ограниченной рациональности», разработанные Г. Саймоном¹⁶ и Д. Канеманом¹⁷. Несмотря на то что сами исследования носят более универсальный характер и нацелены на изучение фундаментальных когнитивных искажений и эвристик, они используются для дальнейшего объяснения манипулятивных феноменов информационного пространства цифровой эпохи¹⁸. Помимо вопросов когнитивных искажений, важными в контексте применения психологии к исследованиям информационного влияния являются и работы, посвященные эмоциональности и коллективным

---

¹⁴ Scheufele D.A. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models / D.A. Scheufele, D. Tewksbury // *Journal of Communication*. – 2007. – Vol. 57. – P. 9-20; Scheufele D. Framing As a Theory of Media Effects / D. Scheufele // *The Journal of Communication*. – 1999. – Vol. 49. – P. 103-122; Pan Z. Priming and Media Impact on the Evaluations of the President’s Performance / Z. Pan, G.M. Kosicki // *Communication Research*. – 1997. – Vol. 24. – № 1. – P. 3-30; Brewer P.R. Priming or Framing: Media Influence on Attitudes Toward Foreign Countries / P.R. Brewer, J. Graf, L. Willnat // *Gazette (Leiden, Netherlands)*. – 2003. – Vol. 65. – № 6. – P. 493-508.

¹⁵ Kopp C. Classical deception techniques and perception management vs. the four strategies of information warfare / C. Kopp // *Conference Proceedings of the 6th Australian Information Warfare and Security Conference*. – School of Information Systems, Deakin University, 2005. – P. 81-89; Kopp C. Shannon, Hypergames and Information Warfare / C. Kopp // *Journal of Information Warfare*. – 2003. – Vol. 2. – № 2. – P. 108-118; Kopp C. Information-theoretic models of deception: Modelling cooperation and diffusion in populations exposed to “fake news” / C. Kopp, K.B. Korb, B.I. Mills // *PLOS ONE*. – 2018. – Vol. 13. – № 11.

¹⁶ Simon H.A. Human Nature in Politics: The Dialogue of Psychology with Political Science / H.A. Simon // *The American Political Science Review*. – 1985. – Vol. 79. – № 2. – P. 293-304.

¹⁷ Kahneman D. On the reality of cognitive illusions / D. Kahneman, A. Tversky // *Psychological Review*. – 1996. – Vol. 103. – P. 582-591; Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / A. Tversky, D. Kahneman // *Science*. – 1974. – Vol. 185. – № 4157. – P. 1124-1131; Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow* / D. Kahneman. – London: Macmillan, 2011. – 512 p.

¹⁸ Falling for fake news: the role of political bias and cognitive ability / E.C. Tandoc [et al.] // *Asian Journal of Communication*. – 2021. – Vol. 31. – Falling for fake news. – № 4. – P. 237-253; Information overload for (bounded) rational agents / E.M. Pothis [et al.] // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2021. – Vol. 288. – № 1944.

сантиментам¹⁹, понимаемым, в частности, в категориях «эмоциональных режимов»²⁰, предложенных У. Редди.

Говоря о современном видении цифровых информационных угроз, особое внимание уделяется трём ключевым понятиям, характеризующим научный и публичный дискурс в этой сфере: «постправда», дезинформация (или фейковые новости) и риторика ненависти. Постправда при этом выступает наиболее широким и дискутируемым понятием, включающим в себя другие манифестации информационных манипуляций.

В контексте теоретической разработки «постправды» следует отметить несколько этапов её концептуализации. К более раннему этапу можно отнести первые упоминания этого понятия такими авторами как С. Тесич²¹ и Р. Кейс²², сформировавшими само проблемное поле. Следующим этапом становится актуализация концепции на фоне событий 2016 г., ставших яркими примерами и исходными точками для нового витка исследований постправды. В числе этих событий находятся референдум о выходе Великобритании из Европейского союза (ЕС) в 2016 г., а также целый ряд предполагаемых попыток влияния на электоральные процессы, начиная с самого громкого примера, связанного с избранием в 2016 г. Дональда Трампа президентом США. Каждое из указанных событий привело к целому ряду крупных монографий по вопросам философского и социального осмысления феномена: работам Д. Балла²³, М. д'Анкона²⁴, Е.

---

¹⁹ Bakir V. Empathic Media, Emotional AI, and the Optimization of Disinformation / V. Bakir, A. McStay // *Affective Politics of Digital Media*. – Routledge, 2020; Bakir V. Fake News and The Economy of Emotions / V. Bakir, A. McStay // *Digital Journalism*. – 2018. – Vol. 6. – № 2. – P. 154-175; Wahl-Jorgensen K. Media coverage of shifting emotional regimes: Donald Trump's angry populism / K. Wahl-Jorgensen // *Media, Culture and Society*. – 2018. – Vol. 40. – № 5. – P. 766-778; Wahl-Jorgensen K. Emotions, media and politics : Contemporary political communication / K. Wahl-Jorgensen. – Cambridge, UK: Polity, 2019; Мартыянов Д.С. Эмоциональная Публичная Сфера: Поляризация Паралингвистического Интернет-Дискурса / Д.С. Мартыянов, Г.В. Лукьянова // *Вестник Московского Университета. Серия 10: Журналистика*. – 2021. – № 2. – С. 25-48.

²⁰ Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. *The Navigation of Feeling* / W.M. Reddy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001; McGrath L.S. Historiography, affect, and the neurosciences / L.S. McGrath // *History of Psychology*. – 2017. – Vol. 20. – № 2. – P. 129-147.

²¹ Tesich S. A government of lies. / S. Tesich // *Nation*. – 1992. – Vol. 254. – № 1. – P. 12-14.

²² Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. *The post-truth era* / R. Keyes. – 1st ed. – New York: St. Martin's Press, 2004. – 312 p.

²³ Ball J. Post-truth: how bullshit conquered the world. *Post-truth* / J. Ball. – London: Biteback Publishing, 2017. – 306 p.

²⁴ D'Ancona M. Post truth: the new war on truth and how to fight back. *Post truth* / M. D'Ancona. – London: Ebury Press, 2017. – 167 p.

Дэйвиса²⁵ и С. Фуллера²⁶. Эти работы стали катализатором научной дискуссии об актуальности «нового» понятия и стоящего за ним явления.

В дальнейшем произошёл рост интереса к постправде, что отразилось как в проникновении понятия в множественные научные дисциплины²⁷, так и в заимствовании английского понятия в другие языки. На сегодняшний день постепенно формируется самостоятельное направление изучения постправды в контексте политической науки, интерпретирующее явление в категориях власти²⁸. Также следует отметить активный рост публикаций по теме постправды в рамках отечественной науки. Работы авторских коллективов Санкт-Петербургского государственного университета²⁹, а также таких авторов как Н.Ф. Пономарев³⁰, И.В. Понкин³¹ и С.В. Чугров³² развивают проблемное поле в рамках отечественной науки. В них делается особый акцент на постправде как индикаторе упадка и эрозии западных институтов³³, ставших следствием растущего недоверия и взаимного непонимания общества и власти в условиях XXI века³⁴. Однако, тематика постправды на сегодняшний день продолжает развиваться и за рамками

²⁵ Davis E. Post-truth: why we have reached peak bullshit and what we can do about it. Post-truth / E. Davis. – London: Little, Brown, 2017. – 347 p.

²⁶ Fuller S. The Post-Truth About Philosophy and Rhetoric / S. Fuller // Philosophy & Rhetoric. – 2017. – Vol. 50. – № 4. – P. 473-482; Fuller S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game. Post-Truth / S. Fuller. – New York: Anthem Press, 2018. – 218 p.

²⁷ Effron D.A. The moral psychology of misinformation: Why we excuse dishonesty in a post-truth world / D.A. Effron, B.A. Helgason // Current Opinion in Psychology. – 2022. – Vol. 47. – P. 101375; Post-Truth, Philosophy and Law / eds. A. Condello, T. Andina. – 1st edition. – Routledge, 2020. – 172 p.; Gunkel D.J. The medium of truth: media studies in the post-truth era / D.J. Gunkel // Review of Communication. – 2019. – Vol. 19. – № 4. – P. 309-323; Heinrich S. Medical science faces the post-truth era: a plea for the grassroots values of science / S. Heinrich // Current Opinion in Anaesthesiology. – 2020. – Vol. 33. – № 2. – P. 198-202.

²⁸ Kalpokas I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – 135 p.; Block D. Post-Truth and Political Discourse / D. Block. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – 130 p.; Giusti S. Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics. Democracy and Fake News / S. Giusti, E. Piras. – Routledge, 2021. – 246 p.

²⁹ «Политика постправды» и популизм / ред. О.В. Попова. – СПб: ООО «Скифия-принт», 2018. – 216 с.; Политика постправды в современном мире / ред. О.В. Попова. – Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием 22–23 сентября 2017 года. – СПб: ООО «Скифия-принт», 2017. – 282 с.; Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / И.А. Быков [и др.]; ред. Д.С. Мартыянов. – СПб: ЭлекСис, 2019.

³⁰ Пономарев Н.Ф. Постмодернистские стратегические коммуникации. Постправда, мемы, трансмедиа / Н.Ф. Пономарев. – "Издательство «КноРус», 2023. – 174 с.

³¹ Понкин И.В. Неклассические войны / И.В. Понкин. – ИНФРА-М», 2019.

³² Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С.В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2017. – Post-truth. – № 2. – С. 42-59.

³³ Денильханов А.Х. Постправда и либеральная парадигма постмодерна / А.Х. Денильханов // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические Науки. – 2021. – № 6. – С. 42.

³⁴ Еремина Н.В. «Новая нормальность»: конец или начало? / Н.В. Еремина // Новое прошлое / The New Past. 2021. – № 3. – С. 198–207; Тяньян Ф. Социально-политическая турбулентность и ее коммуникативные последствия / Ф. Тяньян, Н.Ю. Маркушина // Закон и власть. – 2023. – № 2. – С. 4-6.

западных политических систем, о чем свидетельствуют работы учёных с Ближнего Востока³⁵ и из стран «Глобального юга» в целом³⁶.

Помимо постправды современные исследования вопросов информационных манипуляций опираются на проблему фейковых новостей и дезинформации, как конкретных форм или инструментов влияния. Большая часть исследований в этой сфере сосредоточена либо на классификации видов данных угроз, либо на разработке форм противодействия им. Среди наиболее значимых следует выделить классификации, предложенные С.Н. Ильченко³⁷, Е.Р. Романовой³⁸, Е. Капантай³⁹ и С. Левандовски⁴⁰. Аналогичные по значимости классификации имеются и в отношении риторики ненависти, как альтернативной формы цифровой информационной угрозы, предложенные Г. Питруццелла⁴¹, Е.А. Спиридович⁴² и М.А. Паз и другими авторами⁴³.

В случае с мерами противодействия важный вклад в развитие проблематики внесли А.Лохани⁴⁴, П. Фортуна⁴⁵, В. Тиммерман⁴⁶ в контексте риторики ненависти,

³⁵ Cosentino G. Post-truth politics in the Middle East: the case studies of Syria and Turkey / G. Cosentino, B. Alikasifoglu // *Artnodes*. – 2019. – № 24. – P. 91-100; Medeiros J. de. Conspiracy Theory in Turkey: Politics and Protest in the Age of “Post-Truth”. *Conspiracy Theory in Turkey* / J. de Medeiros. – Bloomsbury Publishing, 2018. – 222 p.; Douai A. Global and Arab Media in the Post-truth Era: Globalization, Authoritarianism and Fake News / A. Douai // *IEMed: Mediterranean Yearbook*. – 2019. – P. 124-132.

³⁶ Swartz L. Disability and Citizenship in the Global South in a Post-truth Era / L. Swartz // *The Palgrave Handbook of Disability and Citizenship in the Global South* / eds. B. Watermeyer, J. McKenzie, L. Swartz. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – P. 57-65.

³⁷ Ильченко С.Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ / С.Н. Ильченко. – Феникс, 2021. – 188 с.

³⁸ Романова Е.Р. Убеждающая сила фейковых новостей: концепт когнитивных искажений / Е.Р. Романова // *Вестник Государственного Университета Дубна. Серия: Науки О Человеке И Обществе*. – 2021. – № 3. – С. 114-115.

³⁹ A systematic literature review on disinformation: Toward a unified taxonomical framework / E. Kapantai [et al.] // *New Media & Society*. – 2021. – Vol. 23. – № 5. – P. 1301-1326.

⁴⁰ Lewandowsky S. Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era / S. Lewandowsky, U.K.H. Ecker, J. Cook // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. – 2017. – Vol. 6. – Beyond Misinformation. – № 4. – P. 353-369.

⁴¹ Pitruzzella G. Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective / G. Pitruzzella, O. Pollicino. – Milano: EGEA Spa - Vocconi University Press, 2020. – 174 p.

⁴² Спиридович Е.А. Проблематика и понятие языка вражды в интернет-пространстве / Е.А. Спиридович // *Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Юридические науки*. – 2021. – Т. 37. – С. 139-140.

⁴³ Paz M.A. Hate Speech: A Systematized Review / M.A. Paz, J. Montero-Díaz, A. Moreno-Delgado // *SAGE Open*. – 2020. – Vol. 10. – № 4. – P. 2; Internet, social media and online hate speech. Systematic review / S.A. Castaño-Pulgarín [et al.] // *Aggression and Violent Behavior*. – 2021. – Vol. 58.

⁴⁴ Lohani A. Countering Disinformation and Hate Speech Online: Regulation and User Behavioural Change / ORF [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.orfonline.org/research/countering-disinformation-and-hate-speech-online/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴⁵ Fortuna P. A Survey on Automatic Detection of Hate Speech in Text / P. Fortuna, S. Nunes // *ACM Computing Surveys*. – 2018. – Vol. 51. – № 4. – P. 85:1-85:30.

⁴⁶ Timmermann W. Counteracting Hate Speech as a Way of Preventing Genocidal Violence / W. Timmermann // *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*. – 2008. – Vol. 3. – № 3. – P. 353-374.

Р.К. Хелм, Х. Насу⁴⁷, К. Далкир⁴⁸, М.А. Алонсо⁴⁹ и А.И. Куза⁵⁰ в контексте фейков и дезинформации. Эти исследования выделяют широкий спектр инициатив, охватывающих как социальные, так и технические инструменты борьбы с ложным и вредоносным информационным контентом.

Следует отметить и другие исследования, имеющие важное значение в контексте развития научного осмысления информационного влияния. Отдельным направлением, набирающим всё большее значение, является изучение применения передовых технологий для целей информационных и политических манипуляций, а также общая тенденция «датафикации» международных отношений⁵¹. Прежде всего речь идёт об искусственном интеллекте, а точнее, инициативах по его злонамеренному использованию в мировой политике. Ключевыми авторами по этому направлению исследований выступают Е.Н. Пашенцев⁵² и Д.Ю. Базаркина⁵³, К.А. Панцеров⁵⁴, а также В. Бакир и А. Макстей⁵⁵. Особенностью исследований злонамеренного использования искусственного интеллекта является его многовекторность, определяющая взаимную зависимость новых угроз в информационной сфере от технического развития различных акторов.

В контексте теоретического и практического осмысления примеров противодействия информационным угрозам особое место занимают концепции

---

⁴⁷ Helm R.K. Regulatory Responses to ‘Fake News’ and Freedom of Expression: Normative and Empirical Evaluation / R.K. Helm, H. Nasu // *Human Rights Law Review*. – 2021. – Vol. 21. – № 2. – P. 302-328.

⁴⁸ Dalkir K. Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World / K. Dalkir; ed. R. Katz. – 1st edition. – Hershey, PA: IGI Global, 2020. – 375 p.

⁴⁹ Sentiment Analysis for Fake News Detection / M.A. Alonso [et al.] // *Electronics*. – 2021. – Vol. 10. – № 11. – P. 1348.

⁵⁰ Farte G.I. Reactive Public Relations Strategies for Managing Fake News in the Online Environment / G.I. Farte, D.R. Obada // *Postmodern Openings*. – 2018. – Vol. 9. – № 2. – P. 26-44.

⁵¹ Цветкова Н. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности / Н. А. Цветкова, А. Н. Сытник, Т.А. Гришанина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. – 2022. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 174–196.

⁵² Pashentsev E. Malicious Use of Artificial Intelligence / E. Pashentsev // *European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics. ECIAIR 2019*. – UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019.

⁵³ Pashentsev E. The malicious use of artificial intelligence against government and political institutions in the psychological area / E. Pashentsev, D. Bazarkina // *Regulating Artificial Intelligence in Industry*. – Routledge, 2021; Bazarkina D. Malicious Use of Artificial Intelligence / D. Bazarkina, E. Pashentsev // *Russia in Global Affairs*. – 2020. – Vol. 18. – № 4. – P. 154-177.

⁵⁴ Pantserov K.A. The Malicious Use of AI-Based Deepfake Technology as the New Threat to Psychological Security and Political Stability / K.A. Pantserov // *Cyber Defence in the Age of AI, Smart Societies and Augmented Humanity: Advanced Sciences and Technologies for Security Applications*, 2020. – P. 37-55.

⁵⁵ Bakir V. Op. cit. (Empathic Media...); Bakir V. Op. cit. (Fake News...).

стрессоустойчивости⁵⁶ и мультистейкхолдеризма⁵⁷, развивающие новые грани понимания системной реакции на цифровые угрозы. Кроме того, существует большой перечень работ, анализирующий эмпирические данные по практике борьбы с дезинформацией на различных уровнях международной системы. К примеру, в работах Г. Питруццелла⁵⁸, Д.Ю. Базаркиной⁵⁹, В.С. Царик⁶⁰, И. Ненадик⁶¹ подробно отражены тенденции, наблюдающиеся в Европейском союзе, сочетающем национальные практики стран-членов с наднациональным нормативным вмешательством. В данных работах, вместе с тем, при наличии обширной практической составляющей, лишь в малой степени выражены (а в отдельных случаях и вовсе отсутствуют) теоретические наработки или наблюдения в вопросах концептуального осмысления дезинформации и методов реагирования на неё.

Существуют также исследования, акцентирующие внимание на отдельных институтах⁶², либо отдельных направлениях регулирования, таких как управление социальными сетями и платформами⁶³ или противодействие последствиям

⁵⁶ Tocci N. Resilience and the role of the European Union in the world / N. Tocci // *Contemporary Security Policy*. – 2020. – Vol. 41. – № 2. – С. 176-194; Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / ред. Т.А. Романова. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019.

⁵⁷ Raymond M. Multistakeholderism: anatomy of an inchoate global institution / M. Raymond, L. DeNardis // *International Theory*. – 2015. – Vol. 7. – № 3. – P. 572-616; Antonova S. “Capacity-building” in global Internet governance: The long-term outcomes of “multistakeholderism” / S. Antonova // *Regulation & Governance*. – 2011. – Vol. 5. – № 4. – P. 425-445.

⁵⁸ Pitruzzella G. *Op. cit.*

⁵⁹ Базаркина Д.Ю. Эволюция подхода Европейского союза к борьбе с дезинформацией / Д.Ю. Базаркина // *Власть*. – 2021. – № 6. – С. 130-138; Базаркина Д.Ю. Эволюция подходов к противодействию гибридным угрозам в стратегическом планировании ЕС / Д.Ю. Базаркина // *Современная Европа*. – 2021. – № 6. – С. 133-143.

⁶⁰ Царик В.С. Противодействие «Российской Информационной Угрозе» В Политике Европейского Союза После Украинского Кризиса: Дискурсивный И Институциональный Аспекты / В.С. Царик // *Среднерусский Вестник Общественных Наук*. – 2020. – Т. 15. – № 5; Царик В.С. Борьба С «Российской Дезинформацией» В Публичном Позиционировании Западных Институтов: Анализ Официальных Сайтов Нато И Европейского Союза / В.С. Царик // *Среднерусский Вестник Общественных Наук*. – 2019. – Т. 14. – № 6.

⁶¹ Nenadić I. Unpacking the «European approach» to tackling challenges of disinformation and political manipulation / I. Nenadić // *Internet Policy Review*. – 2019. – Vol. 8. – № 4. – P. 1-22.

⁶² Hedling E. Transforming practices of diplomacy: the European External Action Service and digital disinformation / E. Hedling // *International Affairs*. – 2021. – Vol. 97. – № 3. – P. 841-859; Vilson M. The Europeanization of Foreign Policy in the Face of the Russian Disinformation War / M. Vilson // *Sõjateadlane (Estonian Journal of Military Studies)*. – 2016. – № 2. – P. 114-140; Is the EU Disinformation Review Compliant with EU Law? Complaint to the European Ombudsman About the EU Anti-Fake News Initiative / A. Alemanno [et al.]. – Rochester, NY, 2018; Scheidt M. The European Union versus External Disinformation Campaigns in the Midst of Information Warfare: Ready for the Battle? *College of Europe EU Diplomacy Paper 01/2019* / M. Scheidt. – 2019. – 34 p.

⁶³ De Blasio E. Who Is Responsible for Disinformation? European Approaches to Social Platforms’ Accountability in the Post-Truth Era / E. De Blasio, D. Selva // *American Behavioral Scientist*. – 2021. – Vol. 65. – № 6. – P. 825-846; Marsden C. Platform values and democratic elections: How can the law regulate digital disinformation? / C. Marsden, T. Meyer, I. Brown // *Computer Law & Security Review*. – 2020. – Vol. 36. – P. 105373; Saurwein F. Combating Disinformation on Social Media: Multilevel Governance and Distributed Accountability in Europe / F. Saurwein, C. Spencer-Smith // *Digital Journalism*. – 2020. – Vol. 8. – № 6. – P. 820-841; Kuczerawy A. Fighting Online Disinformation: Did the EU Code of

глобальной пандемии COVID-19 на информационную систему⁶⁴. Следует отметить, что исследования в вопросах информационной безопасности и, прежде всего, противодействия угрозам в целом иллюстрируют рост, пропорциональный активизации различных акторов в области управления рисками, связанными с дезинформацией и риторикой ненависти.

Обозначенные выше исследования отражают две тенденции в исследованиях информационного влияния. Первая тенденция иллюстрирует диверсификацию угроз и технических деталей, стоящих за современными цифровыми информационными манипуляциями в международных отношениях. В этой связи проблематика насыщается новым терминологическим аппаратом, нуждающимся в дальнейшем осмыслении. Вторая тенденция отражает повышающийся интерес к различным глобальным, национальным и региональным практикам противодействия актуальным угрозам, что ведёт к формированию отдельного исследовательского направления, связанного не столько с содержанием угрозы и формами применения информационных угроз, а посвященного социальным, нормативным и политическим мерам противодействия им. В связи с этим, в рамках данной диссертации ставится **исследовательский вопрос**: как новый терминологический аппарат помогает понять и объяснить цифровые информационные угрозы в реалиях XXI века и какие модели противодействия этим угрозам складываются в мировой политике на сегодняшний день. В соответствии с вопросом выдвигается **гипотеза**: новые терминологические рамки, опирающиеся на понятие «постправда», дополняют, а не усложняют представление о новых формах информационных угроз, что выражается параллельной активизацией не только исследовательской, но и практической деятельности международных

Practice Forget about Freedom of Expression? / A. Kuczerawy // *Disinformation and Digital Media as a Challenge for Democracy*. – Intersentia, 2019. – P. 291-308; Wijermars M. Sociotechnical imaginaries of algorithmic governance in EU policy on online disinformation and FinTech / M. Wijermars, M. Makhortykh // *New Media & Society*. – 2022. – Vol. 24. – № 4. – P. 942-963.

⁶⁴ Current Response and Management Decisions of the European Union to the COVID-19 Outbreak: A Review / K. Goniewicz [et al.] // *Sustainability*. – 2020. – Vol. 12. – № 9. – P. 3838; Vériter S.L. Tackling COVID-19 Disinformation: Internal and External Challenges for the European Union / S.L. Vériter, C. Bjola, J.A. Koops // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2020. – Vol. 15. – № 4. – P. 569-582; Ivančík R. Fight Against Disinformation Concerning Coronavirus Pandemas At European Union Level / R. Ivančík // *Almanach (Actual Issues in World Economics and Politics)*. – 2021. – Vol. 16. – № 3. – P. 5-15.

институтов по выработке мер многоуровневого и разностороннего противодействия, соответствующего характеру угрозы.

Научная новизна исследования определена совокупностью признаков, связанных как с предметом исследования, так и с применяемыми теоретико-методологическими рамками к его исследованию. Во-первых, в работе устанавливается системная взаимосвязь между проблемами постправды и механизмами противодействия дезинформации на уровне соотношения среды и системных ресурсов, дающих расширенное понимание о характеристиках информационного влияния в цифровую эпоху. Во-вторых, автор обращается к теоретическим категориям "дискурсов правды" и "эмоциональных режимов", позволяющих обновить интерпретацию информационных манипуляций как конфликт нарративов, зависящий не только от властных стремлений, но и социокультурных установок общества, а также нормативной повестки. В-третьих, исследование акцентирует внимание на перспективных угрозах, моделируя потенциальные и реальные примеры оптимизации риторики ненависти и дезинформации через искусственный интеллект. В-четвертых, системное моделирование информационного влияния на уровне основных акторов и их внутренней структуры даёт новый методологический инструмент для анализа как действий субъектов влияния в мировой политике, так и мер противодействия им. Таким образом, в работе проведено одно из первых отечественных исследований по теории цифровых информационных угроз в области международных отношений с одновременной опорой на концепцию «постправды», опыт глобальных институтов и набором взаимосвязанных аналитических и методологических подходов, названных выше.

Теоретическая значимость исследования заключается в многоуровневой концептуализации нового для научного сообщества понятия – «постправда». Автор стремится исключить из семантического поля постправды характеристики, политизирующие и размывающие понятие, а также усилить её применимость в рамках исследований международных отношений. В основе теоретической проработки термина лежат постструктуралистские и постмодернистские идеи,

служащие не первопричиной, а идейной предтечей постправды. Кроме того, в исследовании систематизируются основные характеристики политики постправды, как современных условий для цифрового информационного влияния, а также оцениваются ключевые пробелы и предметы для критики, свойственные данному понятию. Последовательные ответы на критические замечания служат основой для дальнейшего теоретического применения «постправды» как концепции «эмоциональной» информационной среды цифровых медиа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенные теоретико-методологические наработки, а также проектируемые меры противодействия могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации при разработке теоретических разделов концепций и доктрин в области информационной безопасности, противодействия дезинформации и риторики ненависти со стороны недружественных стран и других акторов, стремящихся нанести ущерб России. Ряд положений могут быть также использованы в учебном процессе по направлениям «международные отношения» и для проведения фундаментальных научных исследований.

Структура работы соответствует описанной логике исследования и включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы, приложения. Каждая глава, в соответствии с поставленными задачами, делится на подглавы. Первая глава отражает отправную философско-теоретическую основу работы, рассматривая категории «правды» и «лжи» в категориях постструктурализма и постмодернизма, производит библиографический анализ концепции «постправды», а также осуществляет оценку научной критики концепции. Вторая глава определяет методологические рамки работы. В ней структурируются основные аспекты предложенной автором модели анализа информационного влияния, последовательно приводятся характеристики субъекта, объекта и посредника, устанавливаются инструменты изучения каждого из акторов. В рамках второй главы приводятся ключевые классификации информационных угроз, дезинформации и риторики ненависти. Третья глава посвящена анализу перспективных сценариев совершенствования угроз

посредством искусственного интеллекта. Также в ней представлены основные характеристики актуального опыта по противодействию информационным угрозам акторов и институтов на различных уровнях международной системы. Даются оценка концепциям стрессоустойчивости и мультитейкхолдеризма как передовым идеям в области информационного регулирования. В заключении резюмируются итоги исследования, даётся оценка перспектив дальнейшего изучения цифрового информационного влияния. Приложение воспроизводит визуальное сопровождение предложенной автором работы модели изучения информационного влияния.

Сформулированные в работе положения прошли **апробацию** в рамках ряда публикаций, а также выступлений автора на научных мероприятиях с докладом. Суммарное количество публикаций по теме – 15, из них 7 научные статьи, 2 главы в коллективных монографиях и 6 опубликованных тезисов докладов научных конференций (см. Список использованных источников и литературы – подраздел «Авторские материалы, подготовленные в ходе написания диссертации»). 5 публикаций индексируются в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК), 4 входят в международные базы Web of Science и Scopus. Отдельные части исследования получили финансовую поддержку в рамках исследовательских грантов Российского научного фонда (РНФ)⁶⁵ и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)⁶⁶.

К **основным научным результатам**, достигнутым в ходе диссертационного исследования, следует отнести:

1) Теоретическое осмысление цифровых угроз (дезинформации и риторики ненависти) через призму концепции «постправды» с учётом различных

---

⁶⁵ Автор работы являлся участником исследовательского гранта «Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России». РНФ (проект №17-18-01110). Март - Декабрь 2019 г.

⁶⁶ Автор работы являлся участником исследовательского гранта «Злонамеренное использование искусственного интеллекта и вызовы информационно-психологической безопасности в Северо-Восточной Азии». РФФИ (проект № 21-514-92001). 2021 – 2022 гг.

социальных⁶⁷, дискурсивных⁶⁸ и макрополитических переменных⁶⁹. В частности, была обоснована научная полезность применения концепции к современным международным отношениям⁷⁰.

2) Создание концептуальной модели классификации мер по противодействию информационным угрозам через логику системного реагирования различных акторов международной системы на внешние и внутренние триггеры, среди которых центральную роль играют патерналистская и адаптивная реакция на информационную угрозу⁷¹.

3) Разработку проблематики акторности новых медиа в системе международных отношений в условиях цифровизации в контексте роста возможностей влияния онлайн-платформ на политическую среду государств⁷². Среди ключевых наблюдений в области деятельности цифровых агентов следует также отметить тенденцию к формированию мультистейкхолдеризма как метода вовлечения негосударственных акторов в проблематику управления в цифровой сфере⁷³.

⁶⁷ Колотаев Ю.Ю. Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов / Ю.Ю. Колотаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2022. - Т. 24. - №3. - С. 520; Колотаев Ю.Ю. Постправда через призму эмоциональных режимов и эмотивов / Ю.Ю. Колотаев // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения. Санкт-Петербург, 2022 – С. 106.

⁶⁸ Колотаев Ю.Ю. Формирование идентичности России в процессе ее взаимоотношений с Европейским союзом в контексте политики постправды / Ю.Ю. Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. – 2018. – С. 103.

⁶⁹ Колотаев Ю.Ю. Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникационные ключевые категории в отношениях между Европейским союзом и Россией в условиях постправды. Внешние угрозы и внутренние вызовы / Ю.Ю. Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. – 2019. – С. 432.

⁷⁰ Колотаев Ю.Ю. Перспективы и ограничения научного использования концепции постправды / Ю.Ю. Колотаев // Будущий мир, общие усилия, подлинный прогресс. – Москва: Государственный университет управления, 2020. – С. 86.

⁷¹ Модель была представлена в следующих публикациях: Указ. соч. (Концепция стрессоустойчивости Европейского союза...). С.93-95. *Личный вклад: Глава § 3.2. Фейковые новости, или дезинформация*; Kolotaev Y.Y. European Union in the age of post-truth: Developing societal resilience before European Parliament elections 2019 / Y.Y. Kolotaev // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. – 2020. – Vol. 13, Issue 1. – P. 79.; Романова Т.А. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т. А. Романова, Н. И. Соколов, Ю. Ю. Колотаев // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12. № 1. – С. 55-56. *Личный вклад – 15/5, Парадигмы работы с проблемой дезинформации (фейковых новостей) и стрессоустойчивость; Три подхода к дезинформации в сравнительном разрезе.*

⁷² Kolotaev Y., Kollnig K. Political influence of online platforms: YouTube's place in European politics / Y. Kolotaev, K. Kollnig // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. – 2021. – Vol. 14. – №. 2. – P. 228. *Личный вклад: 10/5, Power and actorness of mass and social media; Types of political influences.*

⁷³ Колотаев Ю.Ю. Развитие политики Европейского союза по противодействию дезинформации сквозь призму мультистейкхолдерного подхода / Ю. Ю. Колотаев // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2023. – № 2. – С. 50.

4) Актуализацию научного представления о перспективных цифровых угрозах в области информационного влияния с опорой на системы ИИ⁷⁴. Создана модель анализа основных уязвимостей социального и технического характера для информационных манипуляций в мировой политике⁷⁵, а также представлена структура информационной атаки с применением ИИ⁷⁶.

5) Комплексный анализ существующего международного опыта в сфере борьбы с дезинформацией⁷⁷ с целью последующей теоретической структуризации накопленной практики для формирования идейной основы новых отечественных методов информационного регулирования.

Положения, выносимые на защиту, включают следующие наблюдения и результаты, выявленные в ходе исследования:

- В современных условиях актуальной и эвристически полезной интерпретацией девальвации правды в условиях информатизации и распространения социальных медиа является представление о «политике постправды», объединяющее технические предпосылки с проблемой социальной поляризации в реалиях XXI в. Постправда подчёркивает практическую важность эмоций в процессе определения правдивости высказываний и суждений, а также процессе информационного воздействия. Концепция «постправды» имеет структурные проблемы, связанные с политическими и публицистическими аспектами её артикуляции, которые нуждаются в устранении. Ресурсами устранения этих проблем выступают междисциплинарный характер понятия, акцент на техногенных трансформациях и внимание к конструированию правды через эмоции в рамках социальной интеракции. Дальнейшая проработка этих аспектов позволит закрепить за постправдой статус самостоятельной

---

⁷⁴ Колотаев Ю.Ю. Методы противодействия злонамеренному использованию искусственного интеллекта: опыт и модели Северо-Восточной Азии / Ю.Ю. Колотаев // Информационные войны. – 2022. – № 3. – С. 65.

⁷⁵ Kolotaev Y. Sentiment Analysis: Challenges to Psychological Security and Political Stability // Y. Kolotaev // Proceedings of the 3rd European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics ECIAIR 2021, 2021. P. 85.

⁷⁶ Kolotaev Y. Hate Speech in Perception Management Campaigns: New Opportunities of Sentiment Analysis and Affective Computing / Y. Kolotaev // The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security / ed. E. Pashentsev. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – P. 116.

⁷⁷ Колотаев Ю.Ю. Европа и Европейский союз в контексте информационных угроз постковидного мира / Ю.Ю. Колотаев // Современная Европа. – 2021. – № 7. – С. 145–146; Колотаев Ю.Ю. Дезинформация в эпоху пандемии: опыт противодействия новым цифровым угрозам в ЕС / Ю.Ю. Колотаев // Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития. Мировое развитие. Выпуск 23. ИМЭМО РАН, 2022 – С. 114-115.

теоретикофилософской категории, применимой к сфере межгосударственного и международного взаимодействия.

- К основным элементам, образующим структурную основу информационного влияния, относятся связи между субъектом, объектом и посредником. В качестве центрального связующего элемента выступает взаимосвязь субъекта и объекта с присущей каждому из них внутренней поведенческой логикой. Для субъекта логика рационального выбора определяет основную форму и содержание выбираемой стратегии поведения. У объекта влияния внутренняя логика зависит от уровня воздействия: социального и индивидуального. На индивидуальном уровне параллельно с рациональным мышлением работают механизмы ограниченной рациональности, отражающие систему быстрых когнитивных механизмов, позволяющих ему реагировать на входящую информацию. На социальном уровне за систему реагирования ответственны дискурсы правды и эмоциональные режимы, отвечающие за коллективный консенсус относительно правдивости отдельных фактов и допустимости конкретных эмоций.

- В условиях цифровизации медиа (посредника) информационное влияние упрощается за счёт уязвимостей и механизмов посредника. Постправда ускоряет распространение неverified фактов через эмоциональность дискурса, формируемого политическими акторами с опорой на принципы и алгоритмы работы социальных сетей. Однако политический подтекст является не единственным условием для создания дезинформации и риторики ненависти. Они формируются также и под воздействием ситуативных, кризисных, неполитических и субъективных факторов, что усложняет создание и реализацию мер по противодействию цифровым угрозам.

- На сегодняшний день формируется потенциальное и реальное усиление информационного влияния через применение искусственного интеллекта в цифровых манипуляциях. К этой категории технической оптимизации дезинформации можно отнести эксплуатацию в ходе распространения фейков алгоритмов выдачи контента, создание синтетических данных и информации, а

также использование анализа эмоциональных характеристик объекта влияния для эмпатической оптимизации информации.

- Существующие практики противодействия информационным угрозам можно классифицировать по уровням международной системы: глобальные, наднациональные, национальные, региональные и локальные. Представленные практики в свою очередь могут отражать одну из двух управленческих логик. Одна отражает адаптацию к системному воздействию, применяя новый вызов в качестве инструмента эволюции системы. Другая основывается на патерналистском видении, отражающем оградительные меры, направленные на защиту сложившегося баланса системы или его восстановление. Различные комбинации данных двух параметров указывают на большую вариативность практик, совокупность которых в сочетании с сотрудничеством различных акторов формируют мультистейкхолдерный подход. Его суть отражает горизонтальную и вертикальную кооперацию с целью выработки оптимальных практик.

Глава 1: «Правда» и «постправда» как категории международной безопасности в контексте цифрового информационного влияния и манипуляций

Современная политическая обстановка на глобальном и локальном уровнях сопряжена с растущей конфликтностью международных отношений, информационными войнами, эволюцией популизма, а также падением доверия к экспертному знанию. Трансформация информационного пространства, происходящая параллельно с этими процессами, нанесла серьезный удар по общественному консенсусу касательно существовавшей системы производства, потребления и оценки информации. В контексте растущего разнообразия информационных потоков, способных нести любую информационную нагрузку, и неограниченного доступа к ним, человечество столкнулось с новой, видоизменённой интерпретацией существовавших ранее явлений коммуникативного пространства. Ложь и дезинформация, как естественные свойства социального и межличностного общения, приобрели новое значение в терминах «фейковые новости» и «альтернативные факты», а структурированное информационное влияние, аналогичное пропаганде, стало называться «стратегическими коммуникациями». Смена понятий и рост их использования характеризовали перемены в восприятии тех условий, в которых находится общество. Центральное место в таких условиях занимает снижение роли фактов и увеличение влияния эмоций. Новая идея о распространении «политики постправды» или «эпохи постправды», используемая для обозначения изменения отношения социума к фактической составляющей информации и её рациональному восприятию, проникла в политический дискурс различных стран.

Распространение вызванных информатизацией новых типов информационных угроз (фейков, риторики ненависти и т.д.) связывается в общественных науках именно с распространением условий постправды. Однако, несмотря на новизну информационных угроз, значительная их часть имеет набор факторов, уходящих корнями в когнитивную психологию и имеющих прямое

отражение на протяжении всей человеческой истории. Так, к примеру, явление дезинформации даже в современном технологическом воплощении тесно связано с пониманием таких с исторической точки зрения универсальных сущностей как «правда», «достоверность» и «объективность». Каждое из указанных понятий является фундаментальным аспектом философской мысли на протяжении всех этапов её формирования и развития. Однако все эти понятия («правда», «достоверность» и «объективность») получили в XX и XXI веках новые интерпретации, в частности, и в рамках постпозитивистской философской мысли.

По этой причине философское и теоретическое изучение новых типов информационных угроз несет в себе высокую степень значимости, т.к. позволяет связать происходящие перемены с уже имеющимися в распоряжении учёных и мыслителей идеями. В контексте фейковой информации и постправды, новое прочтение и интерпретации получают категории «правды» и «лжи». При этом особый интерес здесь представляют интерпретации этих категорий представителями постмодернизма и постпозитивизма, изменивших современное мировоззрение в области проблемы (не)постижимости правды и истинности окружающего нас мира, а также в вопросах понимания информационной безопасности через призму дискурса и нарратива.

Перед началом главы важно сделать ремарку, касающуюся философско-политического анализа понятия «правда» и проблемы границы этого понятия с точки зрения его соотношения с категорией «истина». Несмотря на существующее в отечественной философии представление о смысловых границах каждого из понятий⁷⁸, в рамках данной работы категории «истина» и «правда» обобщаются во избежание понятийной и концептуальной путаницы в связи с переводом термина «постправда» (в отдельных случаях «постистина»)⁷⁹, имеющего английские корни

⁷⁸ Карасика В.И., Стернина И.А. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 3. Волгоград: Парадигма, 2006. – 381 с.; Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: Проблема корреляции / М.В. Черников // Полис. Политические Исследования. – 1999. – № 5. – С. 43-61; Лишаев С.А. «Правда» и «истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) / С.А. Лишаев // Вестник Самарской Гуманитарной Академии. – 2006. – № 1 (4). – С. 173-209.

⁷⁹ Морозов А.В. Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием: / А.В. Морозов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 287-297; Салин А. Постправда и ее опасности / А. Салин // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 284-297.

(post-truth) и обладающего устоявшимся переводом в русском (постправда). Эта необходимость обусловлена пересечениями в интерпретации слова truth в отдельных концепциях, имеющих разночтение в русском языке с точки зрения соотношения правды и истины как, к примеру, применение в англоязычном пространстве «дискурсов истины/правды» (truth discourse) М. Фуко к изучению постправды⁸⁰. Обобщение и частичная взаимозаменяемость правды и истины в данном исследовании направлена, таким образом, на преодоление лжеинтерпретаций и языковых разночтений, т.к. в контексте политологического изучения «постправды» проблема различий истины и правды уступает место противопоставлению правды/истины по отношению ко лжи, а фактов по отношению к эмоциям.

1.1 «Правда», власть и информационное влияние через призму постпозитивистской и постмодернистской эпистемологии

С исторической перспективы информационные манипуляции существуют как средство политического и военного (а также экономического и т.д.) воздействия на международном, государственном и общественном уровнях не меньше, чем сама система социальной организации людей. Феномен информационного влияния связан с целым комплексом понятий и терминов, носящих порой разные смыслы, но объединённых общим тематическим направлением. В этот комплекс входят как устоявшиеся (дезинформация, пропаганда), так и более современные понятия (фейк, фактоид). Изучение семантических и теоретических свойств каждого этого понятия является предметом множественных исследований⁸¹, стремящихся обозначить или опровергнуть новизну испытываемых в современности угроз информационной

---

⁸⁰ Foucault M. Subjectivity and Truth: Lectures at the Collège de France, 1980-1981: Michel Foucault, Lectures at the Collège de France. Subjectivity and Truth / M. Foucault; eds. F. Ewald, A. Fontana, F. Gros. – London: Palgrave Macmillan UK, 2017. – 331 p.

⁸¹ Tandoc E.C. Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions / E.C. Tandoc, Z.W. Lim, R. Ling // Digital Journalism. – 2018. – Vol. 6. – № 2. – P. 137-153; Farte G.I. Op. cit.

безопасности, связанных с *искажением или намеренной интерпретацией информации в политически выгодном ключе для какой-либо социальной группы.*

Вместе с тем, основным стимулом для новой итерации осмысления искажений и лжи в информационном пространстве становится технологическое развитие человечества в XXI веке. Появление *новых средств распространения информации* трансформирует процесс восприятия информации, а значит и формы манипуляции (близким по смыслу являются стоящие за тезой «medium is the message» идеи Маршалла Маклюэна)⁸². На этом стыке уходящих глубоко в человеческую историю корней дезинформации и, одновременно, постоянно возникающей вслед за техническим прогрессом новизны этого феномена, находится проблема «правды», как философской категории. Вне зависимости от исторических условий и состояния общественных отношений под непосредственное воздействие «фейков» попадает именно правда, означающая в наиболее широком смысле отражение некой объективной реальности, которая в результате информационного влияния искажается, меняется или превращается в ложь.

По своей сути искажение правды – явление, сложно поддающееся конкретной интерпретации в силу того, что основной проблемой выступает понимание самой категории «правда». Развитие философской мысли в XX веке изменило классическое представление эпохи Просвещения о правде и факте, как незыблемой основе человеческого познания мира. Особое место в рамках подобной философской мысли занял постпозитивизм, представляющий из себя не столько единую стройную теорию, сколько собирательный термин для тех теоретических воззрений, которые скептически относятся к позитивистским воззрениям на знания, науку, факты и возможности конечного познания реальности⁸³. По этой причине постпозитивизм в наиболее широком контексте включает постмодернизм, критическую теорию, постструктурализм и другие подходы, выражающие в разной

---

⁸² McLuhan M. Op. cit.

⁸³ Making sense of international relations theory / ред. J.A. Sterling-Folker. – Second edition. – Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers, Inc, 2013. – 481 p.

степени сомнения относительно универсальности категории «правда» и распространившиеся за рамки философии на другие общественные науки, в том числе и на исследования международных отношений⁸⁴.

Постпозитивизм привнёс в теорию международных отношений убеждение, что любое событие и феномен является объектом *интерпретации*, зависящей от конкретной ситуации, контекста, языковых средств и моральных установок. В контексте безопасности для Дэвида Кэмпбелла это означает, что «ничего по сути не может быть более опасным [...], чем что-либо другое, кроме как в ситуации, когда оно будет интерпретировано в таком ключе»⁸⁵. Наличие подобного политического измерения у акта интерпретации превращает процесс определения «правдивости» в политике в проблему безопасности или, в более широком смысле, в инструмент власти.

Под влиянием идей постпозитивистской философии западное академическое сообщество начали критическое переосмысление таких фундаментальных понятий как «правда», «рациональность», «объективность», «реальность» и «консенсус»⁸⁶. Для постпозитивистов наиболее важным стало изучение «правды» посредством установления социальных групп и интересов, стоящих за *утверждениями, претендующих на правдивость (truth claims)*, а также определение путей, которыми такие утверждения могут влиять на установление правды⁸⁷, что означает невозможность отделения процесса изучения политики от норм, практик и институтов, с которыми связана сама политика. В результате этого происходит слияние субъекта и объекта исследования, делающее создание и интерпретацию правды вопросом властных отношений.

Подобная тенденция в рамках социальных наук и политологии указывает на то, что происходит «релятивизация философской мысли, серьезно усложняющая

⁸⁴ Op. cit. (Making sense of international relations theory).

⁸⁵ Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Revised edition. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – P. 2.

⁸⁶ Fay B. Theory and metatheory in social science — or, why the philosophy of social science is so hard / B. Fay // *Metaphilosophy*. – 1985. – Vol. 16. – № 2/3. – P. 150-165; Lapid Y. The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era / Y. Lapid // *International Studies Quarterly*. – 1989. – Vol. 33. – № 3. – P. 235-254.

⁸⁷ Fluck M. The concept of truth in international relations theory: critical thought beyond post-positivism. The concept of truth in international relations theory / M. Fluck. – London, United Kingdom: Palgrave Macmillan, 2017. – 247 p.

задачу предоставления эффективной легитимации знания»⁸⁸. Но, несмотря на обозначенный релятивизм и перспективизм⁸⁹, постпозитивистский подход привнес новое понимание правды, которое во многом заключалось в столкновении точек зрения постструктуралистов и критической теории (оба подхода в широком смысле придерживаются постпозитивистской эпистемологии). Так, в рамках постпозитивизма сложилось негативное и позитивное понимание правды⁹⁰. Для постструктуралистской интерпретации правды (примером здесь является работа Кэмпбелла «Национальная деконструкция») свойственен акцент на политической значимости правды как источника доминирования и насилия⁹¹. Альтернативой негативному восприятию правды становится интерпретация критической теории, делающая акцент на интерсубъективном понимании правды. Эндрю Линклейтер в своей работе «Трансформация политического сообщества» подчёркивает значимость дискурсивного консенсуса, позволяющего сделать интрасубъективное понимание правды источником прогресса⁹².

Вместе с этим и негативное, и позитивное понимание правды имеет два общих положения. Первый выражен в едином осознании правды как «социального феномена», второй в понимании правды через «интерсубъективные эпистемологические практики» с особым акцентом на *условиях* создания правды⁹³. Оба эти тезиса позволяют установить, что любая попытка обозначить и закрепить правду (будь то в негативном или позитивном ключе) представляет из себя коллективное действие, зависящее в значительной степени от внешних и внутренних политических обстоятельств.

Подобное понимание правды приводит к острой для международного контекста возможности (внешнего и внутреннего) информационного влияния на процесс создания правды. С точки зрения интерсубъективности, любая

---

⁸⁸ Lapid Y. Op. cit. P. 243.

⁸⁹ Halliday F. Book review: a “crisis” of international relations? / F. Halliday // International Relations. – 1985. – Vol. 8. – Book Reviews. – № 4. – P. 412.

⁹⁰ Fluck M. Op. cit. P.13.

⁹¹ Campbell D. National deconstruction: Violence, identity, and justice in Bosnia / D. Campbell. – Univ of Minnesota Press, 1998. – 328 p.

⁹² Linklater A. The transformation of political community: ethical foundations of the post-Westphalian era. The transformation of political community / A. Linklater. – Reprinted. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 263 p.

⁹³ Fluck M. Op. cit. P.13.

релевантная дискурсивная практика (даже дезинформирующая) может стать составной частью процесса закрепления правды. В таком случае, уже на этапе создания фактического утверждения может произойти внедрение недостоверности. Сама недостоверность может быть воспринята как интерпретация реальности, зависящая от вовлечённых в процесс закрепления правды институтов, и стать составной частью правды, признаваемой обществом или его частью. Именно эта возможность и эксплуатируется в процессе намеренного распространения дезинформировании и выражается в термине «фактоид»⁹⁴. В данном случае (не)правда становится, как и отражено в негативном её понимании, источником доминирования, т.к. политически мотивированное информационное влияние приводит к социальному признанию лжи в качестве правды, в случае отсутствия какого-либо значимого противодействия этому со стороны других политических субъектов.

Такое постпозитивистское понимание правды связано с её объяснением не в категориях отражения «реального мира», а в качестве социального консенсуса. Согласие, возникающее в результате интересубъективного принятия лжи на национальном или международном уровне в качестве правды, позволяет объяснить причины возможного успешного закрепления результатов информационного воздействия в общественном дискурсе. В данном случае важным становится не то, что является в действительности «правдивым», а то, что способно закрепиться в социальной практике. Следовательно, рамки между ложью и правдой стираются и сводятся к вопросам политического влияния и способности политических акторов закрепить или, наоборот, обличить любое утверждение, претендующее на правдивость.

С одной стороны, такая логика позволяет указать на опасность любых попыток информационного влияния на общественность (т.к. они способны трансформировать закрепленный в обществе консенсус о каком-либо явлении или факте). С другой стороны, возникает вытекающий из постпозитивистской

---

⁹⁴ Definition of FACTOID [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/factoid> (дата обращения: 06.02.2023).

эпистемологии вопрос о существовании правды как таковой за рамками intersubjectивных интерпретаций. В контексте релятивистской эпистемологии этот вопрос был, в частности, рассмотрен одним из наиболее влиятельных постструктуралистских философов – Мишелем Фуко. В рамках курса лекций, посвященных субъективности и правде (истине), Фуко обращается к категории «дискурсов правды»⁹⁵ (также переводимых как «дискурсы истины»)⁹⁶. В его понимании существование дискурса, претендующего обозначить правду, не означает, что существует прямая связь между дискурсом и той реальностью, о которой он говорит⁹⁷. Фуко задаётся вопросом, «для чего существует в дополнение к реальности ещё и правда?»⁹⁸ Для него реальность мира не является правдой как таковой, т.к. дискурсы правды не только документируют, что является частью реальности, а сами представляют из себя фрагмент реальности, которая в отдельности не нуждается в их появлении⁹⁹. Правда, таким образом, является обстоятельством не обязательным для реальности, но дополняющим её в случае своего появления.

В рамках дискурсов правды сама правда становится элементом изменения реальности и не способна её в полной мере отражать. Как и в случае с системами знаний, находящимися под воздействием властных отношений, правда является продуктом исторических обстоятельств¹⁰⁰. Поэтому она не может отсылать к фундаментальному представлению о существовании единой правды. Заменой этому представлению становится идея о множественности правды.

Таким образом, Фуко, обращаясь к дискурсам правды, не отрицает принципиального существования самой правды. Для него большее значение имеет вопрос её возникновения, носящий зачастую случайный и «необязательный»

⁹⁵ Foucault M. Op. cit. (Subjectivity and Truth...).

⁹⁶ Грозина Н.А. Проблема источника власти и тема сопротивления в философии Фуко / Н.А. Грозина // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 153-159; Хэйр Д. Религия и мораль / Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей [Электронный ресурс]. – URL: <https://philosophy.ru/ru/religion-morality/index.php> (дата обращения: 24.02.2023).

⁹⁷ Foucault M. Op. cit. (Subjectivity and Truth...). P. 221.

⁹⁸ Ibid. P. 237.

⁹⁹ Prozorov S. Why is there truth? Foucault in the age of post-truth politics / S. Prozorov // Constellations. – 2019. – Vol. 26. – № 1. – P. 18-30.

¹⁰⁰ Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History / M. Foucault // The Foucault reader / ed. P. Rabinow. – New York: Pantheon Books, 1984. – P. 76-100.

характер¹⁰¹. При этом, несмотря на свою «необязательность, для Фуко правда является важным аспектом «правительности» (governmentality)¹⁰². Дискурс правды лежит в основе управления, что обусловлено ограниченностью доступа к возможности утверждения правды. Он не может быть распространён в равной степени в обществе, что связано с тем, что «способность каждого выражать мнение не даёт всем возможность заявлять и говорить правду»¹⁰³. Доступ к процессу формирования правды имеет социальные рамки, что превращает её в инструмент управления, сохраняя при этом её динамичный и полиморфный характер.

Точка зрения Фуко, связанная с ограниченным доступом к формированию правды, противоречит в определенном смысле позиции, обуславливающей видение правды в качестве intersубъективного социального феномена. Однако, такая позиция даёт возможность сузить и обозначить круг потенциальных акторов, имеющих реальную возможность трансформировать и устанавливать правду. В случае с информационным влиянием и дезинформацией, связь правды с доступом к управлению означает, что возможность влиять на дискурс является вопросом политического и властного характера.

Несмотря на изначальную ограниченность субъектов этого процесса, изменения цифровой среды сигнализируют об обратной тенденции на децентрализацию дискурса правды, когда значение отдельных дискурсивных практик размывается в информационном потоке. Поэтому, вместе с изменением условий распространения правды, требуется и определённый пересмотр основных сторон – «стейкхолдеров», вовлеченных в создание правды, а точнее её различных вариантов.

Внедрение дискурса правды в формирование реальности (инструментализация правды) является ключевой предпосылкой использования и конструирования дезинформации и других информационных угроз. Однако, для понимания текущей ситуации в этой области, важно учитывать не только саму суть

---

¹⁰¹ Prozorov S. Op. cit.

¹⁰² Foucault M. The Government of Self and Others: Lectures at the Collège de France 1982–1983. The Government of Self and Others / M. Foucault; eds. F. Gros, F. Ewald, A. Fontana. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. – 402 p.

¹⁰³ Ibid. P. 183.

правды как социального явления, но и обратиться к теоретическому осмыслению философских характеристик современности. В рамках постпозитивистской эпистемологии особенно актуальным являются представления, отраженные в философии постмодерна.

Являясь составной частью широкого постмодернистского течения, постмодерн, как и вся постмодернистская эпистемология и другие постпозитивистские течения¹⁰⁴, крайне разнообразен и труден в классификации. Проблемы в оценке постмодернизма заключаются в его характерном стремлении свергнуть любую предшествующую ему эпистемологию¹⁰⁵. В отличие от критической теории, рассматривающей в большей степени вопросы исключения и доминирования, сторонников постмодернизма объединяет сомнение относительно возможности производства какого-либо объективного и «рационального» знания¹⁰⁶.

В рамках постмодернизма следует отметить два важных представления в восприятии событий современного мира. Первое указывает на то, что любое событие в мире, любой вызов мировой политики в онтологическом смысле не предшествует нашим представлениям и теориям о нём¹⁰⁷. Основные представления и преобладающие способы мышления и действия определяют реальность и воспроизводятся в ней. Вторым обстоятельством является акцент на процессе принятия решения о том, что принимается в качестве существенных вопросов мировой политики, а что нет¹⁰⁸ (проблема, близкая к сущности исключения и доминирования, поднятой в рамках критической теории). Эти два обстоятельства ставят перед постмодернистской философией вопросы формирования нашего представления и знания о политической реальности, а также её интерпретации и воспроизведения. К кругу авторов, рассматривающих эти вопросы, относятся как

¹⁰⁴ Op. cit. (Making sense of international relations theory); Bleiker R. Postmodernism / R. Bleiker // Introduction to international relations: Australian perspectives / eds. R. Devetak, A. Burke, J. George. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. – P. 86-95.

¹⁰⁵ International theory: positivism and beyond / eds. S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1996. – 362 p.

¹⁰⁶ Wight C. Philosophy of Social Science and International Relations / C. Wight // Handbook of International Relations. – London: SAGE Publications, 2002. – P. 23-51.

¹⁰⁷ Op. cit. (International theory: positivism and beyond).

¹⁰⁸ Ibid.

наиболее явные представители постмодернизма, к примеру, Лиотар и Бодрийяр, так и философы, оказавшие на него существенное влияние (Фуко, Деррида, Рорти).

Оценивая состояние реальности, Жан-Франсуа Лиотар обозначил существующую ситуацию постмодерна как обстоятельства, в которых под воздействием прогресса проявляется «недоверие в отношении метарассказов»¹⁰⁹ (метанарративов). С выходом из употребления метанарративов, «нарративная функция теряет свои функторы [...]. Она расплывается в облака языковых [...] частиц, каждая из которых несёт в себе прагматическую валентность *sui generis*. Каждый из нас живет на пересечениях траекторий многих этих частиц»¹¹⁰. Для разъяснения и уточнения особенностей подобной ситуации Лиотар обращается к концепции языковых игр (разработанной Витгенштейном)¹¹¹ и даёт ей новую интерпретацию в условиях постмодерна. Подобные языковые игры носят свойство «локальной детерминации» и имеют множественный характер.

Даже при явном акценте на лингвистической составляющей, концепция Лиотара указывает на некоторые политические аспекты постмодерна, позволяющие внести элемент технологического детерминизма, раскрывающего влияние технологий на восприятие реальности. Описывая процесс информатизации общества в контексте развития современной науки, Лиотар отмечает, что информатизация «может стать «желанным» инструментом контроля и регуляции системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания»¹¹². На фоне информатизации меняется и статус знания, закрепляющего себя в структуре соперничества за власть на международной арене. Эту мысль Лиотар отражает в утверждении, что «в форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть»¹¹³.

¹⁰⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. Н.А. Шматко. – СПб: Алетейя, 1998. – 160 с.

¹¹⁰ Там же. С. 10-11.

¹¹¹ Wittgenstein L. Philosophical investigations / L. Wittgenstein. – Oxford: Basil Blackwell, 1968. – 250 p.

¹¹² Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч.

¹¹³ Там же. С. 20.

Таким образом, утрата метанарративов в условиях информатизации и мирового информационного соперничества является ситуацией, в которой возможна эксплуатация *множественности локальных нарративов, властного измерения информации и знания* для информационного влияния. Формирующийся плюрализм предполагает вместе с этим замещение критерия правдивости (как в науке, так и в обществе) перформативностью¹¹⁴. Эффективность и практическая значимость знания в большей степени влияет на получаемую информацию, заставляя в условиях падения метанарративов превращать знания в «информационный товар». Подобная точка зрения на информацию и её политические аспекты характеризует постмодерн.

Перемены в характеристиках информации и её соотношении с реальностью играют большую роль в работах другого значимого постмодерниста - Жана Бодрийяра. Являясь популяризатором двух значимых концептов, «гиперреальности» и «симулякров», он выразил в работе «Симулякры и симуляции» свою идею о том, что современный мир состоит из набора моделей, не имеющих источников в реальности и не отсылающих к ней, а лишь только к самим себе. Такого рода *симулякры* представляют из себя «истину, скрывающую, что её нет»¹¹⁵. Они определяют порождение через симуляцию модели реального без оригинала или, иначе говоря, гиперреальность¹¹⁶. Подобная форма «реальности» самовоспроизводится через симуляции, занимающие центральное положение в объяснении современности.

Симуляция, по Бодрийяру, «отличается от вымысла или лжи тем, что она не только представляет отсутствие в качестве наличия, а воображаемое в качестве реального, но и тем, что она подрывает любой контраст к реальности, поглощая реальное внутрь самого себя»¹¹⁷. Логика симуляции ставит интерпретацию события перед самим событием (*прецессия симулякров и модели*). Объяснение события, поиск доказательств, связь его с реальностью при отсутствии какой-либо

¹¹⁴ Anderson P. The origins of postmodernity / P. Anderson. – London; New York: Verso, 1998. – 143 p.

¹¹⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва: Постум, 2017. – 240 с.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Baudrillard J. Selected writings / J. Baudrillard, M. Poster. – Stanford, Calif: Stanford Univ. Press, 2007. – 294 p.

референтной точки приводит к равноценности любых интерпретаций. Важным феноменом в этом контексте является «*политическая* проблема имитации, гиперсимуляции и агрессивной симуляции»¹¹⁸. В ситуации отсутствия чёткого деления реальности и иллюзии возникает необходимость политического реагирования на явления.

Нарушение границ реального и иллюзии наносит прямой удар по власти и порядку. Власть, опирающаяся в политическом управлении на реальное, находится в кризисе. В таких условиях Бодрийяр констатирует иллюзию власти, формирующую свою собственную симуляцию, где «фактически власть существует сегодня лишь для того, чтобы скрыть, что ее больше нет»¹¹⁹. Таким образом, отсутствие власти становится главной предпосылкой для формирования информационной неопределённости.

Вместе с изложенным Лиотаром падением метанарративов, идея гиперреальности демонстрирует, что реальность находится в абсолютном плюрализме интерпретаций, которые являются составной частью политической реальности, т.к. интерпретация, симуляция и правда – это всё часть единого дискурсивного пространства, неспособного разграничить вымысел и правду в силу отсутствия в рамках такого дискурса фактической (а не симулируемой) власти. Подобные условия становятся благодатной средой для распространения внутренней дезинформации в государстве или информационных интервенций, доказать или опровергнуть подлинность которых не представляется возможным. *Стремление противодействовать дезинформации становится само по себе симулякром*, т.к. отсылает к явлению, доказать реальность которого не представляется возможным.

Центральную роль в размытии правды и реальности создают источники распространения информации эпохи постмодерна. «Все СМИ и официальные источники информации задействованы только для того, чтобы поддержать

---

¹¹⁸ Бодрийяр Ж. Указ. соч. (Симулякры и симуляции).

¹¹⁹ Там же. С. 40.

иллюзию событийности, реальности целей, объективности фактов»¹²⁰. Не менее важным замечанием является мнение Бодрийяра, что «медиа несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать»¹²¹. Если обратиться к опыту XXI века, большая часть утверждений Бодрийяра соответствует структуре современных цифровых медиа (прежде всего социальных сетей). При этом, происходит дополнительное усиление эффекта симуляции из-за массовости и виральности новой информации в изменившейся коммуникационной среде.

Особенно активно Бодрийяр критикует информацию, как форму коммуникации, обращая внимание, что она самостоятельно уничтожает своё собственное содержание и социальное свойство, т.к. при явном росте количества информации наблюдается пропорциональное уменьшение её смысла. Причиной тому является то, что «вместо того чтобы быть верхом коммуникации, информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации» и смысла¹²². Взаимосвязанными явлениями становятся мнимая интерактивность и инсценировка интенсификации коммуникации. Инсценировка коммуникации разлагает социальное, приводит к его фрагментации и утрате со стороны медиа функции посредника.

В современном дискурсе подобного рода ситуации получили наименования «пузырей-фильтров»¹²³ и «эхо-камер»¹²⁴. Эти обстоятельства искаженной реальности сами по себе создают пространство, находящееся в состоянии информационного воздействия на реальность, трансформируя и преобразая её в необходимом для аудитории ключе. Эти дискретные сообщества внутри «дисфункционального медиа» позволяют наиболее адресно и точно производить различным политическим акторам дезинформирующее воздействие, т.к. в

---

¹²⁰ Бодрийяр Ж. Указ. соч. (Симулякры и симуляции). С. 59.

¹²¹ Там же. С. 117.

¹²² Там же.

¹²³ Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. The Filter Bubble / E. Pariser. – Penguin, 2011. – 179 p.

¹²⁴ Tweeting From Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber? / P. Barberá [et al.] // Psychological Science. – 2015. – Vol. 26. – № 10. – P. 1531-1542.

условиях инсценировки коммуникации грань между дезинформацией и объективными данными для аудитории размывается.

Нарушение коммуникативной функции информации выражено и в её разрыве с темпоральным аспектом. Оно обозначено в более поздних работах Бодрийяра в тезисе: «чем ближе мы будем к реальному времени и прямому эфиру, тем дальше мы продвинемся в этом направлении»¹²⁵. Создание «утопии реального времени» вызвано иллюзией одновременности, требующей постоянных толкований и порождающей избыток комментариев при недостатке образов¹²⁶. В результате события и «не-события» имеют равную ценность, т.к. продуцируют равную степень интереса и интерпретаций, а «последствия того, чего не было, могут быть столь же существенными, как последствия реального исторического события»¹²⁷. Политическая реальность XXI века демонстрируют эту идею особенно наглядно. Непроверенные и недоказанные свидетельства становились не раз стимулом для реакции, выраженной в прямых политических действиях на локальном или глобальном уровнях. Это касалось конфликтных ситуаций в различных регионах мира¹²⁸, условий нехватки информации, вызванных, к примеру, массовыми вирусными заболеваниями¹²⁹ и другими социальными потрясениями.

Резюмируя идеи о влиянии релятивизации правды в контексте информационного влияния, следует отметить общее согласие Бодрийяра с тем, что манипулирование информационным полем – это явление исторически свойственное человеческой цивилизации¹³⁰. Но смена системы воспроизводства информации, вместе со сменой социально-политических и культурологических предпосылок, влечёт трансформации в нашем понимании реальности и вымысла в

¹²⁵ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; пер. А. Качалов. – Москва: РИПОЛ классик, 2016. – С. 47.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 73.

¹²⁸ Francis Z. Bush, The Media & Misinformation Surrounding the Iraq War [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.anewseducation.com/post/iraq-war-misinformation> (дата обращения: 07.02.2023); Moore J. Bush's War For Reelection: Iraq, the White House, and the People. Bush's War For Reelection / J. Moore. – Hoboken, N.J: Wiley, 2004. – 400 p.; Землянский А.В. Пропагандистские задачи медиа США в период войны в Ираке / А.В. Землянский // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 103-108.

¹²⁹ Yamey G. Donald Trump: a political determinant of covid-19. / G. Yamey, G. Gonsalves // BMJ. – 2020.

¹³⁰ Бодрийяр Ж. Указ. соч. (Дух терроризма...). С. 8.

информационном поле. Дезинформация, ставшая обыденностью в интерпретации постпозитивистов и постмодернистов в условиях XX века, трансформировалась в веке XXI вместе с приходом нового поколения медиа, ускорившего процесс передачи информации, и, соответственно, дезинформации. Описанные постмодернистами реалии стали во многом пророческими для наступившей эры цифровых социальных медиа и подтверждением тому служит создание и распространение современной концепции «постправды», близкой по духу постпозитивистской эпистемологии и постмодернистскому видению (пост)современности.

1.2 Постправда и современная рефлексия о роли правды и эмоций в международных отношениях

Появление в общественном дискурсе сперва англоязычного пространства, а впоследствии и в рамках других языков, понятия «постправда» (англ. post-truth) ознаменовало рост интереса общественности и научного сообщества к теме концептуальных перемен в восприятии таких категорий как «правда» и «ложь», «факт» и «фикция» в реалиях XXI века. Термин получил сразу же большое публичное внимание, обзаведясь сторонниками нового понятия и его противниками. Интерес со стороны политиков, публицистов и ученых при этом наложил на него искажающий отпечаток, частично превратив при генерализированном использовании в риторический штамп. Специфику «постправды» обуславливает изначально свойственная данному термину публицистическая натура, мешающая до сих пор дать точное определение понятию и соотнести его с какой-либо конкретной областью знаний. По этой причине термину, если не брать в расчёт его стигматизирующие свойства в публичном дискурсе, можно присвоить характер сразу и условно новой философской концепции, и актуальной информационной угрозы, и характеристики современного состояния общества, выводящего постмодерн на новый уровень.

Активное обращение к идее о наступлении «эпохи постправды»¹³¹ произошло в выступлениях, газетных и журнальных материалах, выпущенных в 2016-2017 годах и посвященных событиям в западном сообществе, вызвавшим широкий общественный резонанс. Этими событиями стали процессы, считавшиеся маловероятными и не принимаемые большей частью экспертного сообщества как возможные: избрание в 2016 году президентом США Дональда Трампа, а также результаты прошедшего в том же году референдума в Великобритании по выходу из состава ЕС (референдум о «брекзите»)¹³². По итогу этих двух событий внутри европейской и американской общественности возникла растерянность. Причинами её появления стали кризис экспертного знания и массовое доверие (в ходе обеих кампаний) неудачно опровергнутой в публичном пространстве (дез)информации¹³³.

События в Великобритании и США породили глобальную дискуссию о новом статусе фейковых новостей в мировой политике. Во время двух кампаний перед волеизъявлением народа наблюдалось активное обращение к непроверенным и недостоверным сведениям, используемым в ходе политической агитации и аргументации своих позиций политиками. Центральную роль в ретрансляции ложных сведений сыграли при этом социальные сети.

Показательным примером выступил один из ключевых лозунгов «за» брекзит, говорящий о том, что Великобритания отправляет в ЕС 350 миллионов фунтов стерлингов в неделю, вместо того чтобы инвестировать их в систему здравоохранения¹³⁴. Несмотря на то, что этот тезис был опровергнут в ходе публичных дискуссий и дальнейшей кампании, сила убеждения и его эмоциональная привлекательность для сторонников выхода из ЕС возобладала над

¹³¹ Davies W. The Age of Post-Truth Politics [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (дата обращения: 24.01.2021).

¹³² Freedland J. Op. cit.

¹³³ Gibbs A. 'Post-truth' is the Word of the Year thanks to Brexit, Trump's election campaigns [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnbc.com/2016/11/16/post-truth-is-the-word-of-the-year-thanks-to-brexit-trumps-election-campaigns-says-oxford-dictionaries.html> (дата обращения: 08.02.2023); Rose J. Brexit, Trump, and Post-Truth Politics / J. Rose // Public Integrity. – 2017. – Vol. 19. – № 6. – P. 555-558.

¹³⁴ The Boris Johnson Brexit Bus Lie of £350m [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.conversion-uplift.co.uk/brexit/the-boris-johnson-brexit-bus-lie-of-350m/> (дата обращения: 08.02.2023); Henley J. Why Vote Leave's £350m weekly EU cost claim is wrong: Politics / J. Henley // The Guardian. – 2016. – 10 Jun.

аргументами экспертов¹³⁵. Параллельно с открытой общественной агитацией, где аналогичные недостоверные тезисы использовались напрямую, в социальных сетях производились попытки точечного донесения тезисов за выход из ЕС до потенциальных сторонников и «неопределившихся». Активная онлайн-агитация, наполненная недостоверными, но по-популистски привлекательными тезисами, стала неожиданным для наблюдателей и экспертов фактором, сыгравшим значительную роль в итогах голосования. Похожие сценарии наблюдались и в ходе выборов 2016 г. в США.

События в Великобритании и США определили рост популярности термина «постправда» в общественном дискурсе западных стран, а в дальнейшем и в мировой политике в целом. Окончательное закрепление понятия произошло после избрания «постправды» словом года по версии Оксфордского словаря в конце 2016 г.¹³⁶ В словаре дана следующая интерпретация понятия постправда: *«условия, в которых объективные факты в меньшей степени влияют на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»*¹³⁷. Такая интерпретация стала в дальнейшем референтной.

Вместе с тем, в формулировке не хватает терминологической и научной точности. На это указывает предпосылка, что общественное мнение априори должно формироваться через апелляцию к объективности. Учитывая специфику и сложности определения, чем является «объективный факт» в контексте публичного дискурса, в представленной трактовке эвристически полезной составляющей является акцент на субъективизации общественного мнения через призму эмоций. Именно эта составляющая характеризует постправду как нечто отличное от, к примеру, пропаганды, т.к. на передний план выходит наделение свойствами субъекта индивида или социальной группы по отношению к воспринимаемой информации. Именно человек, принимающий информацию, определяет степень «правдивости» исходя из внутренних побуждений, которыми может выступать

---

¹³⁵ Op. cit. (British public still believe Vote Leave...).

¹³⁶ Oxford Word of the Year 2016 | Oxford Languages [Электронный ресурс]. – URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 24.01.2021).

¹³⁷ Ibid.

эмоциональная привлекательность или идеологическая близость. Тем не менее, в формулировке отсутствуют отдельные детерминанты, дополненные лишь в ходе дальнейшего осмысления понятия «постправда» и связанных с ним условий.

Важно отметить, что Оксфордским словарем дано не первое определение постправды. С исторической точки зрения, «постправда» как понятие появилось ещё в 1992 году в статье сербско-американского сценариста Стива Тесича в журнале *The Nation*¹³⁸. На примере американского общества в период войны в Персидском заливе автором указывается, что «люди добровольно выбрали жизнь в мире постправды»¹³⁹. Произошло это вследствие отказа от механизмов, позволяющих определять степень правдивости тех или иных заявленных фактов, из-за нежелания занижать собственную общенациональную самооценку в конфликтный период и постоянно воспринимать негативную новостную повестку¹⁴⁰. В данной среде нет необходимости подавлять правду, необходимо лишь скрывать «неудобные факты» в угоду тем, которые общество восприняло бы с большим энтузиазмом. К таким выводам Тесич приходит исходя из анализа официальных заявлений правящих кругов США, «приводивших к серьезным военно-политическим последствиям, которые спустя некоторое время оказывались ложными и опровергались, но не имели ни малейших последствий для тех, кто озвучивал подобные намеренные «фейки»¹⁴¹. Модель постправды Тесича совпадает по характеристикам с концепцией гиперреальности Бодрийяра, указывая, что реальное поглощается желаемыми образами, подобно симулякрам, оторванным от условной правды. Показательно и то, что статья Тесича и поздние работы Бодрийяра¹⁴² приводят к подобным выводам при анализе одного события - войны в Персидском заливе.

Дальнейшее развитие термина проявилось в работе Ральфа Кейса в книге «Эпоха постправды: нечестность и обман в современной жизни»¹⁴³, выпущенной в

---

¹³⁸ Tesich S. Op. cit.

¹³⁹ Ibid. P.13.

¹⁴⁰ Ibid.

¹⁴¹ Лучинский Ю.В. «Правительство Лжи»: Феномен «Постправды» Стива Тесича / Ю.В. Лучинский // Век Информации. – 2018. – № 2-1. – С. 323.

¹⁴² Бодрийяр Ж. Указ. соч. (Дух терроризма...).

¹⁴³ Keyes R. Op. cit.

2004 г. и рассматривающей проблемы лжи и её мотивы. Работа Кейса выдвигает предположение о том, что мы живём в эпохе постправды, которая заключается в разрастающейся «этической серой зоне», позволяющей быть «лицемерным без необходимости считать себя бесчестным»¹⁴⁴. Рост серой зоны связан с развитием большого количества эвфемизмов, позволяющих скрывать ложь в дискурсивном контексте.

В книге приводится перечень английских слов – *imaginative truth, alternative reality, strategic misrepresentations* – служащих, по мнению автора, индикатором перехода говорящего субъекта в сферу информационных искажений. При этом, следует отметить, любое дискурсивное поле постепенно видоизменяется, дополняясь новыми словами-индикаторами. К примеру, в ходе последнего десятилетия показательным стало английское «highly likely»¹⁴⁵, употреблявшееся, в частности, западными политиками для попыток атрибуции кибератак и вмешательства в выборы.

Новые значимые публикации, популяризовавшие «постправду», появились лишь через десятилетие после работы Ральфа Кейса. На волне событий в США и Великобритании в 2016-2017 гг. произошел резкий всплеск публикаций по теме. В частности, появились книги таких авторов как Джеймс Балл¹⁴⁶, Мэттью д'Анкон¹⁴⁷ и Еван Дэйвис¹⁴⁸ и др.¹⁴⁹ Они стали своеобразной интеллектуальной реакцией на общественный шок от избрания Д. Трампа и брекзита. Авторы отреагировали своим вкладом и на избрание «постправды» (и синонимов) словом года сразу в нескольких странах¹⁵⁰, что было воспринято в качестве социального индикатора актуальности темы. Появившиеся книги обозначили некоторые «направления в понимании того, чем именно являются политика постправды и связанные с ней фейковые новости, что послужило их причиной и что с ними следовало бы теперь

¹⁴⁴ Keyes R. Op. cit. P. 13.

¹⁴⁵ Хайли лайкли, пенсионный новичок. Эксперты назвали слова года в России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dp.ru/a/2018/11/23/Hajli_lajkli_pensionnij (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁴⁶ Ball J. Op. cit.

¹⁴⁷ D'Ancona M. Op. cit.

¹⁴⁸ Davis E. Op. cit.

¹⁴⁹ Fuller S. Op. cit. (Post-Truth: Knowledge...).

¹⁵⁰ Wight C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // New Perspectives. – 2018. – Vol. 26. – № 3. – P. 17-29.

делать»¹⁵¹. Акцент был сделан на изменениях в современной политике и информационном пространстве.

Несмотря на обращение к единой проблематике, авторы, закладывая основу для изучения постправды, скорее множат интерпретации, чем дают точное определение явлению. В каждой из книг постправда имеет собственную основу анализа. Для Дэйвиса и Балла близка идея Гарри Франкфурта, профессора Принстонского университета, о границах между классической ложью и откровенной неправдой, оторванной от реальности¹⁵². В данном контексте для Дэйвиса постправда – это «новый стиль коммуникации, нагруженный утверждениями, сосредоточенными на привлечении внимания и не основывающимися на фактах, либо экспертной оценке»¹⁵³. У Мэттью д'Анкона отсутствуют аналогичные разграничения форм лжи, однако он выделяет общественное безразличие к снижению ценности правды и «распространение пагубного релятивизма, замаскированного под обоснованный скептицизм» в качестве характеристик постправды¹⁵⁴. Монографии Балла, Дэйвис и д'Анкона стали основой для новой волны изучения постправды. Тем не менее, им был свойственен в большей степени не научный, а публицистический характер, выраженный в обобщённой аргументации.

Переход постправды из публицистического в академическое пространство произошло лишь в конце 2010-х гг. К этому моменту понятие окончательно вошло в политический и научный лексикон. Характерной чертой постправды становится её междисциплинарность. Термин развивается не в рамках отдельной научной школы или концепции, а проникает сквозь дискурс сразу во множество научных направлений. К началу 2020-х гг. можно наблюдать проникновение постправды в

---

¹⁵¹ Crilley R. International relations in the age of 'post-truth' politics / R. Crilley // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – № 2. – P. 417.

¹⁵² Frankfurt H.G. On Bullshit / H.G. Frankfurt. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. – 81 p.

¹⁵³ Davis E. Op. cit. P. XI.

¹⁵⁴ D'Ancona M. Op. cit. P.2.

исследования психологии¹⁵⁵, права¹⁵⁶, философии¹⁵⁷, медиа-исследований¹⁵⁸, медицины¹⁵⁹ и множественные другие дисциплины. В результате формируется междисциплинарное понимание феномена, отсылающее к общей проблематике трансформации восприятия правды и реальности в обществе.

Рост научного интереса к постправде можно пронаблюдать на основе сведений из глобальной базы данных рецензируемой научной литературы Scopus. Данные за 2016-2021 гг. демонстрируют многократное увеличение исследований, отсылающих к проблеме постправды. За весь указанный период совокупное количество публикаций, отражающих понятие «постправда» (англ. «post-truth») в заголовке или ключевых словах, составляет 1062 документа: статей, книг, глав из книг, рецензий и докладов. При этом, если в 2016 году количество составляло 14 публикаций, в 2017 г. – 147, то начиная с 2018 г. ежегодный прирост составляет в среднем 225 новых публикаций по теме (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Количество публикаций в Scopus по ключевому слову «post-truth»

Год	Кол-во публикаций
2021	222
2020	233
2019	221
2018	225
2017	147
2016	14

Источник: составлена автором на основе информации из базы данных Scopus

¹⁵⁵ Effron D.A. Op. cit.; Tsipursky G. A Psychological Approach to Promoting Truth in Politics: The Pro-Truth Pledge / G. Tsipursky, F. Votta, J.A. Mulick // Journal of Social and Political Psychology. – 2018. – Vol. 6. – № 2. – P. 271-290.

¹⁵⁶ Op. cit (Post-Truth, Philosophy and Law).

¹⁵⁷ Fuller S. Op. cit. (The Post-Truth About Philosophy and Rhetoric).

¹⁵⁸ Gunkel D.J. Op. cit.; Cosentino G. Social Media and the Post-Truth World Order: The Global Dynamics of Disinformation. Social Media and the Post-Truth World Order / G. Cosentino. – Cham: Springer International Publishing, 2020. – 147 p.

¹⁵⁹ Heinrich S. Op. cit.

Другой важной составляющей постправды, которые были выявлены в рамках более глубокого библиометрического анализа¹⁶⁰, является её тесная связь с такими понятиями как дезинформация (в английском ей соответствуют два термина: *misinformation* и *disinformation*) и фейки. Общность проблематики информационного влияния приводит к взаимной зависимости понятий и их пересекаемости в ходе исследований. При этом черты, свойственные для постправды, такие как междисциплинарность, повышенный интерес после 2016 г., а также определённая доля западноцентричности, в равной степени соотносятся и с названными терминами¹⁶¹. Вместе с тем, важно провести разделительную линию между постправдой и различными формами фейков. Постправда остаётся состоянием реальности, в котором фейки и дезинформация имеют особую эффективность. Иначе говоря, если постправда – это характеристика среды, то дезинформация – это инструмент манипулирования, применяемый в рамках этой среды.

После наступления периода возрастающей популярности термина «постправда» ещё одним важным рубежом в исследовании феномена стала проблема распространения ложных сведений в период пандемии COVID-19 (особенно в 2020-2021 гг.), иначе названная «инфодемией» из-за процесса хаотичного и массового распространения пользователями сети непроверенных и дезинформирующих сведений о болезни¹⁶². Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что фейки и дезинформация являются универсальными категориями, т.к. могут быть связаны не только с политическими процессами, но и проблемами здравоохранения. Новый характер дезинформации проиллюстрировал её масштабный потенциал в реалиях постправды и способность провоцировать

---

¹⁶⁰ Patra R.K. Bibliometric analysis of fake news indexed in Web of Science and Scopus (2001-2020) / R.K. Patra, N. Pandey, D. Sudarsan // *Global Knowledge, Memory and Communication*. – 2022.

¹⁶¹ Wang C.-C. Fake News and Related Concepts: Definitions and Recent Research Development / C.-C. Wang // *Contemporary Management Research*. – 2020. – Vol. 16. – P. 145-174.

¹⁶² Infodemic / WHO [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/health-topics/infodemic> (дата обращения: 04.12.2022); Акименко Г.В. Инфомедия: фейковые новости в условиях пандемии / Г.В. Акименко [и др.] // *Вестник общественных и гуманитарных наук*. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 43-52.

серьезные социальные последствия в различных социально значимых сферах¹⁶³. Состояние инфодемии указало на возросшую угрозу со стороны содержания и скорости распространения контента, а также возможной ненамеренности изначального распространения в связи с информационным давлением на пользователей информационного пространства¹⁶⁴. Таким образом, пандемия вывела дезинформацию и информационные манипуляции за рамки узкополитического и электорального сегмента информационного пространства, повторно проиллюстрировав растущую реальность постправды с её тенденцией к эмоциональности и неverifiedируемости информации, особенно в ситуации кризиса.

Пандемия обеспечила новый эмпирический материал для исследований распространения ложных сведений в сети. В этой связи произошёл рост количества научных работ¹⁶⁵, связывающих проблему постправды со сферой медицины и здравоохранения¹⁶⁶. В результате была продемонстрирована гибкость концепции постправды в исследованиях информационной среды. Смещение внимания с политической проблематики, актуализировавшейся в результате брекзита и выборов в США и других странах, привело к применению идей о наступлении «эпохи постправды» для характеристики не только политического дискурса, но и всей медиа-среды в целом.

В отечественной науке процесс вхождения «постправды» в научный дискурс в целом совпал с уже рассмотренными этапами развития понятия в западном сообществе. Приход этого слова в российское медиа-пространство аналогичным образом вызвал интерес сначала у публицистов, а впоследствии у ученых.

---

¹⁶³ Das R. Rethinking Fake News: Disinformation and Ideology during the time of COVID-19 Global Pandemic / R. Das, W. Ahmed // ИМ Kozhikode Society & Management Review. – 2022. – Vol. 11. – № 1. – P. 146-159; Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Дезинформация в эпоху пандемии...).

¹⁶⁴ Zarocostas J. How to fight an infodemic / J. Zarocostas // The Lancet. – 2020. – Vol. 395. – № 10225. – P. 676; The impact of fake news on social media and its influence on health during the COVID-19 pandemic: a systematic review / Y.M. Rocha [et al.] // Journal of Public Health. – 2021. – P. 1-10.

¹⁶⁵ Pool J. Infodemic, Misinformation and Disinformation in Pandemics: Scientific Landscape and the Road Ahead for Public Health Informatics Research / J. Pool, F. Fatehi, S. Akhlaghpour // Studies in Health Technology and Informatics. – 2021. – Vol. 281. – P. 764-768; Мартъянов В.С. Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов / В.С. Мартъянов, В.Н. Руденко, Л.Г. Фишман // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 47-58.

¹⁶⁶ Pool J. Op. cit.; Prasad A. Anti-science Misinformation and Conspiracies: COVID-19, Post-truth, and Science & Technology Studies (STS) / A. Prasad // Science, Technology and Society. – 2022. – Vol. 27. – № 1. – P. 88-112.

Сведения из отечественной базы научных работ eLibrary иллюстрируют, то суммарное количество исследований по слову «постправда» в названии или ключевых словах за 2016-2021 гг. составляет 542 работ. Начиная с 2018 года стабильный ежегодный прирост – более 100 работ (см. Таблица 2). При этом центральными исследовательскими центрами, исходя из числа публикаций, выступают Санкт-Петербургский государственный университет (67 работ), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (34 работ) и Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (27 работ).

Таблица 2 – Количество публикаций в eLibrary по ключевому слову «постправда»

Год	Кол-во публикаций
2021	126
2020	120
2019	111
2018	109
2017	74
2016	2

Источник: составлена автором на основе данных электронной библиотеки eLibrary

Также, как и на международном уровне, в России отсутствует единый или доминирующий подход к новому явлению, а междисциплинарность выступает основной его характеристикой. В рамках отечественной науки следует выделить целый ряд значимых публикаций, внесших большой вклад в изучение постправды. Ключевой из них является коллективная монография ««Политика постправды» и популизм»¹⁶⁷, выпущенная под эгидой Санкт-Петербургского государственного университета. За год до издания книги основной коллектив авторов выступил

¹⁶⁷ Указ. соч. («Политика постправды» и популизм).

организатором одной из первых в России конференций по постправде «Политика постправды и популизм в современном мире» в 2017 году¹⁶⁸. И книга, и сборник материалов конференции продемонстрировали первый этап отечественного осмысления нового феномена.

Ключевыми характеристиками этого осмысления стала связь постправды с популизмом. Подобная связь была обусловлена, с одной стороны, необходимостью атрибуции постправды к какому-либо политическому явлению, что позволило очертить и эмпирическую основу политики постправды. С другой стороны, связь постправды и популизма дала методологическую и теоретическую основу для анализа нового феномена. Как отмечается в монографии, «понятия «постправды», «политики постправды» остаются весьма размытыми и чаще используются в рамках идеологического и пропагандистского сегмента современных массмедиа»¹⁶⁹. По этой причине авторы, принимая противоречивость и неоднозначность понятия, стремятся компенсировать недостающую на тот момент концептуальную строгость постправды обращением к артикуляции «истинности» и «лжи» в политическом дискурсе, учитывая специфику новых медиа-технологий, Веба 2.0. и виртуальной среды.

Значительный вклад в отечественное осмысление постправды внесла работа «Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды»¹⁷⁰, выпущенная другим коллективом авторов СПбГУ в 2019 г. В монографии также рассматриваются концептуальные границы постправды и её истоки. Свойственная понятию двойственность разграничивает постправду как языковой приём, и как научную категорию, отягощая формирование научного понимания явления. При этом авторы обращают внимание на существование скепсиса относительно самой новизны идеи, отсылая к тому, что основные противоречия, заложенные в концепции, являются исторически универсальными. Вместе с тем, в рамках работы выделяется перечень ключевых свойств, которые

---

¹⁶⁸ Указ. соч. (Политика постправды в современном мире).

¹⁶⁹ Там же. С.6.

¹⁷⁰ Указ. соч. (Управляемость и дискурс виртуальных сообществ...).

всё же позволяют говорить об особенностях постправды как характеристики состояния современности. Среди этих свойств выделяются: медиатизация, повышенная эмоциональность политики, растущее недоверие, поляризация, неуправляемость коммуникаций¹⁷¹. Все вместе они фиксируют особенность исторического момента и объясняют причину происходящих трансформаций. Особую роль при этом получают *«виртуальные сообщества»*, выступающие *основным звеном трансформации и посредником при общении и получении информации* в эпоху постправды.

За последние несколько лет в отечественной науке проблемное поле, связанное с постправдой, было расширено в целом ряде крупных работ, затрагивающих стратегические коммуникации и трансмедиа¹⁷², гибридные войны¹⁷³, практики управления и модерации¹⁷⁴. Важной чертой новых исследований становится их специализация по предметным областям, а также ориентация на практическую интерпретацию их результатов.

Несмотря на междисциплинарность понятия «постправда», наблюдаемую и в отечественной, и в зарубежной науках, важно отметить его особую связь с *политикой и политологией*, проявляющуюся ещё на этапе формирования самой концепции. Обращение к «постправде» в западной науке стало следствием кризиса политических институтов и публичного пространства, в котором диалог уступил место конфликтности и поляризации. Отражение эти процессы получили как в ходе избирательных кампаний, так и в межгосударственных отношениях. Искажение прежних представлений о политическом консенсусе заставили научное сообщество вернуться к вопросам о принципах формирования единого понимания «правды», характеристикам власти над общими «смыслами» и способности их трансформировать. Интерпретируя это в категории «дискурсов правды» Фуко,

¹⁷¹ См.: Указ. соч. (Управляемость и дискурс виртуальных сообществ...). С.10-19

¹⁷² Пономарев Н.Ф. Указ. соч.

¹⁷³ Понкин И.В. Указ. соч.; Popescu N. Hybrid tactics: Russia and the West / N. Popescu // European Union Institute for Security Studies, Alert. – 2015. – Vol. 46.

¹⁷⁴ Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды / Н.А. Рябченко [и др.]. – ФЛИНТА, 2021. – 340 с.

актуализировалось осмысление того, кто выступает актором и объектом нарративной власти или информационного влияния.

Сравнение и анализ имеющихся на текущий момент политологических исследований постправды иллюстрирует следующие важнейшие политические характеристики феномена:

1) Особую роль играет изучение политического дискурса. Постправда мыслится как категория, имеющая прямое воплощение в дискурсивном пространстве, где происходит процесс формирования и фальсификации представлений различных политических сил¹⁷⁵. По этой причине дискурс-анализ становится основной методологией исследований постправды в прикладном направлении¹⁷⁶. Особое место с практической и исследовательской стороны в рамках дискурсивного пространства получают «стратегические нарративы», заставляющие обращать политиков и учёных внимание на доносимое сообщение¹⁷⁷. Нарратив является основой саморепрезентации политика, при этом он не обязан носить правдивый характер, а лишь удовлетворять политические цели. Для самого же политического дискурса системообразующим свойством становится «смысловая неопределенность», основанная на фантомности политических значений¹⁷⁸. Фантомность подкрепляет возможность опровергнуть большую часть политических значений через стигматизацию любого значения посредством дискурсивного штампа «фейк», дискредитирующего смысл нарратива вне зависимости от степени его правдивости.

2) Происходит частое обращение к категории пост- или антиполитики, сигнализирующей «конец» прежнего понимания политического процесса¹⁷⁹, в котором политика являлась конкуренцией основанных на фактах смыслов, а не фальсификаций. Постправда – это симптом постполитики, вылившийся в

¹⁷⁵ Чугров С.В. Указ. соч.

¹⁷⁶ Farkas J. Post-Truth, Fake News and Democracy: Mapping the Politics of Falsehood. *Post-Truth, Fake News and Democracy* / J. Farkas, J. Schou. – Routledge, 2019. – P. 15.

¹⁷⁷ Michelsen N. Post-Truth-Telling in International Relations / N. Michelsen, B. Tallis // *New Perspectives*. – 2018. – Vol. 26. – № 3. – P. 12.

¹⁷⁸ Указ. соч. («Политика постправды» и популизм). С. 34.

¹⁷⁹ Костырев А. Постполитика в сетях постправды / А. Костырев // *Полис. Политические исследования*. – 2021. – С. 64-75; Sepczyńska D. Post-Truth from the Perspective of Hannah Arendt's Political Theory / D. Sepczyńska // *Filozofia*. – 2019. – Vol. 74. – P. 219.

«запоздалую реакцию неолиберальному консенсусу, в котором технократическое управление экономикой эффективно подавляло подлинную политическую борьбу»¹⁸⁰. Выражается эта реакция в «новых формах политического опыта, онлайн и оффлайн движениях, а также новых видах политического сознания, которое не обязательно следует логике политических институтов и иногда бывает антиполитическим»¹⁸¹. Кроме того, «политики, продолжающие мыслить директивами и исключительными фактами, не могут реагировать в ситуации, когда новые популисты не следуют старым принципам»¹⁸². Политическое пространство видоизменяется, что выражается в деятельности новых акторов и отходу от старых форм политического взаимодействия.

3) Основополагающее значение в политологическом понимании постправды имеют представления Ханны Аренд о «правде» и политике¹⁸³. Среди них выделяются две центральные идеи. Первая, устанавливающая политику как сферу, которой не свойственна правда изначально. «Сфера реальной политики видится ей “ограниченной”, где истина постоянно подвержена “уничтожению”»¹⁸⁴. В силу своей конфликтной сущности, власть подвергает факты опасности¹⁸⁵, искажая их. Вторая идея указывает на разницу между истиной разума и истиной факта (*rational and factual truth*)¹⁸⁶, из которых вторая выступает предметом динамики политического пространства, а первая не относится к политике как таковой. Истина разума строго детерминирована, в то время как истина факта может иметь как дескриптивное, так и нормативное содержание, то есть создаваться в политических дебатах и дискуссиях¹⁸⁷. Следовательно, именно истина факта, свойственна политическому пространству, где наблюдается взаимообусловленность факта и

¹⁸⁰ Newman S. Post-truth and the crisis of the political. / S. Newman // *Soft Power*. – 2019. – Vol. 6. – № 2. – P. 99.

¹⁸¹ Browne C. Conceptualising the Political Imaginary: An Introduction to the Special Issue / C. Browne, P. Diehl // *Social Epistemology*. – 2019. – Vol. 33. – P. 393.

¹⁸² Böcskei B. “Post-truth politics” as the normal state of politics / B. Böcskei // *Tamara Journal of Critical Organisation Inquiry*. – 2017. – Vol. 15. – № 3/4. – P. 260.

¹⁸³ Arendt H. *Between Past and Future* / H. Arendt, J. Kohn. – Annotated edition. – New York: Penguin Classics, 2006. – 320 p.

¹⁸⁴ Указ. соч. («Политика постправды» и популизм). С. 12.

¹⁸⁵ Arendt H. *Op. cit.* P. 220.

¹⁸⁶ *Ibid.*

¹⁸⁷ *The Routledge Handbook of Political Epistemology* / eds. M. Hannon, J. de Ridder. – 1st edition. – London; New York: Routledge, 2021. – P. 56.

мнения, недопустимая в рамках истины разума. Истина факта и политическое мнение принадлежат к одной и той же реальности – общественной сфере¹⁸⁸, в котором, тем не менее, существует некоторое общее понимание фактической истины¹⁸⁹, выражаемой в консенсусе и необходимой для политического процесса.

Внимание к идеям Х. Аренд дополняет изучение постправды такими переменными политического процесса, как консенсус и политическое мнение. Они выступают уязвимостями, нарушение которых может привести к обществу «тотальной лжи», подвергающих сомнению реальность событий.

4) Отличительной чертой постправды в современной политике является её манипулятивная сущность. Дезинформация и разжигание риторики ненависти становятся основной формой политического действия находящихся в оппозиции друг другу политических сил¹⁹⁰. Инструментами манипуляций выступают новые технологии, обеспечивающие сиюминутное реагирование на информационные кампании и позволяющие напрямую общаться с аудиторией. Информационная власть¹⁹¹ сосредотачивается в руках цифровых платформ, способных создавать алгоритмы выдачи информации и её модерации, а также определять присутствие тех или иных политических сил в информационной среде¹⁹². При этом, «политический контент»¹⁹³ становится особой формой информации в цифровом пространстве, получивший массовое распространение.

5) Утрата единых центров распространения информации в форме традиционных СМИ приводит к вовлечению в процесс генерации информации всё большее число акторов. В процесс генерации политического контента в

¹⁸⁸ Sepczyńska D. Op. cit. P. 212; Hyvönen A.-E. Careless Speech: Conceptualizing Post-Truth Politics / A.-E. Hyvönen // *New Perspectives*. – 2018. – Vol. 26. – № 3. – P. 36.

¹⁸⁹ Newman S. Op. cit. P. 26.

¹⁹⁰ Gaultney I. Political polarization, misinformation, and media literacy / I. Gaultney, T. Sherron, C. Boden // *Journal of Media Literacy Education*. – 2022. – Vol. 14. – № 1. – P. 59-81; *Hate Speech and Polarization in Participatory Society* / eds. M. Pérez-Escobar, J.M. Noguera-Vivo. – Taylor & Francis, 2022.

¹⁹¹ Seneviratne K. Myth of 'Free Media' and Fake News in the Post-Truth Era / K. Seneviratne. – SAGE Publications Pvt Ltd, 2020.

¹⁹² Helberger N. The Political Power of Platforms: How Current Attempts to Regulate Misinformation Amplify Opinion Power / N. Helberger // *Digital Journalism*. – 2020. – Vol. 8. – № 6. – P. 842-854; Cobbe J. Algorithmic Censorship by Social Platforms: Power and Resistance / J. Cobbe // *Philosophy & Technology*. – 2021. – Vol. 34.

¹⁹³ Ryabchenko N.A. Political content management: new linguistic units and social practices / N.A. Ryabchenko, V.V. Katermina, O.P. Malysheva // *Church, Communication and Culture*. – 2019. – Vol. 4. – № 3. – P. 305-322.; Visvizi A. Politics and Technology in the Post-Truth Era / A. Visvizi, M.D. Lytras. – Emerald Group Publishing, 2019. – 320 p.

социальных сетях включаются без каких-либо посредников как политики, политические партии, официальные органы, так и общественные организации, блоггеры, бизнес структуры и т.д.¹⁹⁴ В результате «в настоящее время все виды акторов могут влиять на общественное мнение с помощью новых технологий, что ведет к эскалации конкуренции и более широко распространённому беспорядку»¹⁹⁵. Подобная децентрализация приводит к тому, что «процессы, протекающие на микроуровне, в социальных сетях и онлайн-пространстве в целом определяют производство и воспроизводство политического контента»¹⁹⁶. Персонализация и ориентация на реакцию отдельных пользователей локализовали политическое пространство приведя к цифровому отчуждению¹⁹⁷, всеобщему дилетантизму¹⁹⁸, основывающийся на «коммуникационном избытии» и информационном перегрузе¹⁹⁹. Следствием становится создание высокоперсонализированного политического контента, формирующего политические «эхо-камеры»²⁰⁰, в которых происходит потребление контента, соответствующего мировоззрению пользователя.

Обобщая основные характеристики политического осмысления концепции «постправды» следует выделить три ключевых переменных, отражающих формирование политики постправды. К ним относятся категории «*правда*» (как универсальное фактологическое представление о каком-либо явлении), «*власть*» (как способность реализовывать политическую волю) и «*консенсус*» (как синтез доверия и согласия по каким-либо общественно-значимым вопросам). Исходя из этих трёх переменных, условием наступления политики постправды стало разрушение сложившейся матрицы, в которой правда воспринималась как некая

---

¹⁹⁴ Giusti S. Op. cit. P. 9-10.

¹⁹⁵ Michelsen N. Op. cit. P. 10.

¹⁹⁶ Рябченко Н.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н.А. Рябченко, О.П. Малышева, А.А. Гнедаш // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 104.

¹⁹⁷ Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска / М.О. Орлов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 159.

¹⁹⁸ Денильханов А.Х. Указ. соч. С. 37.

¹⁹⁹ Баранов Н.А. Мягкая сила в условиях постправды / Н.А. Баранов // Социально-политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26.

²⁰⁰ Jamieson K.H. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. Echo Chamber / K.H. Jamieson, J.N. Cappella. – First Edition. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 320 p.; McIntyre L. Post-Truth / L. McIntyre. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2018. – 236 p.

универсалия, достигаемая общественным консенсусом, а обеспечение её реальности осуществлялось через властные механизмы. В эпоху постправды в результате исчезновения консенсуса и политической поляризации власть распадается на отдельные «дискурсы правды», каждый из которых создаёт свою эмоциональную привязанность и генерируется на индивидуальном уровне.

Монография «Политическая теория постправды» исследователя в области политической теории и международных отношений Игнаса Калпокаса дополняет названные выше переменные ещё двумя важными составляющими, отражающими терминологическую сущность постправды. С одной стороны, постправдой являются *«обстоятельства, при которых происходит отделение утверждений, претендующих на правдивость, от верифицируемых фактов»*²⁰¹, с другой стороны, это *«условия, при которых [...] сами же эти утверждения преподносятся аудитории в качестве нарративных фикций, представляющих из себя полноценные, обособленные реальности, самостоятельно объясняющие мироустройство на свой лад»*²⁰².

Определение Калпокаса имеет ряд и других достоинств. Во-первых, оно отходит от дихотомии правды и эмоций, как вещей противостоящих друг другу²⁰³. Иррациональность уступает место «эмпатии», которые дополняют понимание конкретного «дискурса правды». Правдивость утверждений сохраняет важность, но лишь в той степени, в которой она соответствует установкам аудитории. Во-вторых, обращение к нарративным фикциям сближает точку зрения Калпокаса с позицией постпозитивистов, касательно связи «правды» и власти. Правда («истина факта») при этом отсылает не к реальности как таковой, а лишь к возможности устанавливать общественно значимую интерпретацию реальности. В-третьих, формирование в дискурсе «обособленных реальностей» указывает на тенденции, аналогичные тем, что были обозначены в работах Бодрийяра и Лиотара, связывая феномен постправды с медиатизацией социальной реальности и

---

²⁰¹ Kalpokas I. A Op. cit. P. 5.

²⁰² Ibid.

²⁰³ Durnová A. Understanding Emotions in Post-Factual Politics / A. Durnová. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 192 p.

инструментализацией больших данных, подтверждая тем самым технические предпосылки создания постправды в условиях (пост)современности.

Представленные обобщения указывают, что в современной мировой политике процесс сопереживания становится важнее содержания информации, поэтому вопрос эмоционального восприятия и его усиления становится центральным. Это заставляет политологов обращаться к психологическим механизмам, эксплуатируемым для закрепления «правдивости» какого-либо тезиса, что особенно важно в контексте изучения манипулятивных технологий²⁰⁴ в форме дезинформации или риторики ненависти. Именно эти проблемы представляют особый интерес в рамках мировой политики, т.к. подобные информационные манипуляции могут быть использованы в злонамеренном ключе в рамках информационного воздействия и пропаганды.

Таким образом, применение «постправды» в качестве аналитического инструмента подразумевает как развитие идей о размытии в дискурсе представления о сущности правды, так и её превращение в предмет эмоционального отклика, подогреваемого через новые медиа. В результате, при политологическом осмыслении постправды основной акцент с релятивизма и условности любого «дискурса правды» смещается на вопросы *влияния эмоций на процесс распространения данных, информации и самой правды*, т.к. происходит переход «из рационально ориентированной эпохи в эмоционально ориентированную»²⁰⁵. Это означает «признание, как в рамках исследования, так и в рамках общественного дискурса, что эмоции имеют значение»²⁰⁶. «Дискурс правды», принижающий важность эмоций в политическом пространстве, сменяется на «дискурс постправды», учитывающий и подчёркивающий эмоциональное измерение.

Следовательно, подводя итог рассмотрения развития «политики постправды» как академической концепции, можно отметить, что она выступает

---

²⁰⁴ Рогальский А. И. Экспертная дискуссия о феномене «постправда»: отечественный и зарубежный дискурс / А.И. Рогальский // Социально-политические процессы в меняющемся мире. – 2020. – № 20. – С. 122.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Crilley R. Op. cit.

эвристически полезной при анализе современности в контексте политических и международных исследований по нескольким причинам. Во-первых, она помогает установить общую характеристику актуального состояния мирового политического дискурса и процесса производства и распространения информации. Во-вторых, она способствует изучению современных информационных угроз, а также способствует осмыслению новых, информационных и цифровых факторов международных отношений. В-третьих, будучи гетерогенным в своей сущности и междисциплинарным в исследовательском отношении явлением, постправда иллюстрирует преемственность исследовательской повестки от постпозитивизма и постмодернизма, дополняя её актуальными процессами в технологической и социальной сферах.

1.3 Критика и концептуальные границы научного применения постправды при изучении информационного влияния в международных отношениях

Теоретическое осмысление постправды и появление общих контуров самого понятия не лишают термин и стоящую за ним концепцию целого ряда проблем и задач, требующих решения. К ним относится круг вопросов, который можно обозначить как *общая критика* «постправды», вызванная внутренними противоречиями и несогласием, проявляемым к термину со стороны отдельных ученых и публицистов, а также перечень *методологических вызовов*, требующих решения. Они включают как дальнейшее теоретико-методологическое осмысление, так и вопросы прикладного применения «постправды» в анализе и изучении международных политических процессов.

С точки зрения проблем научного применения и философии науки, «постправда» имеет три направления для критики, связанных с «*научностью*», «*оригинальностью*» и «*воспроизводимостью*» знания. Проблема научности выступает в качестве наиболее фундаментальной. Первичные аспекты этой проблемы были частично рассмотрены в разделе 1.2 данной главы, где указана изначальная ограниченность «постправды» из-за её связи с публицистикой и

политическим дискурсом²⁰⁷, а также множественными противоречивыми определениями²⁰⁸, затрудняющими изучение явления. Кроме того, постправда несёт на себе отпечаток политической стигмы и штампа, применяемых политиками для дискредитации оппонентов²⁰⁹. Обозначить что-либо «постправдой» – означает вывести своего оппонента за рамки текущего «дискурса правды», т.е. делегитимизировать его перед частью аудитории.

Однако постепенный процесс научного осмысления постправды наделил её содержательной составляющей, отсылающей к условиям поляризованного общества в техногенной реальности²¹⁰, где взаимные обвинения в утрате правдивости создают параллельные политические гиперреальности. Уточнение характеристик «постправды» в рамках отдельных дисциплин, и общий рост публикаций совпадает с углублением философского и политологического осмысления постправды через её связь с предыдущими идеями и концепциями. По этой причине дальнейшее развитие постправды при наличии ответной конструктивной критики сможет вывести концепцию и связанный с ней термин на новый уровень осмысления и научной проработанности.

На текущий момент наиболее остро стоит вопрос об оригинальности стоящих за постправдой идей для международных отношений в связи с тем, что с позиции критиков ложь, эмоциональность и манипуляции не несут принципиально нового характера в XXI веке по сравнению с предшествующими эпохами²¹¹. Также обращается внимание, что «постправда — это новое название для идеологической

²⁰⁷ Тузовский И.Д. Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего / И.Д. Тузовский // Философская мысль. – 2020. – № 12. – С. 42-60; Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Перспективы и ограничения научного использования...).

²⁰⁸ Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Перспективы и ограничения научного использования...).

²⁰⁹ Habgood-Coote J. Stop Talking About Fake News! / J. Habgood-Coote // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. – 2019. – Vol. 62. – № 9-10. – P. 1033-1065; Указ. соч. («Политика постправды» и популизм). С. 6; Carrera P. The stratagems of post-truth / Carrera P. // RLCS. Revista Latina de Comunicación Social. – 2018. – Vol. 73. – P. 1469-1481; Указ. соч. (Управляемость и дискурс виртуальных сообществ...). С. 9.

²¹⁰ Salgado S. Online media impact on politics. Views on post-truth politics and postpostmodernism / S. Salgado // International Journal of Media & Cultural Politics. – 2018. – Vol. 14. – № 3. – P. 317-331.

²¹¹ Giusti S. Op. cit.; Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть: Политическая теория. Постправда / С. Фуллер; пер. А. Смирнова. – Издательский Дом ВШЭ, 2021. – 368 с.; Op. cit. (The Routledge Handbook of Political Epistemology); Picciotto R. Is evaluation obsolete in a post-truth world? / R. Picciotto // Evaluation and Program Planning. – 2019. – Vol. 73. – P. 88-96; Пензина А.И. Постправда: Происхождение И Современное Положение / А.И. Пензина // Язык и речь в интернете: Личность, общество, коммуникация, культура. – Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 222-228.

правды»²¹² или отмечается, будто если есть постправда, то когда-то должна была быть и эпоха «правды»²¹³. Аналогичные критические замечания распространяются как на лингвистическую составляющую нового термина, так и на его сущностные характеристики и демонстрируют наиболее уязвимые характеристики понятия.

Однако именно они становятся отправной точкой для концептуализации постправды. Основным способом доказать, что «введение в научный дискурс термина постправда [...] не только оправдано, но и необходимо»²¹⁴ является обращение к предпосылкам, которые сформировали условия постправды. Валидность утверждения, что вопросы лжи и эмоциональности в политике являются исторически универсальными, не должна отрицать наличия динамики (обновления) информационной и политической реальности. Свойство обновления выражает специфику постправды, объединяя в этой концепции имманентные для социума проблемы с актуальными противоречиями.

В научном пространстве существует три группы факторов, объясняющих снижение степени влияния фактов в публичном дискурсе в XXI веке: технологический рывок, поляризация и кризис доверия. Первый из них, *технологический рывок*, вызван появлением социальных медиа и цифровых алгоритмов²¹⁵. В отличие от классических медиа, обладающих зачастую как количественными, так и качественными ограничениями в рамках своей деятельности по информированию, социальные медиа несут в себе значительные вызовы для старой системы распространения информации. Основным триггером таких изменений стало появление Интернета, считавшегося некогда силой, несущей демократизационные процессы, но обернувшейся источником цифровых вызовов²¹⁶. Децентрализация и «медиазация»²¹⁷ процесса создания информации не просто принесла цифровые свободы, но стала причиной массового

²¹² Ростова Н.Н. Философская аналитика идеи постправды / Н.Н. Ростова // Христианское чтение. – 2018. – № 6. – С. 131.

²¹³ Habgood-Coote J. Op. cit.; Rietdijk N. Post-Truth, False Balance and Virtuous Gatekeeping / N. Rietdijk, A. Archer // Virtues, Democracy, and Online Media: Ethical and Epistemic Issues / eds. N. Snow, M.S. Vaccarezza. – Routledge, 2021.

²¹⁴ Тузовский И.Д. Указ. соч.

²¹⁵ Lewandowsky S. Op. cit. P. 359; Farkas J. Op. cit. P. 55.

²¹⁶ Lewandowsky S. Op. cit.

²¹⁷ Kalpokas I. A. Op. cit. P. 14.; Marcinkowski F. Mediatization of Politics: Reflections on the State of The Concept / F. Marcinkowski // Javnost - The Public. – 2014. – Vol. 21. – № 2. – P. 5-22.

распространения фейков в сети, т.к. позволила любому пользователю без реальных ограничений тиражировать свой контент на любую аудиторию.

Но истинное снижение управляемости и рациональности международного политического медиапространства произошло в силу распространения алгоритмов персонализации контента. Цифровая «экономика внимания»²¹⁸ и «культура сенсаций»²¹⁹ привели к формированию цифрового индивида, отрезанного от информационного пространства других членов онлайн-коммуникаций²²⁰. Такое состояние приводит к информационной культуре итерации (взамен культуре познания)²²¹, где повторение эмпатически близкой информации поглощает пользователя, помещая его в благоприятные для политической манипуляции условия.

Технологическая подоплека постправды была усилена второй составляющей – *политической поляризацией*. Фиктивный плюрализм и демократичность интернета привел к социальной разобщённости, истоки которой, однако, находятся за рамками цифрового мира. Глобальное неравенство, рост интереса к популизму²²², недоверие к традиционным СМИ²²³ и другим социальным и политическим институтам в силу ряда кризисов (экономического, миграционного и т.д.) стали дробить глобальную и национальную общественность на самостоятельные сегменты-«эхокамеры»²²⁴. Человек, испытывая социальную фрустрацию, имеет возможность найти в цифровом обществе сторонников, формирующих замкнутое информационное поле, подтверждающее правильность собственных установок.

Постправда повторно подтверждает, что в мировой политике при наступлении конфликтной ситуации правда отступает на второй план, истина

²¹⁸ Harsin J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies / J. Harsin // Communication, Culture & Critique. – 2015. – Vol. 8. – № 2. – P. 327-333.

²¹⁹ Чугров С.В. Указ. соч. С. 45.; Crilley R. Op. cit. P. 421.

²²⁰ Pariser E. Op. cit.

²²¹ Foster C. Truth as social practice in a digital era: iteration as persuasion / C. Foster // AI & SOCIETY. – 2022.

²²² Lewandowsky S. Op. cit. P. 359.; Мартинец Ю.А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) / Ю.А. Мартинец // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 123-138.

²²³ Visvizi A. Op. cit. P. 152; Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature. / J.A. Tucker [et al.]. – Rochester, NY, 2018. – P. 53.

²²⁴ Jamieson K.H. Op. cit.

факта может подменяться политическим мнением, а социальные противоречия перестают разрешаться в рамках рационалистического подхода²²⁵. Формирование «нового популизма» в мировой политике, вернувшего серьезные социальные прения в западные страны²²⁶, сыграли в этом особую роль. Риторические приёмы популизма, усиленные цифровыми медиа, нацелены на нанесение ударов по тем составляющим общественной жизни, которые способны активизировать политически неактивную часть населения. Брекзит и Д. Трамп, а также большое количество популистских движений и партий Европы и других регионов стали примерами того, как политика постправды закрепляется через социальную поляризацию.

Третьей составляющей сложившихся условий является *рост общественного недоверия* к «доминирующим нарративам» в различных сферах жизни. К этой области относятся снижение доверия к экспертному знанию²²⁷, девальвация и кризис объективного факта в публичном пространстве²²⁸, общая редукция и исчезновение смыслов²²⁹, ведущие к делегитимации научного знания²³⁰, а также образование целого ряда актуальных примеров очагов напряженности (в частности, в контексте пандемии COVID-19), формирующих взаимное непонимание и недоверие общества и власти²³¹. Подрыв доверия к институтам власти мешает восстановлению статуса экспертов и учёных. В то же самое время, сами учёные оказываются неспособны предсказать отдельные социальные потрясения и конфликты (брекзит, пандемия COVID-19, обострение межгосударственных отношений), что лишь способствует кризису доверия.

---

²²⁵ Böcskei V. Op. cit. P. 260.

²²⁶ Подрезов М.В. История изучения политического популизма и его современное положение в политической науке / М.В. Подрезов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 451. – С. 97; Shmatenko L.M. Russian Disinformation Campaigns: What Risk for the European Union and the International Liberal Order? / L.M. Shmatenko // Academic Workshop The EU and the Crisis of the International Liberal Order: A Systemic Crisis? – 2019; Шибкова М.О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий / М.О. Шибкова // Современная Европа. – 2019. – № 4 (89). – С. 124; Noury A. Identity Politics and Populism in Europe / A. Noury, G. Roland // Annual Review of Political Science. – 2020. – Vol. 23. – № 1. – P. 421-439.

²²⁷ Newman S. Op. cit. P. 95.

²²⁸ Гарбузник А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе / А.Ю. Гарбузник // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1. – С. 184-192.

²²⁹ Кошкарлова Н.Н. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации / Н.Н. Кошкарлова, Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 51.

²³⁰ McIntyre L. Op. cit.

²³¹ Еремина Н.В. Указ. соч.; Тяньян Ф. Указ. соч.

Антиэкспертность в совокупности с отсутствием единства каналов ретрансляции реальности приводит к дестабилизации самой реальности. Такая среда становится благоприятной для конспирологии²³², поскольку в условиях разрушения доверия к фактам «всякая связанность [...] вызывает подозрения в манипуляции»²³³ у пользователей цифрового пространства. В результате «массовая фабрикация вещей и событий приводит к тому, что люди становятся одинаково открытыми всем возможным историям»²³⁴. Разрушение «метанарративов», обозначенных ещё в постмодернистской философии, воплощаются, таким образом, в цифровой реальности.

Таким образом, постправда обладает новизной сразу по нескольким причинам. Несмотря на опору на идеи, имеющие истоки в постмодернизме и постпозитивизме, постправда выводит на передний план новые вызовы международной системы, связанные прежде всего с информационным пространством. Они выражены в техническом изменении среды распространения информации, в актуальной политической поляризации, усиленной социальными медиа, а также в кризисе доверия, сочетающемся с утратой единых нарративов. Подобное понимание постправды является ответом на существующий в науке скептицизм или даже опасения относительно релевантности её применения²³⁵. Постправда формирует своё собственное эвристическое пространство («множественности правды») с собственными исследовательскими вопросами (связь с эмоциями), отвечающее на запросы современности, даже если истоки феномена заложены в человеческой психологии и истории.

Последним аспектом, вызывающим критику в отношении постправды, остаётся вопрос её воспроизводимости и универсальности. На данный момент в рамках исследований постправды наблюдается особый акцент на западной

---

²³² Shatin Y.V. Post-Truth as a Rhetorical Phenomenon in Modern Media Space / Y.V. Shatin // Vestnik NSU. Series: History and Philology. – 2020. – Vol. 19. – № 6. – P. 252; Виноградова Т.В. Исследования науки и технологий (STS) и политика постправды. (Обзор) / Т.В. Виноградова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. – 2018. – № 1. – С. 66-79.

²³³ Очеретяный К.А. Фейкт - единица цифрового опыта / К.А. Очеретяный // Философская аналитика цифровой эпохи. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. – С. 315.

²³⁴ Там же. – С. 316.

²³⁵ Хруль В.М. «Постправда» в глобальном контексте: популярность, эвристическая ценность и онтологическая сущность / В.М. Хруль // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 5-22.

онтологии и эмпирической базе стран Запада. Такое положение делает существующее представление о постправде во многом *западноцентричным*²³⁶, что может ограничивать применение концепции в глобальном измерении. Это явление особенно характерно для первых лет развития концепции постправды после 2016 г., но и на текущий момент вопросы поддержания «западной демократии» остаются доминирующими в рамках исследовательской повестки вокруг постправды²³⁷. Демократия и свобода часто становятся центральными объектами, на которые проецируются условия постправды²³⁸. В более обострённом представлении это выливается в «демократическую эсхатологию»²³⁹, разворачивающуюся на фоне системных проблем и кризисов внутри западных стран. При этом «демократия» в большинстве случаев в западной науке рассматривается в либеральной интерпретации.

Из-за этого существуют опасения, что большая часть концепции видоизменится или станет неактуальной, если затронуть изучение постправды в других регионах мира²⁴⁰. Однако такая постановка проблемы остаётся дискуссионной, в частности, из-за вопроса, насколько уникальна западная демократия в контексте постправды. К примеру, в российской науке постправда также часто рассматривается в контексте либерализма, но с позиции его общего упадка²⁴¹. Постправда сигнализирует те процессы, которые приводят к эрозии западного либерализма изнутри. Иначе говоря, если западные ученые делают акцент на том, что демократия требует защиты от постправды, российские исследователи иллюстрируют, что сложившаяся система общественных отношений имеет изъяны, которые кристаллизовались в условиях постправды.

Следовательно, вопрос о взаимовлиянии либеральной демократии и постправды занимает значительное положение в рамках всей концепции, но

---

²³⁶ Farkas J. Op. cit.

²³⁷ Giusti S. Op. cit. P. 65.; Lewandowsky S. Op. cit. P. 354.; Farkas J. Op. cit.; Michelsen N. Op. cit. P. 8.; Sim S. Post-Truth, Scepticism & Power / S. Sim. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – P. 36.

²³⁸ Farkas J. Op. cit. P. 63.

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ Block D. Op. cit. P. 123.

²⁴¹ Чугров С.В. Указ. соч.; Денильханов А.Х. Указ. соч.; Колотаев Ю. Ю. Указ. соч. (Формирование идентичности России...); Громыко А.А. Новая реальность и европейская безопасность / А.А. Громыко // Современная Европа. – 2016. – № 5 (71). – С. 5-10.

упрощение дискуссии о постправде до вопросов демократии является редукционизмом. Изначальный интерес к угрозам западной демократии простимулировал внимание к постправде и продолжает поддерживать её актуальность для понимания западного общества. Но значительную объяснительную силу постправда может иметь и в контексте изучения недемократических или незападных режимов. В последние годы все больше исследований расширяют географию изучения постправды. Происходит это и с точки зрения объекта исследования (новые страны или регионы), и с точки зрения самих исследовательских центров.

Особое значение имеет Ближний Восток²⁴², где постправда сочетается с представлениями не о демократии, а об авторитаризме. Изучение авторитаризма как основного источника политики постправды в целом занимает особую нишу в рамках всей концепции²⁴³. Также все большее значение набирают исследования «глобального юга»²⁴⁴ и азиатского региона²⁴⁵. В результате, вопреки общей критике постправды за её западноцентричность, интерес к концепции и стоящему за ней феномену растёт в рамках социальных и технических наук в целом, и в рамках международных отношений в частности. Центральную роль в этом играет то, что постправда благодаря постепенной научной концептуализации смогла выработать набор характеристик (технических и социальных предпосылок), универсальных для всего современного мира. Поэтому постправда как аналитическая концепция воспроизводима в различных политических и культурных контекстах, при учёте специфики конкретного сообщества, страны или региона.

Подводя итог критики концепции «постправды», следует отметить, что, несмотря на неполное разрешение всех проблемных аспектов, «постправда» выдерживает основную критику с точки зрения академического применения концепции. Трансформация современной реальности нуждается во введении

---

²⁴² Cosentino G. Op. cit. (Post-truth politics in the Middle East...); Medeiros J. de. Op. cit.; Douai A. Op. cit.

²⁴³ Sim S. Op. cit. P. 50.

²⁴⁴ Swartz L. Op. cit.

²⁴⁵ Yee A. Post-Truth Politics and Fake News in Asia / A. Yee // Global Asia. – 2017. – Vol. 12. – P. 66-71; Tomsa D. Public Opinion Polling and Post-truth Politics in Indonesia / D. Tomsa // Contemporary Southeast Asia. – 2020. – Vol. 42. – № 1. – P. 1-27; Siddiquee Md.A. The portrayal of the Rohingya genocide and refugee crisis in the age of post-truth politics / Md.A. Siddiquee // Asian Journal of Comparative Politics. – 2020. – Vol. 5. – № 2. – P. 89-103.

новых, уточняющих определений, позволяющих искать актуальные пути преодоления насущных проблем и вызовов. Таким образом, концептуализация постправды как состояния политики и общества и, вместе с тем, актуальной угрозы в рамках международных отношений является способом преодоления противоречий вокруг термина. Постправда несёт характер общесистемного вызова, провоцируемого не столько отдельными акторами, сколько совокупной международной средой.

***

На основе проведённого в данной главе теоретического осмысления проблем информационного фактора в современных международных отношениях и категории «правды» в информационном обществе были сделаны следующие выводы. Формирование новой информационной среды, рассмотренные через призму постпозитивизма, постмодернизма и постправды, указывают на двойственный характер утраты «правдой» доминирующего положения в обществе. С одной стороны, они вплетены в классический философский вопрос о роли и значении правды и лжи в человеческом обществе. С другой стороны, философские школы и концепции, затронутые в работе, иллюстрируют процесс трансформации представлений о роли фактов и эмоций в современной политике под воздействием идейных, социальных и технических изменений и угроз.

Постпозитивистское понимание intersubъективного характера правды позволяет выразить её в качестве социального конструкта, а концепции «гиперреальности», «симулякров» дают представление о текущих предпосылках для девальвации правды в условиях информатизации и распространения массовых медиа. В современной политической среде это ведёт к формированию благоприятного для информационного влияния пространства, способного воспроизводить события и явления, не имеющие никакой связи с реальностью. Подобные реалии XXI века выражены в «политике постправды», обобщающей философское понимание информационного влияния и объединяющей технические

трансформации с актуальными социальными кризисами поляризации и утраты доверия.

В контексте политических исследований, постправда образуется в пространстве разрушения категорий «правды», «власти» и «консенсуса», где универсальные представления становятся объектом интерпретаций, генерируемых множественными акторами на индивидуальном уровне. Несмотря на концептуальные сложности, «постправда» закрепила свою эвристическую ценность, выраженную в идейной междисциплинарности, акценте на техногенных трансформациях, внимании к эмоциям как свойству политической и международной интеракции и изучении процесса распространения «лжи» в цифровом обществе.

Важной целью в дальнейшем развитии категории постправды становится расширение поля её применения, выходящего за рамки проблематизации явления в либеральных демократических режимах и институтах. Отказ от нормативности принципиально важен для того, чтобы применить концепцию в вопросах изучения информационных конфронтаций и выработки универсальных средств снижения влияния постправды на социальное развитие.

Глава 2: Структура цифрового информационного влияния в международных отношениях в эпоху постправды

Эпоха постправды, при учёте всех своих ключевых характеристик, стала средой социальной поляризации, межнациональной и межгосударственной конфронтации и, прежде всего, информационных войн. В подобных условиях конфликтующие стороны нацелены на дискредитацию или информационное влияние на оппонента или общественность. Основным инструментом для этого становится «информационное оружие» в форме дезинформации, фейковых новостей, стратегических коммуникаций и риторики ненависти. Оно существует в информационной среде, а в реалиях XXI века в цифровой среде, что связано с развитием информационного общества,²⁴⁶ в котором информация – это одновременно и ключевое благо или источник производства, и потенциальная угроза, если нацелена на искажение или обман.

Изучение вопросов информационных манипуляций, связанных с постправдой, нуждается в системном отображении принципов прикладного применения «постправды» при анализе современных международных и политических процессов. Это означает внимание к *логике информационного влияния*, включающей в себя звенья процесса манипуляций и связь между ними, *инструментам влияния* и цифровым угрозам (дезинформации и риторике ненависти), а также *ресурсам и мерам по борьбе с цифровыми угрозами*.

Существующие модели информационного влияния в медиа и мировой политике имеют различные переменные для анализа. В частности, имеются те, что делают акцент на «агенте», «сообщении» и «толкователе»²⁴⁷ или устанавливающие основные фазы процесса передачи информации, такие как создание сообщения, его производство и распространение²⁴⁸. Однако в данном исследовании за основу взяты

---

²⁴⁶ Webster F. Theories of the Information Society / F. Webster. – 4th edition. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2014. – 404 p.

²⁴⁷ Wardle C. Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking / C. Wardle, H. Derakhshan. – Council of Europe report DGI (2017)09. – 2017; Jia F. Misinformation Literature Review: Definitions, Taxonomy, and Models / Jia F. // International Journal of Social Science and Education Research. – 2020. – Vol. 3. – № 12. – P. 85-90.

²⁴⁸ Ibid.

три «актора» процесса информационного влияния. К ним относятся источник или субъект информационного влияния, платформа ретрансляции информации или «посредник», а также объект информационного влияния. Первостепенную важность играют субъект и объект, т.к. между ними складывается смысловая связь, опосредованная платформой. Роль платформ и их значение определяется контекстом применения инструментов цифровых манипуляций.

Подобная модель интеракции учитывает и перерабатывает методологическую базу и идею формулы Г. Лассуэлла²⁴⁹ вместе с её критическими дополнениями²⁵⁰, выделяющей пять основных («коммуникатор», «сообщение», «канал», «получатель», «эффект») и 2 вспомогательных аспекта или вопроса коммуникации («мотивы» и «контекст»). Однако в отличие от линейной модели коммуникации, основной акцент в работе делается не на коммуникации как таковой, а на поведении, стратегиях и принципах реагирования акторов при создании – передаче – получении информации. По этой причине центральное внимание уделено *коммуникатору, каналу и получателю*. Сообщение и эффект, а также мотивы и контекст, рассматриваются как вспомогательные вопросы. Они учитываются в более общих чертах в рамках процесса моделирования, а также при рассмотрении инструментов информационного влияния.

2.1. Методология исследования структуры информационного влияния: индивидуальные и социальные аспекты

Создание комплексного представления, а, следовательно, и развитие метода изучения информационного влияния, *под которым подразумевается воздействие на человека или общество посредством намеренно или ненамеренно распространяемой (дез)информации*, нуждается в четком отображении основных вводных параметров, а также характеристик акторов. Для решения этой задачи

---

²⁴⁹ Lasswell H.D. The structure and function of communication in society / Lasswell H.D. // The communication of idea / ed. L. Bryson. – New York: Harper and Row, 1948. – P. 37-51.

²⁵⁰ Braddock R. Op. cit.

необходимо учитывать параллельную глобализацию информационной сети и локализацию политического пространства, т.е. анализировать и моделировать как особенности общества в целом, так и характеристики механизмов, определяющих действия отдельных индивидов и пользователей глобальной сети.

Само информационное влияние в рамках данной работы интерпретируется преимущественно в «негативной» коннотации, как процесс распространения ложных и недостоверных сведений. Это связано с мотивацией субъекта информационного влияния, инструментом (содержанием сообщения) и результатом (эффектом) влияния. При этом, из-за того, что постправда пребывает не в сфере «производства» лжи, а в сфере «восприятия»²⁵¹, исследования информационного влияния вынуждены обратить особое внимание на *поведенческие и психологические (когнитивные) аспекты обработки информации* на этапе её создания и потребления. Информационное влияние обладает двойственной природой: оно может быть сугубо политизированным (целенаправленно использоваться в конфронтации), но оно может генерироваться и без политического подтекста (из-за неопределённости). Эти данные указывают на комплексность информационного влияния, дополняющуюся представлениями об объекте и субъекте информационных манипуляций.

В случае с субъектом информационного влияния, основными его характеристиками становятся наличие или отсутствие умысла, а также стоящая за распространяемой информацией мотивация. В контексте международных отношений наибольший интерес вызывает субъект, обладающий политическим умыслом, т.к. он способен генерировать информационные кампании и стратегическую коммуникацию, дестабилизирующую устоявшийся «дискурс правды». Акт информационного влияния содержит в себе изначальную установку, важную для субъекта, т.к. она отражает его личный интерес. Следственно, выбор стратегии распространения информации будет направлен на максимизацию личной выгоды и пользы. Такой подход к пониманию поведения субъектов характерен для

---

²⁵¹ Wight C. Op. cit.

теории *рационального выбора*²⁵², из-за чего анализ поведения субъектов информационного влияния часто рассматривается через призму игровых моделей (теории игр)²⁵³.

Для объяснения действий субъекта функционально выделить две формы взаимоотношений с фактической информацией²⁵⁴. Первая, при которой общепринятая «правда» соответствует задачам актора, подразумевает, что действия сосредоточены на усиленном распространении сведений с целью установления общего согласия относительно их реальности. Вторая форма связана с ситуацией, когда сведения противоречат существующему консенсусу. В такой ситуации актор вынужден прибегнуть к действиям, способным обеспечить реализацию его намерений, к примеру, распространить дезинформацию²⁵⁵. Следовательно, поведение субъекта зависит от соотношения доносимой им информации с фактической реальностью.

Для субъекта информационного влияния в условиях политики постправды искажение или реинтерпретация фактов становится доминирующей стратегией поведения, т.к. утрачивается рационалистическая потребность в следовании доминирующему нарративу. Он выступает «атакующим» по отношению к существующей властной и дискурсивной системе. С точки зрения акторного моделирования, у такого субъекта есть четыре основных модели поведения²⁵⁶ для пересмотра статус-кво:

---

²⁵² Obadã R. Sharing Fake News about Brands on Social Media: a New Conceptual Model Based on Flow Theory / R. Obadã // *Argumentum. Journal of the Seminar of Discursive Logic, Argumentation Theory and Rhetoric*. – 2019. – Vol. 17. – P. 159; Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics. *Nested Games* / G. Tsebelis. – University of California Press, 1990. – 300 p.; Griggs S. Rational Choice in Public Policy: The Theory in Critical Perspective / S. Griggs // *Handbook of Public Policy Analysis*. – Routledge, 2007; Kiser E. The Revival of Narrative in Historical Sociology: What Rational Choice Theory can Contribute / E. Kiser // *Politics & Society*. – 1996. – Vol. 24. – № 3. – P. 249-271.

²⁵³ A Survey of Game Theoretic Approaches to Modelling Decision-Making in Information Warfare Scenarios / K. Merrick [et al.] // *Future Internet*. – 2016. – Vol. 8. – № 3. – P. 34; Guo Z. Effect of Disinformation Propagation on Opinion Dynamics: A Game Theoretic Approach / Z. Guo, J. Valinejad, J.-H. Cho // *IEEE Transactions on Network Science and Engineering*. – 2022. – Vol. 9. – № 5. – P. 3775-3790; Deception, identity, and security: the game theory of sybil attacks / W. Casey [et al.] // *Communications of the ACM*. – 2018. – Vol. 62. – № 1. – P. 85-93.

²⁵⁴ Toward a Comprehensive Model of Fake News: A New Approach to Examine the Creation and Sharing of False Information / A.P. Weiss [et al.] // *Societies*. – 2021. – Vol. 11. – № 3. – P. 7.

²⁵⁵ Ibid.

²⁵⁶ Kopp C. Op. cit.

- *Искажение информации* – «наводнение жертвы бессмысленными, избыточными и не относящимися к делу данными, чтобы скрыть реальные факты»²⁵⁷;
- *Обман* – создание ложных убеждений через распространение дезинформации или замену правдивой информации ложными данными²⁵⁸;
- *Дезинтеграция* – «предотвращение доступа пользователей к достоверной информации путем подавления или сдерживания потока достоверной информации»²⁵⁹, проявляется через технологическое вмешательство;
- *Подрывная деятельность* – строится на обмане пользователей путем изменения процесса обработки воспринимаемых входных данных²⁶⁰, атака нацелена на алгоритмы обработки информации и их искажение.

Совокупность этих моделей получила название модели Бордена-Коппа²⁶¹, привнесённая в анализ фейковых новостей и дезинформации из области теоретико-игрового моделирования информационных войн. В соответствии с указанной моделью все 4 типа рационального поведения нацелены на изменение восприятия объекта информационной манипуляции и могут происходить как на «аппаратно-техническом» уровне информационных систем, так и на когнитивном уровне. При этом, искажение и обман в большей степени ориентированы непосредственно на человека, в то время как дезинтеграция и подрывная деятельность проще осуществляются на уровне платформ.

В результате всех этих моделей субъект, в зависимости от первоначальной цели, может достичь разнообразных политических значимых результатов: видоизменение консенсуса, влияние на общественное мнение, обесценивание политических обсуждений, делигитимация СМИ, влияние на электоральное поведение, диффамация, поляризация в рамках внутренних или внешних конфликтов, способствование международному напряжению и т.д.²⁶² Но для их

---

²⁵⁷ Kopp C. Op. cit. P. 4.

²⁵⁸ Guo Z. Op. cit. P. 3781.

²⁵⁹ Ibid.

²⁶⁰ Guo Z. Op. cit. P. 3781.

²⁶¹ Kopp C. Op. cit.

²⁶² Giusti S. Op. cit. P. 10.

достижения актору необходимо комплексное понимание объекта информационного влияния, его стимулов и механизмов реагирования, которые обуславливают успех информационного влияния.

В рамках акторного моделирования объект информационного влияния устроен иначе чем субъект. Он содержит в себе и первопричины, и механизмы манипуляции, а также обладает сложной системой мотивов и представлений, которые могут быть видоизменены в ходе манипуляции. Объект чаще отражает логику *ограниченной рациональности*²⁶³, т.к. логическое суждение об окружающем мире сочетается с эмоциональным восприятием, что в совокупности с естественными когнитивными механизмами и стереотипами поведения иллюстрирует сложность реагирования индивида (или социальной группы) на информационное и цифровое влияние. Идея ограниченной рациональности, предложенная ещё в начале 1980-х гг. экономистом Гербертом Саймоном²⁶⁴, подчёркивает, что люди обладают «ограниченными возможностями для одновременного внимания к разным фрагментам информации»²⁶⁵. В этом смысле «люди рациональны лишь с точки зрения того, что они осознают или могут осознавать только крошечные, разрозненные грани реальности»²⁶⁶.

Следовательно, «иррациональность» поведения обусловлена прежде всего лимитом человеческого восприятия к информационному разнообразию, поэтому ограниченность человеческой рациональности следует искать, к примеру, не в эмоциях, а во внутренних психологических и когнитивных механизмах человека²⁶⁷. К подобным механизмам относятся и «два типа мышления», выделенных экономистом и социальным психологом Даниэлем Канеманом²⁶⁸. Комбинация «быстрого» (рефлексивного или стереотипного мышления) и «медленного»

²⁶³ Nerino V. Overcome the fragmentation in online propaganda literature: the role of cultural and cognitive sociology / V. Nerino // *Frontiers of Sociology*. – 2023. – Vol. 8. – P. 1-10; Op. cit. (Falling for fake news...); Op. cit. (Information overload for (bounded) rational agents); *Routledge Handbook of Bounded Rationality* / Ed. R. Viale. – 1st edition. – London; New York, NY: Routledge, 2020. – 664 p.

²⁶⁴ Arias-Maldonado M. A Genealogy for Post-Truth Democracies: Philosophy, Affects, Technology / M. Arias-Maldonado // *Communication & Society*. – 2020. – P. 68; Simon H.A. Op. cit. P. 301.

²⁶⁵ Simon H.A. Op. cit. P. 301.

²⁶⁶ Ibid.: P. 302.

²⁶⁷ Durnová A. Unpacking emotional contexts of post-truth. / A. Durnová // *Critical Policy Studies*. – 2019. – Vol. 13. – № 4. – P. 448-449.

²⁶⁸ Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow* / D. Kahneman. – 1st edition. – London: Macmillan, 2011. – 512 p.

(требующего бóльших когнитивных и аналитических затрат) объясняет те системы мышления, которые наиболее подвержены уязвимости для информационного влияния. В частности, скорость и низкие затраты первого типа мышления ведут к тому, что человек легче верит в стереотипную информацию, не требующую от него длительной обработки.

В рамках массового сознания, люди доверяют, к примеру, данным, считающимися общепринятыми, поскольку это повышает их вероятность быть правдой²⁶⁹. По этой причине, в общественном дискурсе распространена интуитивная и рефлексивная приверженность мнению большинства, основанная на оценке того, сколько других людей привержены тому или иному мнению. Аналогичное мышление, выражающее одну из множества эвристик или эмпирических правил²⁷⁰, играет большую роль в осуществлении ключевых жизненных процессов, упрощая их. Однако такая форма мышления играет негативную роль и превращается в поведенческую ловушку²⁷¹, когда речь идёт об информации, требующей запуска второго механизма мышления. Способность манипулировать пользователем на основе «быстрого» мышления является, таким образом, одним из основных механизмов, применяемых в информационных кампаниях в Интернете и за его пределами.

В основе всех манипулятивных приёмов лежат когнитивные искажения (эвристики, поведенческие ловушки)²⁷², представляющие собой широкий спектр «систематических отклонений от рациональности в процессах принятия решений, основной источник которых коренится в самом устройстве познавательных процессов»²⁷³. Их имманентность по отношению к человеческому сознанию делает их важным механизмом манипуляций. В условиях цифрового общества

²⁶⁹ McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-Truth in Political Beliefs / R. McDermott // PS: Political Science & Politics. – 2019. – Vol. 52. – № 2. – P. 220.

²⁷⁰ Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб: Питер, 2000. – 512 с.

²⁷¹ Халперн Д. Указ. соч.; Плаус С. Психология оценки и принятия решений / С. Плаус. – Москва: Филинь, 1998.

²⁷² Kahneman D. Op. cit. (On the reality of cognitive illusions); Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / A. Tversky, D. Kahneman // Science. – 1974. – Vol. 185. – № 4157. – P. 1124-1131; Cognitive Biases in Visualizations / ed. G. Ellis. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 2-3.

²⁷³ Логинов Н.И. Современные тенденции в зарубежных исследованиях когнитивных искажений в процессах принятия решений / Н.И. Логинов, А.И. Александрова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 445.

наибольшее значение в контексте когнитивных искажений имеет подверженность человека избыточной информации и необходимости быстрого реагирования на неё. Цифровые системы, ускоряя политические процессы, ведут к удобному для манипулирования информационному потоку, в то время как имеющихся временных и когнитивных ресурсов объекта влияния зачастую недостаточно для «рационального» поведения или ответа²⁷⁴.

Подобные обстоятельства вносят серьёзный вклад в дезинформирование посредством *каскада доступной информации*, широко применяемого в политических кампаниях. «При этом когнитивном искажении укрепление коллективной веры в какую-либо информацию напрямую связано с количеством её повторов, доступностью, убедительностью, аргументированностью, ссылками на авторитетные источники»²⁷⁵. Цифровая среда обеспечивает усиление каждого из этих параметров, т.к. облегчается воспроизводимость любых сведений, что напрямую влияет на результативность подобных манипуляций.

Понимание ограниченной рациональности человека и заложенных в нём эвристик указывает на то, что информационное влияние, как и постправда «апеллирует к [«когнитивным»] рефлексам, но не к рефлексии»²⁷⁶. Такое положение дел, однако, не означает отсутствие возможности противостоять когнитивным искажениям. Само осознание этой проблемы порождает подходы, связанные со «стратегиями устранения предвзятостей» (*debiasing strategies*). В их основе лежит критическое отношение к когнитивным процессам, означающее изначальное понимание ограниченной рациональности человека. Примером подобного подхода являются «структурированные аналитические методы»²⁷⁷, в основе которых лежит «экстернализация и декомпозиция когнитивного процесса, приводящего к уменьшению предвзятости»²⁷⁸. Также возможны психологические

²⁷⁴ Op. cit. (Information overload for (bounded) rational agents).

²⁷⁵ Михеев Е.А. Дезинформация о новой коронавирусной инфекции COVID-19: психологические механизмы воздействия / Е.А. Михеев // Проблемы Национальной Стратегии. – 2021. – № 1 (64). – С. 167.

²⁷⁶ Чугров С.В. Указ. соч. С. 46.

²⁷⁷ Heuer R.J. Structured Analytic Techniques for Intelligence Analysis / R.J. Heuer, R.H. Pherson. – 1st edition. – Washington, DC: CQ Press, 2010. – 368 p.

²⁷⁸ Belton I. Cognitive biases and debiasing in intelligence analysis / I. Belton, M. Dhami // ed. R. Viale. – London: Routledge, 2020. – P. 552.

вмешательства, нацеленные на индивидуальную проработку искажения²⁷⁹. Вместе с тем, вопрос устранения предвзятостей остаётся вопросом личной инициативы, из-за чего осознание наличия когнитивных искажений, не является гарантией практических действий индивида по их смягчению.

Несмотря на то, что когнитивные искажения составляют одним из главных механизмов различных стратегий информационного влияния²⁸⁰, у объекта влияния существует дополнительный уровень анализа – социальный²⁸¹. Это может означать либо наличие двух самостоятельных единиц анализа – человек и общество/социальная группа, либо двух уровней восприятия внутри отдельного человека, подверженного влиянию – индивидуального и социального. Двухуровневое понимание объекта указывает, что влияние на отдельного человека происходит параллельно с влиянием на все общество, а в рамках влияния на отдельного человека в нем могут срабатывать как индивидуальные, так и социальные триггеры.

Социальный уровень объекта строится на массовом сознании и общих культурных и дискурсивных практиках. В отличие от индивидуального уровня в рамках социального пространства психологические механизмы играют вспомогательную роль. Ключевое место в общественном «сознании» играет *консенсус* относительно общих представлений о правдивости центральных социальных нарративов. Различия в позициях между субъектами политики, покуда они не нарушают основной консенсус, являются допустимыми системой. Однако, как демонстрирует постправда, разрушение консенсуса влечёт повышение «иррациональности» акторов в том смысле, что они перестают соответствовать универсалистскому пониманию социальной правды.

С позиции постструктурализма этот аспект можно выразить через экстраполяцию «дискурсов правды» на взаимоотношения конфликтующих

---

²⁷⁹ Belton I. Op. cit. P.553-555.

²⁸⁰ Wanasika I. Deception as Strategy: Context and Dynamics / I. Wanasika, T. Adler // Journal of Managerial Issues. – 2011. – Vol. 23. – № 3. – P. 376.

²⁸¹ Calero Valdez A. Studying Biases in Visualization Research: Framework and Methods / A. Calero Valdez, M. Ziefle, M. Sedlmair // Cognitive Biases in Visualizations / ed. G. Ellis. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 17.

социальных групп. Каждая группа в меру своих властных возможностей создаёт свою интерпретацию правды. В такой ситуации задачей субъекта манипуляций является видоизменение дискурса правды или создание параллельного дискурса правды. В нём отражается та «рациональность», которая интерпретирует правду и факты в интересах субъекта манипуляций. Процесс интерпретации в таком случае основывается на посредничестве медиа и СМИ, которые ретранслируют необходимый дискурс правды. В отличие от индивидуального уровня в этой плоскости срабатывают не когнитивные механизмы, а медиа-эффекты, имеющие воздействие сразу на всё общество²⁸². К таким медиа-эффектам относятся «фрейминг», «прайминг» и установление повестки дня.

Все три типа медиа-влияния закрепляют возможности политической и дискурсивной власти посредством СМИ²⁸³ и работают по принципу активных стратегий субъекта влияния, будь то «составление нарратива [...] для продвижения конкретной интерпретации» (фрейминг)²⁸⁴, повышение «наглядности или кажущейся важности определенных идей» (прайминг), или целенаправленное «определение проблемы, достойной общественного и государственного внимания»²⁸⁵. Через набор таких дискурсивных практик контекст определенного сообщения, события или высказывания может быть изменен в соответствии с определенной повесткой дня или дискурсом правды. Это подчеркивает не только дискурсивную власть субъекта, но и потенциальную угрозу этой власти со стороны медиа, берущего на себя роль посредника. С точки зрения критического анализа дискурса, взаимосвязь политики и медиа привела к появлению медиатизированной политики, которая «иногда рассматривается как колонизация политики средствами массовой информации, а иногда как колонизация медиа политикой»²⁸⁶.

Но подобное воздействие означает влияние преимущественно на рационально-фактическом уровне общественных отношений, т.к. сосредоточено на

²⁸² Scheufele D.A. Op. cit. (Framing, agenda setting, and priming...). P. 10.; Kolotaev Y. Op. cit. (Political Influence of Online Platforms...).

²⁸³ Scheufele D. Op. cit. (Framing As a Theory of Media Effects); Pan Z. Op. cit.; Brewer P.R. Op. cit.

²⁸⁴ Entman R.M. Framing Bias: Media in the Distribution of Power / R.M. Entman // Journal of Communication. – 2007. – Vol. 57. – № 1. – P. 164.

²⁸⁵ Ibid.

²⁸⁶ Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. – 1st edition. – London: Bloomsbury Academic, 1995. – P. 200.

вопросах полноты и содержательной точности предоставляемой информации. Вместе с тем, аспект общественных эмоций и сентиментов является также областью прямого информационного влияния, что особенно актуально в контексте переноса постправдой внимания с фактов на эмоции²⁸⁷. В этой связи важно обратиться к пониманию эмоций как части социального пространства²⁸⁸, характеризующего эмоции как проявление «заученных когнитивных паттернов»²⁸⁹. Подобно эвристикам, эмоция является повторяющейся моделью поведения, связанная, однако, не только с индивидуальным чувственным восприятием, но и коллективным воздействием. Этот подход, получивший название «история эмоций»²⁹⁰, рассматривает эмоции через их конструирование, осуществляемое со стороны культуры и самого общества.

Акты выражения эмоций – *эмотивы* – являются сочетанием частных и публичных факторов. Оно наделяет процесс выражения эмоций одновременно дескриптивными и перформативными свойствами, «поскольку они способны вызывать изменения в говорящем субъекте или адресате»²⁹¹, а не только отображать отдельные чувства. Социальное измерение эмоций объясняет почему эмоциональные «речевые акты» (такие как вербализированный страх, агрессия и т.д.) выходят за рамки индивидуального опыта. «Они приобретают политическое значение, когда артикулируются коллективами, обычно для достижения общей цели»²⁹².

Такое видение природы эмоций привело к появлению понятия «эмоциональные режимы», выражающего доминирующие в обществе модели восприятия эмоций²⁹³. Они по-своему сравнимы в идейном смысле с «дискурсами правды», применяемыми к фактической информации. Интерактивный характер

²⁸⁷ Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Политические последствия цифровизации...); Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Постправда через призму...).

²⁸⁸ Early Modern Emotions: An Introduction. Early Modern Emotions / Ed. S. Broomhall. – London: Routledge, 2016. – 424 p.

²⁸⁹ McGrath L.S. Op. cit.; Süselbeck J. Sprache und emotionales Gedächtnis. Zur Konstruktion von Gefühlen und Erinnerungen in der Literatur und den Medien / J. Süselbeck // Emotionen. – 2019. – P. 282.

²⁹⁰ Reddy W.M. Op. cit.; McGrath L.S. Op. cit.

²⁹¹ Colwell T.M. I.2 Emotives and emotional regimes / T.M. Colwell // Early Modern Emotions. – Routledge, 2016. – P. 7.

²⁹² Wahl-Jorgensen K. Op. cit. P. 768.

²⁹³ Reddy W.M. Op. cit.

эмоций делает их динамичными, в результате они «дискурсивно конституируются у индивидуумов и аналогичным образом конструируются как эмоциональные «режимы» в обществах при определенных исторических условиях»²⁹⁴. Принцип формирования эмоциональных режимов заложен в нормах, обычаях и политических институтах, делающих сами эмоции «управляемыми»²⁹⁵, а следовательно, и интерпретируемыми в своей сути.

С политической точки зрения эмоциональные режимы представляют собой доминирующие способы приемлемого выражения эмоций²⁹⁶, навязываемые властвующими акторами. Это означает, что при определенных обстоятельствах коллективное понимание и выражение отдельных эмоций (страх, гнев, ненависть) может быть изменено под воздействием внутренних или внешних факторов субъектами информационного влияния. Подобные действия становятся угрозой для общественной стабильности, поскольку такой процесс может быть направлен на «политические значимые эмоции» (ярость и ненависть)²⁹⁷, обладающие серьезным мотивационным потенциалом.

В меняющемся эмоциональном режиме отдельные социальные объекты информационных манипуляций (политически маргинализированные группы, радикальные движения и т. д.) могут склоняться к принятию и выражению таких политических эмоций в качестве «нормальной» практики. Это, в частности, происходит в контексте риторики ненависти, когда из-за смещения эмоционального режима появляется представление о существовании «приемлемой ненависти», что может привести к прямому или цифровому насилию. Таким образом, для субъекта информационного влияния основной целью становится воздействие на отдельные общественные группы через связанные с ними эмоциональные режимы.

---

²⁹⁴ Nye R.A. Review of *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*, William M. Reddy / R.A. Nye // *The Journal of Modern History*. – 2003. – Vol. 75. – № 4. – P. 921.

²⁹⁵ Colwell T.M. *Op. cit.* P. 7.

²⁹⁶ Garrido S. Emotional Regimes Reflected in a Popular Ballad: Perspectives on Gender, Love and Protest in ‘Scarborough Fair’ / S. Garrido, J. Davidson // *Musicology Australia*. – 2016. – Vol. 38. – № 1. – P. 65.

²⁹⁷ Lyman P. The Domestication of Anger: The Use and Abuse of Anger in Politics / P. Lyman // *European Journal of Social Theory*. – 2004. – Vol. 7. – № 2. – P. 133.

Представление о действующих в обществе эмоциональных режимах, а также признание возможности их изменения, указывает на фундаментальную уязвимость социального уровня и «эмоциональной публичной сферы»²⁹⁸ объекта информационного влияния. В современных реалиях данная уязвимость наиболее явно формируется под влиянием алгоритмичных цифровых медиа²⁹⁹, «субъективных и часто иррациональных в своих репрезентациях»³⁰⁰, подобно тому как «дискурсы правды» попадают под влияние медиа-эффектов.

Такая взаимообусловленность двух аспектов социальной сущности объекта указывает, что «дискурс правды в равной степени зависит от действующего эмоционального режима, как и сам режим от дискурса правды»³⁰¹. Однако, несмотря на эту связь, цифровая эпоха подчеркнула, что фактическое информационное влияние приходится не столько на социум в целом, сколько на отдельного человека, впитывающего в себя индивидуальный опыт с социальными переменными. Следовательно, и эффект «цифровой толпы» формируется как кумулятивное взаимодействие отдельных пользователей, реагирующих на события через свой персонализированный в эмоциональном и фактическом плане информационный поток.

Все обозначенные выше представления, включающие рациональные стратегии субъекта, ограниченную рациональность, а также двойственность социальной природы объекта выражают базовые аналитические категории в рамках методологии изучения информационных манипуляций. Их структурная взаимосвязь проиллюстрирована на Рисунке 1. Субъект информационного влияния, которым может являться любая социальная единица от государства, до индивида³⁰², выступает первичной единицей анализа с присущей ему волей и мотивацией. Связь субъекта с мотивацией (личностные побуждения, групповые или национальные интересы), выраженной в конечном *намерении* распространить

²⁹⁸ Мартянов Д.С. Указ. соч.

²⁹⁹ Boler M. The affective politics of the “post-truth” era: Feeling rules and networked subjectivity / M. Boler, E. Davis // *Emotion, Space and Society*. – 2018. – Vol. 27. – P. 82-84.

³⁰⁰ Указ. соч. («Политика постправды» и популизм). С. 9.

³⁰¹ Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Политические последствия цифровизации). С. 521.

³⁰² Op. cit. (*A Survey of Game Theoretic Approaches...*). P. 4.; Robinson M. Cyber warfare: Issues and challenges / M. Robinson, K. Jones, H. Janicke // *Computers & Security*. – 2015. – Vol. 49. – P. 70-94.

информацию, является системообразующей для осуществления информационного влияния³⁰³. Так как в большинстве сценариев информационное влияние содержит важную для субъекта установку, выражающую его личный интерес, анализ поведения субъектов требует рационалистической парадигмы и внимание к целенаправленным шаблонам поведения.

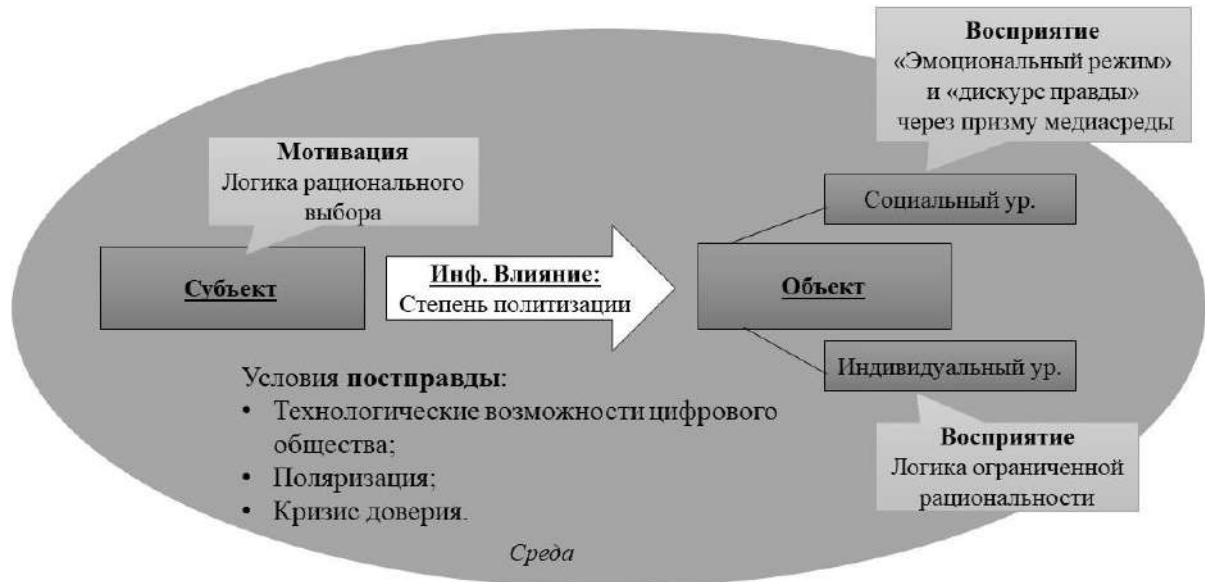

Рисунок 1 – Взаимосвязь субъекта, объекта и среды информационного влияния в условиях постправды

Источник: составлен автором

Объект информационных манипуляций представляет более комплексную структуру. Им может выступать как отдельный человек, так и общество, а само влияние может затрагивать индивидуальные и социальные механизмы реагирования. В отличие от субъекта, проведение чётких институциональных рамок для объекта представляется более затруднительным, т.к. оба уровня – социальный и индивидуальный – находятся в тесной взаимосвязи. Результаты информационного влияния на индивидуальном уровне наиболее комплексно отражаются через логику ограниченной рациональности, указывающую на наличие у человека системы быстрых, но не всегда «рациональных» когнитивных механизмов обработки информации, формирующих когнитивные искажения и поведенческие ловушки, эксплуатируемые субъектом информационного влияния.

³⁰³ Op. cit. (A Survey of Game Theoretic Approaches...); Robinson M. Op. cit.

На социальном уровне в качестве систем реагирования на входящую информацию выступают дискурсы правды и эмоциональные режимы, отвечающие за коллективный консенсус относительно правдивости фактов и допустимости эмоций. Тесная взаимосвязь фактов и эмоций в рамках информационного влияния связана как с эмоциональным реагированием на распространяемую «правду», так и с влиянием фактов на рамки допустимой эмоциональности. При информационных манипуляциях эмоциональные режимы и дискурсы правды сдерживают дезинформацию и риторику ненависти, что, однако, функционирует лишь пока эти механизмы не искажаются в результате более серьезного информационного воздействия.

Указанную в Рисунке 1 структуру важно дополнить ещё одной характеристикой информационного влияния, связанной с взаимосвязью субъекта и объекта. Учитывая многообразие возможных характеристик субъекта (политический/«неполитический» субъект; человек/автоматизированная система и т.д.)³⁰⁴, существует различная последовательность влияния, выраженная в том, что между собой субъекты могут быть «первичными» и «вторичными» (Рисунок 2). Это означает, что один субъект выступает источником информационного сообщения, которое может быть впоследствии поддержано другим субъектом. Наличие двух субъектов для одного информационного сообщения не означает схожесть их намерений и мотивации. Так, к примеру, вторичный субъект может оказаться изначально объектом («реципиентом») какого-либо информационного влияния, в результате которого он также решается распространить информацию дальше. В итоге происходит итеративный процесс с мультиплицирующим последствием.

Вместе с тем, если первичный актер преследовал какие-либо политические цели, то вторичный субъект мог поступать из соображений необходимости информировать других пользователей (друзей, родственников и т.д.), не распознав изначально манипулятивный характер первичного сообщения. Именно на такой

---

³⁰⁴ Giusti S. Op. cit. P. 10.

модели поведения и строится репетитативное свойство «культуры повторения» в эпоху постправды³⁰⁵, способствующей распространению ложной информации в международных процессах.

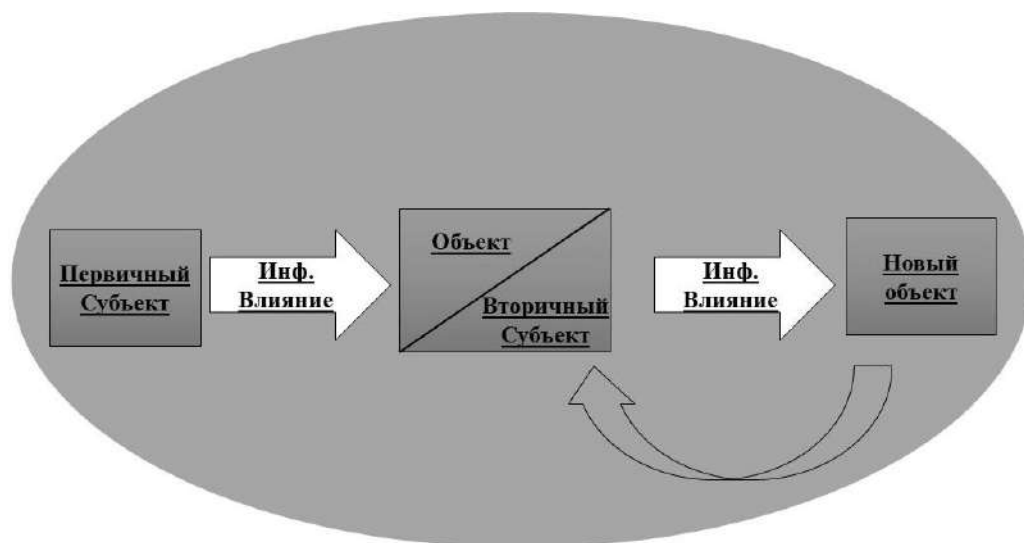

Рисунок 2 – Первичный и вторичный субъект информационного влияния.

Принцип итеративности

Источник: составлен автором

Подводя общий итог представленным выше методологическим рамкам изучения информационного влияния в реалиях цифрового общества, следует подчеркнуть взаимосвязь субъекта и объекта, влияющую на дальнейшее установление промежуточных звеньев и инструментов информационного влияния. За каждым из них стоит своя внутренняя поведенческая логика, которую важно учитывать и при соотношении двух типов субъекта.

Рассмотренная модель информационного влияния помогает структурировать базовые переменные и природу манипулятивных кампаний в условиях постправды и цифрового общества. Представленная система анализа содержит несколько намеренных упрощений. В частности, на индивидуальном уровне намеренно опускается разграничение информационного влияния в рациональном и эмоциональном измерении. Такое допущение сделано по причине того, что иррациональность поведения объекта в представленной системе вызвана опорой не на эмоциональные триггеры, а на когнитивные механизмы, упрощающие

³⁰⁵ Foster C. Op. cit.

человеческое поведение и интерпретирующие сами эмоции как когнитивные паттерны. При этом, как было отмечено ранее, эмоции не всегда вступают в конфликт с рациональным поведением и доверием фактам. Вследствие этого индивидуальная эмоциональность остаётся за рамками исследования, т.к. требует дополнительного рассмотрения совокупности внутренних психических процессов, слабо отражающих политическую суть исследуемой темы.

Таким образом, в рамках данного исследования в качестве отправных базовых положений практики информационного влияния рассматривается ограниченная рациональность объектов информационных манипуляций, а также социальная сущность эмоций и правды, проявляемая в их изменчивости под влиянием международных и социальных процессов. Кроме того, указанные исследовательские рамки являются объектно-ориентированными, т.к. уделяют основное внимание не столько мотивам субъекта, сколько реакции объекта. Это даёт возможность сконцентрироваться в дальнейшем на потенциальных ответах на входящее информационное влияние и методах противодействия ему.

2.2. Цифровая дезинформация, риторика ненависти и роль онлайн-платформ в международных процессах

Стратегия действий субъекта совместно со структурой уязвимостей объекта отражает базовые аспекты информационного влияния. Они иллюстрируют, что между основными элементами манипулятивного воздействия существует взаимосвязь на уровне дискурсивного или эмоционального пространства. Однако в структуре взаимоотношений между субъектом и объектом (Рисунок 1) важную роль играют два вспомогательных элемента: *«посредник»* и *инструмент* информационного влияния. Под посредниками подразумеваются те информационные пространства и платформы, через которые происходит обмен информацией между субъектом и объектом. Инструментами же являются различные типы «информационных атак» и манипуляций, происходящих в

информационном пространстве, основными из которых в данном исследовании выступают *дезинформация* и *риторика ненависти*.

Посредник ретранслирует то сообщение, которое субъект использует в рамках своей информационной деятельности. Суть посредников была вкратце затронута при рассмотрении меди-эффектов классических СМИ. В современных условиях к посредникам относятся, при этом, не только СМИ, но и всё разнообразие новых медиа: цифровые платформы, социальные сети, видеохостинги, блоги и т.д.³⁰⁶ Несмотря на свою посредническую функцию, они не только экстраполируют меди-эффекты на цифровое пространство в ходе посредничества³⁰⁷, но и сами начинают проявлять признаки акторности³⁰⁸. Своё наибольшее выражение она получает в способности платформ выступать цензором или «гейткипером»³⁰⁹ при передаче информации (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Роль посредника в процессе информационного влияния

Источник: составлен автором

³⁰⁶ Рогалева О.С. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) / О.С. Рогалева, Т.В. Шкайдерова // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1 (75). – С. 222-225; Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия / С.Г. Носовец // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 39-47; Plantin J.-C. Digital media infrastructures: pipes, platforms, and politics / J.-C. Plantin, A. Punathambekar // Media, Culture & Society. – 2019. – № 2 (41). – P. 163-174.

³⁰⁷ Zhuravskaya E. Political Effects of the Internet and Social Media / E. Zhuravskaya, M. Petrova, R. Enikolopov // Annual Review of Economics. – 2020. – Vol. 12. – № 1. – P. 415-438.

³⁰⁸ Eilders C. Media as political actors? Issue focusing and selective emphasis in the German quality press / C. Eilders // German Politics. – 2000. – Vol. 9. – № 3. – P. 181-206.

³⁰⁹ Nielsen R.K. News media, search engines and social networking SITES as varieties of online gatekeepers / R.K. Nielsen // Rethinking Journalism Again. – Routledge, 2016.

Интерактивные и сетевые возможности социальных медиа продемонстрировали меняющийся подход к СМИ в XXI веке. Новая логика социальных сетей привела к трансформациям в области производства медиаконтента, принципов распространения информации и способов использования медиа людьми³¹⁰. Цифровая медиатизация общества создала предпосылки для того, чтобы политические акторы «адаптировали свой дискурс к цифровому веку»³¹¹, что привело к общей цифровизации мировой политики и международных отношений.

Повышение влияния социальных сетей на распространение политических идей сделало политический дискурс зависимым от цифровых платформ: через них транслируется основная информация, и именно они выступают ареной для манипуляций и разжигания ненависти. Платформы и соцсети устанавливают основную форму отражения пользовательских сообщений³¹², влияя тем самым на качественные характеристики информации (будь то через количество символов сообщения, правила отражения контента или право осуществлять модерацию) и превращая платформу в участника коммуникации.

Перемены в способах распространения и получения политически значимой информации пользователями сформировало в научном сообществе представление о наличии политической силы/власти у социальных сетей³¹³, выраженной в активном участии и посредничестве в политических и международных отношениях³¹⁴. Исследователь акторности медиа Б.И. Пейдж, подчёркивает, что идея политического актора «подразумевает наличие обозримых действий, являющихся целенаправленным (в большей степени в функциональном, а не

---

³¹⁰ Klinger U. Network Media Logic: Some Conceptual Considerations / U. Klinger, J. Svensson. – 2015. – P. 34.

³¹¹ Estellés M. The educational implications of populism, emotions and digital hate speech: A dialogue with scholars from Canada, Chile, Spain, the UK, and the US / M. Estellés, J. Castellví // Sustainability (Switzerland). – 2020. – Vol. 12. – № 15. – P. 5.

³¹² Baines D. Defining misinformation, disinformation and malinformation: An urgent need for clarity during the COVID-19 infodemic: Discussion Papers / D. Baines, R.J.R. Elliott. – Department of Economics, University of Birmingham, 2020. – P. 8.

³¹³ Shirky C. The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change / C. Shirky // Foreign Affairs. – 2011. – Vol. 90. – № 1. – P. 28-41.

³¹⁴ Kolotaev Y. Op. cit. (Political Influence of Online Platforms...).

преднамеренном смысле) и в достаточной степени унифицированным»³¹⁵, что частично можно пронаблюдать у социальных сетей в их функции посредника.

Типичной формой активного вмешательства в процесс распространения информации является модерация (алгоритмическая и неалгоритмическая)³¹⁶ со всеми конечными вариантами её осуществления, варьирующимися от «подсвечивания» контента³¹⁷, удаления или даже *деплатформинга* пользователей³¹⁸. Посредством модерации платформы нередко стремятся продемонстрировать свою социальную ответственность, показать, что они защищают интересы конечных пользователей. Такие намерения находят своё отражение в правилах сообщества, которыми платформы руководствуются в процессе модерации.

Вместе с тем, «мягкая модерация» в виде подсвечивания информации имеет явные характеристики прайминга и фрейминга, т.к. повышает наглядность какой-либо проблемы/точки зрения, либо наоборот направлена на то, чтобы её заглушить. Более жесткие формы модерации – удаление контента или пользователей с платформ (деплатформинг) – способны вызвать ещё больший резонанс, т.к. явно демонстрируют способности платформы вмешиваться в повестку дня. В частности, это было проиллюстрировано в ситуации с удалением в 2021 г. на платформе Twitter аккаунта бывшего президента США Д. Трампа³¹⁹. Подобные ситуации напрямую иллюстрируют как «посредник» определяет допустимую риторику и дискурс на своей платформе, устанавливая при этом общую повестку.

³¹⁵ Page B.I. The Mass Media as Political Actors / B.I. Page // PS: Political Science & Politics. – 1996. – Vol. 29. – № 1. – P. 20.

³¹⁶ Gorwa R. Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance / R. Gorwa, R. Binns, C. Katzenbach // Big Data & Society. – 2020. – Vol. 7. – № 1. – P. 2053951719897945; Dias Oliva T. Content Moderation Technologies: Applying Human Rights Standards to Protect Freedom of Expression / T. Dias Oliva // Human Rights Law Review. – 2020. – Vol. 20. – № 4. – P. 607-640; Gillespie T. Content moderation, AI, and the question of scale / T. Gillespie // Big Data & Society. – 2020. – Vol. 7. – № 2. – P. 2053951720943234.

³¹⁷ Chipidza W. The effectiveness of flagging content belonging to prominent individuals: The case of Donald Trump on Twitter / W. Chipidza, J. (Kevin) Yan // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2022. – Vol. 73. – № 11. – P. 1641-1658.

³¹⁸ Rogers R. Deplatforming: Following extreme Internet celebrities to Telegram and alternative social media / R. Rogers // European Journal of Communication. – 2020. – Vol. 35. – № 3. – P. 213-229; Evaluating the Effectiveness of Deplatforming as a Moderation Strategy on Twitter / S. Jhaver [et al.] // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. – 2021. – Vol. 5. – CSCW2. – P. 381:1-381:30.

³¹⁹ Fontevecchia A. The Fallacy Of ‘Deplatforming’ Donald Trump / Forbes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.com/sites/afontevecchia/2021/01/20/the-fallacy-of-deplatforming-donald-trump/?sh=b1dcfa411418> (дата обращения: 10.02.2023).

Большая часть из названных форм модерации позволяет говорить об акторности и влиянии основных цифровых платформ в рамках информационного посредничества благодаря их массовости. В отличие от традиционных СМИ, социальные сети объединяют миллиарды пользователей. Они выступают посредником между субъектом и объектом информационного влияния и, при этом, имеют ресурс одновременного доступа к колоссальным объемам данных о самих пользователях, их предпочтениях, что дает им возможность точечной доставки контента до объекта (система таргетинга)³²⁰. Алгоритмы подбора информации, наравне с модерацией, определяют те сведения, которые в итоге доходят до пользователя³²¹. При этом таргетинг и алгоритмы имеют явную коммерческую ориентированность, связанную с максимальным удержанием пользователей на платформе для потребления контента³²². В итоге, цифровые платформы становятся доминирующими игроками, задающими правила донесения информации, что важно учитывать при построении и анализе моделей информационного влияния.

Однако не только сами платформы злоупотребляют своими возможностями по управлению восприятием. Их алгоритмы эксплуатируются субъектами информационного влияния для искажения представлений пользователей. В результате платформы косвенно формируют ту среду, в которой становится возможно распространение основных информационных угроз, являющихся *инструментами информационного влияния*. И если действия онлайн-платформ зачастую носят скорее коммерческую направленность, то действия других информационных субъектов часто нацелены на политический дискурс и глобальные процессы.

---

³²⁰ Knoll J. Advertising in social media: a review of empirical evidence / J. Knoll // International Journal of Advertising. – 2016. – Vol. 35. – № 2. – P. 266-300; Barbu O. Advertising, Microtargeting and Social Media: International Conference on Communication and Education in Knowledge Society / O. Barbu // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 163. – P. 44-49.

³²¹ Social Media Algorithms: Why You See What You See / Georgetown Law Technology Review [Электронный ресурс]. – URL: <https://georgetownlawtechreview.org/social-media-algorithms-why-you-see-what-you-see/GLTR-12-2017/> (дата обращения: 10.02.2023).

³²² Bhargava V.R. Ethics of the Attention Economy: The Problem of Social Media Addiction / V.R. Bhargava, M. Velasquez // Business Ethics Quarterly. – 2021. – Vol. 31. – № 3. – P. 321-359; Monetizing disinformation in the attention economy: The case of genetically modified organisms (GMOs) / C.D. Ryan [et al.] // European Management Journal. – 2020. – Vol. 38. – № 1. – P. 7-18.

В контексте мировой политики двумя наиболее значимыми инструментами информационных манипуляций (для субъекта) выступают *дезинформация* и *риторика ненависти*. Они формируют те угрозы (для объекта), которые наиболее точно ассоциируются с политикой постправды, т.к. в своей сущности они носят манипулятивный характер и исходят из распространения недостоверных сведений. Несмотря на то, что угрозы распространяются через общего посредника, они имеют различные уровни и механизмы влияния:

- Дезинформация нацелена на искажение рационального восприятия. Она эксплуатирует когнитивные уязвимости, искажает и фальсифицирует информацию, чтобы создать иллюзию своей достоверности и правдивости.
- Риторика ненависти распространяется на уровне эмоционального восприятия. Она также может затрагивать пространство фактической информации, но чаще опирается на стереотипное мышление, чувство солидарности и общей идентичности, а также имеет референтную группу или личность, по отношению к которой формируется общее чувство ненависти.

Если распространение дезинформации может происходить на индивидуальном уровне, то риторика ненависти преимущественно применима к сообществу, т.к. чувство ненависти требует интерактивности. Кроме того, дезинформация строится на отрицании или искажении правды, а риторика ненависти прибегает к одной из наиболее сильных политических эмоций, чтобы через консолидацию дискредитировать какой-либо объект ненависти. Указанные обобщения выделяют лишь общие характеристики названных инструментов манипуляций. В вопросах формы и методов, как и в терминологическом аспекте им свойственно большее разнообразие, которое следует рассмотреть дополнительно.

Дезинформация

В рамках современной концептуализации «преднамеренного обмана в коммуникационных сценариях»³²³ существует несколько ключевых понятий, к

---

³²³ Alexander J. Disinformation: A Taxonomy / J. Alexander, J. Smith // IEEE Security & Privacy. – 2011. – Vol. 9. – № 1. – P. 58.

которым, в зависимости от контекста, относятся «дезинформация», «фейковые новости», «пропаганда» и, частично, «стратегические коммуникации»³²⁴. Выбирая конкретный терминологический аппарат, исследователи определяют разные смысловые акценты, отталкиваясь от одного из названных определений.

Так, «фейковые новости» (или «фейк») являются наиболее актуальной формулировкой проблемы информационных манипуляций через публичное информирование, «содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующее реальным фактам...»³²⁵. Это понятие популяризовалось параллельно с понятием «постправда» в общем контексте событий 2016 года, из-за чего термины иногда являются частью терминологического объяснения друг друга³²⁶. Вместе с тем, термин «фейковые новости» является явным риторическим штампом и стигмой в публичном дискурсе³²⁷, а также он излишне связан с «новостной» составляющей, что не позволяет употреблять его в широком контексте.

«Пропаганда» отсылает к более широкой постановке проблемы, т.к. имманентно не выражает злонамеренный характер действий, а скорее представляет процесс активного и целенаправленного распространения каких-либо сведений³²⁸. Она является одним из наиболее ранних терминов, обобщающих процесс информационного влияния. «Стратегические коммуникации» также описывают централизованный процесс донесения до определённой общественности конкретных установок и положений³²⁹, но за ними стоит строгая причинность действий и общий замысел информационной кампании.

³²⁴ Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникации...).

³²⁵ Ильченко С.Н. Указ. соч. С. 12.

³²⁶ Corner J. Fake news, post-truth and media-political change / J. Corner // *Media, Culture & Society*. – 2017. – Vol. 39. – № 7. – P. 1100-1107; Grech V. Fake news and post-truth pronouncements in general and in early human development / V. Grech // *Early Human Development*. – 2017. – Vol. 115. – P. 118-120.

³²⁷ Tandoc E.C. *Op. cit.*

³²⁸ Ellul J. *Op. cit.*

³²⁹ Defining Strategic Communication / K. Hallahan [et al.] // *International Journal of Strategic Communication*. – 2007. – Vol. 1. – № 1. – P. 3-35; Holtzhausen D. Strategic Communication: Opportunities and Challenges of the Research Area / D. Holtzhausen, A. Zerfass // *The Routledge Handbook of Strategic Communication*. – Routledge, 2014; Гавра Д.П. Категория Стратегической Коммуникации: Современное Понимание И Базовые Характеристики / Д.П. Гавра // *Век Информации*. – 2015. – № 3.

В результате, в исследованиях проблем информационного влияния можно пронаблюдать терминологический плюрализм. Однако в общем перечне терминов *политические аспекты* информационных манипуляций в наибольшей степени отражает «дезинформация». Она акцентирует внимание не только на процессе донесения каких-либо сведений, а конкретно на *искажениях*. В англоязычном пространстве дезинформация имеет два варианта перевода: *misinformation* и *disinformation*, разницу между которыми образует отсутствие или наличие умысла в процессе донесения ложных сведений. В условиях XXI века «дезинформация» получает активное распространение в дискурсе западных регуляторов, что сигнализирует об актуализации термина в практическом измерении.

Несмотря на проведенную дифференциацию понятий, устанавливающую границы применяемых категорий, следует отметить взаимодополняемость стоящих за ними идей, отсылающих к конкретным измерениям дезинформации и объясняющих её свойства. Так, среди истоков политологического осмысления пропаганды в XX веке можно пронаблюдать несколько важнейших аспектов сущности намеренного информационного влияния. Г. Лассуэлл, написавший одни из первых работ по пропаганде в межвоенный период, обращается к образу «войны идей против идей»³³⁰, в которой намеренное циркулирование и повторение информации помогает преодолеть психологическое сопротивление через стандартизацию гражданского сознания посредством медиа и новостей. При этом, для самой пропаганды свойственно объектно-субъектное моделирование, где объект – любая единица от индивида до социума, а «стратегия пропаганды [...] легко может быть описана на языке стимул-реакция»³³¹.

Другой значимый представитель исследований пропаганды Жак Эллюль устанавливает важность «психологических манипуляций»³³² для обеспечения мобилизационного потенциала информационного влияния. Он выделяет множественные его градации, среди которых особое значение имеет категория

---

³³⁰ Lasswell H.D. Op. cit. (Propaganda technique in the World War). P. 12.

³³¹ Lasswell H.D. Op. cit. (The Theory of Political Propaganda). P. 630.

³³² Ellul J. Op. cit. P. 61.

социальной пропаганды (в противопоставлении политической), а также эмоциональная или иррациональная пропаганда (в противовес рациональной)³³³, где первая подразумевает влияние на общесоциальные и культурные стандарты (эмоциональный режим), а вторая нацелена на резонирование с эмоциональным откликом объекта.

Г. Лассуэлл и Ж. Эллюль в равной степени подтверждают, что пропаганда и манипуляции являются неотъемлемой частью политического бытия и политической коммуникации, подчеркивая особую её значимость не столько в «тоталитарных», а именно в «демократических режимах». Это связано с её опорой на общественное мнение, что вынуждает политических акторов прибегать к информационному влиянию для получения поддержки, что отчасти приводит к состоянию «диктатуры болтовни»³³⁴. Такая постановка проблемы, выдвинутая ещё в прошлом веке, иллюстрирует, что сущностные аспекты, стоящие за цифровой дезинформацией связаны не только и не столько с актуальным состоянием общества, сколько с принципиальной взаимозависимостью политики, общественного мнения и медиа.

Дезинформация, будучи, в сущности, нацеленной на введение в заблуждение пропагандой, отличается наличием ещё нескольких важных переменных: «источника шума» (появляющегося на этапе передачи через посредника и создающего искаженное представление о данных) и «непреднамеренного получателя»³³⁵ (т.е. объекта, ставшего таковым вопреки своему непосредственному желанию). Первая переменная служит условием искажения изначальной информации или предпосылкой создания подложных данных, вторая подразумевает, что конечный получатель ложного сообщения становится дезинформированным вопреки своему желанию.

Вместе с тем, в мировой политике дезинформация имеет множественные проявления. Несмотря на то, что отдельные исследования указывают на

---

³³³ Ellul J. Op. cit. P. 61-87.

³³⁴ Lasswell H.D. Op. cit. (The Theory of Political Propaganda). P. 631.

³³⁵ Alexander J. Op. cit. P. 58.

непринципиальность какой-либо дифференциации дезинформации,³³⁶ на практике существует множество принципиальных характеристик, позволяющих говорить о различных её типах в зависимости от мотива (идеологический, психологический, получение выгоды) и проверяемости информации³³⁷, (не)надёжности и (не)аутентичности данных³³⁸ и степень правдивости сведений³³⁹. В результате перечень явлений, подпадающих под категорию дезинформации и фейков, множится, порождая целые таксономии взаимосвязанных проявлений ложной информации.

Так можно выделить таксономии, основанные на: *поведенческих аспектах* (лукавство, подделка, ситуация нехватки информации и др.)³⁴⁰; *разнице целей* (развлечение и привлечение внимания, монетизация, дискредитация и др.)³⁴¹; и *инструментальном воплощении* (кликбейт, слух, троллинг, фабрикация и др.)³⁴². С инструментальной точки зрения фейковые новости также выступают подтипом дезинформации, получая при этом наибольшее внимание при изучении дезинформации в силу статуса модного («buzzword») и политизированного термина.

Отечественные филологи также предлагают несколько значимых классификаций, определяющих типы формирующей дезинформацию фейковости³⁴³. Доктор филологических наук С.Т. Золян устанавливает три определения фейковости³⁴⁴, исходя из типов истины, которые подвергаются искажению: корреспондентская - несоответствие действительности, когерентная – несоответствие или противоречие определённому дискурсу, прагматическая – несоответствие практике и тому, что выгодно субъекту. Данная классификация не

³³⁶ Kirchner C. Digital Disinformation: Taxonomy, Impact, Mitigation, and Regulation (Dagstuhl Seminar 21402) / C. Kirchner, F. Roesner // Dagstuhl Reports. – 2022. – Vol. 11. – № 9. – P. 28-44.

³³⁷ Op. cit. (A systematic literature review on disinformation...).

³³⁸ Lemieux V. Leveraging Archival Theory to Develop A Taxonomy of Online Disinformation / V. Lemieux, T.D. Smith // 2018 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). – 2018. – P. 4420-4426.

³³⁹ “Fake News” Is Not Simply False Information: A Concept Explication and Taxonomy of Online Content / M.D. Molina [et al.] // American Behavioral Scientist. – 2021. – Vol. 65. – № 2. – P. 180-212.

³⁴⁰ Dalkir K. Op. cit. P. 39.

³⁴¹ Романова Е.Р. Указ. соч.

³⁴² Op. cit. (A systematic literature review on disinformation...). P. 17.

³⁴³ Ильченко С.Н. Указ. соч. С. 6-7.

³⁴⁴ Золян С.Т. «Фейки» – люди или тексты? Материалы круглого стола / С.Т. Золян // Terra Linguistica. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 7-32.

только отражает проблему множественности «истинны/правды», но и демонстрирует как именно аспект реальности и из каких соображений может подвергаться искажению и подмене.

Представленные выше классификации имеют множество пересекающихся аспектов и позволяют подбирать необходимые таксономические связи в зависимости от целей исследования или практической деятельности. Однако для смоделированной в первом разделе данной главы системы информационного влияния принципиальным остаётся разделение дезинформации по признаку *намерения* (a1 или a2 на Рисунок 4), аналогично англоязычному разделению между *disinformation* и *misinformation*. Разницу в намерении объединяет при этом несоответствие правдивости исходных данных и правдивости сообщения³⁴⁵. Иначе говоря, если сообщение претендует презентовать высказанное за правду, то сами данные, заключенные в сообщении, не являются правдивыми (b1). Для *disinformation* и *misinformation* это в равной степени актуально.

Но в структуре информационных сообщений возможна ещё одна форма намеренной недостоверной информации, при которой и сообщение, и сами данные претендуют на правдивость или синхронно отрицают её (в английском *malinformation*)³⁴⁶. Такая ситуация связана с «реконfigurацией правды» (b2), когда, к примеру, в контексте доказательств предоставляется действительный фрагмент реальности, доказывающий мнимую правдивость утверждения, но реальной связи, кроме как коммуникативной, между ними нет. Такая ситуация возможна, когда хроника одних событий применяется для инсценировки или интерпретации других событий (подобные примеры сопровождают на сегодняшний день любую социально значимую новость, затрагивающую, в

---

³⁴⁵ Baines D. Op. cit. P. 11-12.

³⁴⁶ Baines D. Op. cit. P. 11-12.

частности, социальные и политические кризисы³⁴⁷, природные катастрофы³⁴⁸ и т.д.). В случае, если это делается ненамеренно, то результат будет близок к сочетанию a1 и b1., что можно интерпретировать, к примеру, как незнание или нехватка контекста и апелляция к правде или неправде не будет иметь принципиального значения.

Таким образом, на основе заданных переменных возможно моделирование 3 форм дезинформации (Рисунок 4):

1. $a1 + b1$ = намеренная дезинформация, связанная с ложью;
2. $a1 + b2$ = намеренная дезинформация, эксплуатирующая правду;
3. $a2 + b1$ или $a2 + b2$ = ненамеренная дезинформация.

Рисунок 4 – Формы дезинформации в процессе информационного влияния

Источник: составлен автором

Все эти три формы дезинформации имеют близкое по итогу воздействие на объект (способны манипулировать его восприятием), но различаются в контексте взаимодействия субъекта и посредника. Вопрос наличия или отсутствия намерения напрямую воздействует на практики противодействия, т.к. умысел является важной

³⁴⁷ Truth or Fake - No, this video doesn't show thousands of Syrian migrants trying to cross into the EU // France 24 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.france24.com/en/tv-shows/truth-or-fake/20220923-no-this-video-doesn-t-show-thousands-of-syrian-migrants-trying-to-cross-into-the-eu> (дата обращения: 25.05.2023); Fake videos spread online after Chadian president's death // The Observers - France 24 [Электронный ресурс]. – URL: <https://observers.france24.com/en/africa/20210422-fake-videos-spread-online-after-chadian-president-s-death> (дата обращения: 25.05.2023).

³⁴⁸ FAKE ALERT: Old video from Maharashtra viral as 'massive cyclone' in Kerala // The Times of India [Электронный ресурс]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/times-fact-check/news/fake-alert-old-video-from-maharashtra-viral-as-massive-cyclone-in-kerala/articleshow/82973398.cms> (дата обращения: 25.05.2023).

переменной при выборе средств модерации и взаимодействия с субъектом. Кроме того, «реконфигурация правды» также требует особого подхода, по причине того, что в ней прослеживаются более сложные процессы взаимодействия между ложью и правдой, ибо коммуникативная опора на реальное событие требует верификации не реальности факта, а реальности взаимосвязи между сообщением и представленными данными.

Отраженные в рамках формул типы дезинформации в той или иной степени способны отразить в себе большую часть указанных ранее классификаций, упрощая их до двух переменных, что функционально проще с точки зрения практик регулирования. Такой подход не отрицает потребности дальнейшей детализации различных форм негативного информационного влияния. Его задача - систематизация множественных видов дезинформации в рамках матрицы взаимоотношений намерения субъекта и правдивости сообщения.

Риторика ненависти

В отличие от широко обсуждаемой дезинформации в её различных проявлениях, риторика ненависти представляет собой более узкую в информационном плане угрозу, т.к. не имеет прямой связи с ложью и не ставит своей целью подорвать доверие к какой-либо информации. Её фокус направлен на *разжигание конкретной эмоции в человеческом сообществе или расширение приемлемости ненавистнического дискурса в какой-либо социальной среде.*

В русском языке отсутствует устоявшееся определение для риторики ненависти, т.к. сам термин является переводом английского понятия «hate speech». Термин «возник в странах Запада в результате осознания необходимости ограничить опасную риторику, призывающую к (продолжению) эксплуатации (а в крайних случаях физическому устранению) определенных слоев населения и меньшинств»³⁴⁹. В силу различных вариантов перевода английского источника

---

³⁴⁹ Алексеев А.Б. Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации / А.Б. Алексеев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 458.

существуют множественные слова, отсылающие к феномену: риторика ненависти, язык вражды, хейтспич, язык ненависти и др. При этом «ненависть» в отдельных случаях заменяется понятием «враждебности», понимаемой в качестве *комплексной аффективно-когнитивной черты личности*³⁵⁰, которая проявляется «в эмоциях злости (гнева), отвращения и презрения с присущими им переживаниями и экспрессией, которые могут приводить к агрессивному поведению»³⁵¹.

Понятийный плюрализм характерен для риторики ненависти и в англоязычном пространстве, которое также включает в себя термины, ассоциированные с типом цифрового контента (агрессивный, токсичный, оскорбительный, ненавистнический контент или кибербуллинг)³⁵² или отсылающие к конкретным поводам для дискриминации и ненависти, а именно политическим, историческим, классовым, расовым или религиозным различиям (расистский, антисемитский, антифеминистский, ксенофобский, исламофобский и др. дискурсы ненависти)³⁵³. Сложность определения и интерпретации риторики ненависти связан и с тем, что тематический спектр для ненависти находится в постоянной динамике и расширяется.

С точки зрения социально-политического воплощения, под риторикой ненависти следует понимать *публичную манифестацию через языковые средства враждебности или ненависти в отношении конкретной социальной группы, обладающей общими характеристиками, приобретающей форму оскорбления или подстрекания к насилию и агрессии*. При этом, важной чертой риторики ненависти в контексте международных отношений становится то, что она зачастую относится к насильственным действиям и может граничить с экстремизмом, тесно связанным с преступлениями на почве ненависти³⁵⁴. Поэтому, в отличие от дезинформации, хейтспич в большей степени ассоциируется с противоправными действиями, т.к.

³⁵⁰ Василенко Е.Н. «Язык Вражды»: К Определению Термина / Е.Н. Василенко // Сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию МГУ имени А.А. Кулешова. – Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. – С. 127.

³⁵¹ Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2009. – С. 254.

³⁵² Offensive, aggressive, and hate speech analysis: From data-centric to human-centered approach / J. Kocón [et al.] // Information Processing & Management. – 2021. – Vol. 58. – № 5.

³⁵³ Paz M.A. Op. cit. P. 2; Op. cit. (Internet, social media and online hate speech...).

³⁵⁴ Chetty N. Hate speech review in the context of online social networks / N. Chetty, S. Alathur // Aggression and Violent Behavior. – 2018. – Vol. 40. – P. 110.

сопряжен с правонарушениями, затрагивающими расизм, шовинизм, дискриминацию и притеснения, распространяемые в информационном пространстве.

На основе своих «тематических рамок» риторика ненависти формирует самостоятельное дискурсивное пространство, с присущем ей дискурсом правды и эмоциональным режимом. В мировой политике часто встречаются случаи, когда она может быть связана с групповой обидой или ресентиментом³⁵⁵, стереотипами или предубеждениями по отношению к объекту³⁵⁶ и выражаться через специфические языковые средства. Такие лексические средства стремятся очертить групповую или национальную принадлежность через систему «свой»/«чужой», прибегая к различной степени агрессивности самой коммуникации³⁵⁷, к примеру, через форму неприкрытых оскорблений или применения позитивной риторики с имплицитным негативным подтекстом³⁵⁸. В таком контексте лексические единицы применяются для формирования унижающего достоинство сравнения, клеветы, угрозы и других форм выражения языка вражды³⁵⁹.

Названные формы риторики ненависти можно обобщить в рамках условной «пирамиды ненависти»³⁶⁰, в которой отображается градация степени агрессивности и активности процесса выражения враждебности (Рисунок 5). В результате продвижения с низовых уровней пирамиды на более высокие ступени риторика ненависти усиливается до тех пор, пока не превращается в прямые правонарушения и преступления. Подобная пирамида отражает, как вербальная ненависть способна вызывать реальные последствия при последовательной эскалации, преобразаясь из *риторики* в действия.

³⁵⁵ Коваль Е.А. Обида и ресентимент как причины использования риторики ненависти в медиареальности / Е.А. Коваль // Век Информации. – 2018. – № 2-1.

³⁵⁶ Спиридович Е.А. Указ. соч. С. 139; Василенко Е.Н. Указ. соч. С. 127.

³⁵⁷ Спиридович Е.А. Указ. соч. С. 140.

³⁵⁸ Tsesis A. Destructive Messages: How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements / A. Tsesis. – New York: New York University Press, 2002. – P. 4.

³⁵⁹ Op.cit. (Internet, social media and online hate speech...). P. 4.; Pitruzzella G. Op. cit.

³⁶⁰ Pitruzzella G. Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective / G. Pitruzzella, O. Pollicino. – Milano: EGEA Spa - Bocconi University Press, 2020. – P. 31.

Рисунок 5 – «Пирамида ненависти»

Источник: составлен на основе данных из Pitruzzella G. Op. cit.

В сетевом пространстве риторика ненависти приобретает характер демонстративного публичного действия в форме враждебного комментария или создания контента, содержащего возмущение, оскорбление, либо напрямую осуществляющего травлю³⁶¹. В целом за последнее десятилетие в исследованиях риторики ненависти сформировался научный консенсус относительно того, что социальные сети «стали благодатной почвой для бурных дискуссий, часто заканчивающихся использованием оскорбительных и нецензурных выражений»³⁶². Несмотря на существование феномена и ранее в эпоху аналоговых медиа, сетевая инфраструктура Интернета обострила проблему. Алгоритмический принцип социальных сетей нередко поддерживает тот контент, который связан с

³⁶¹ Щетинина А.В. Хейт и ненависть как формы вражды в современной коммуникации: Опыт портретирования лексемы и понятия / А.В. Щетинина, А.С. Семехина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1 (219). – С. 38.

³⁶² Thirty years of research into hate speech: topics of interest and their evolution / A. Tontodimamma [et al.] // Scientometrics. – 2021. – Vol. 126. – № 1. – P. 158.

ненавистью³⁶³, т.к. он провоцирует широкий общественный отклик. Кроме того, генерируя эхо-камеры, новые медиа культивируют чувство сопричастности³⁶⁴, которое делает риторику ненависти успешной и активно применимой коммуникативной стратегией.

Риторика ненависти варьируется в зависимости от академической, юридической или прикладной перспективы, усложняя определение целей, последствий и способов модерации³⁶⁵. Каждый актер (платформы, регуляторы и т.д.) выделяет для себя свои характерные черты хейтспича, что создаёт проблемы в правоприменительной практике.

Эти противоречия наблюдаются на уровне международного уголовного права³⁶⁶ и на уровне соответствия правил платформ национальному законодательству³⁶⁷. В международном праве риторика ненависти может рассматриваться в качестве формы «преследования», т.е. выражаться в качестве преступления против человечества, либо в форме «подстрекательства», что превращает риторику ненависти в форму уголовной ответственности³⁶⁸. Но если говорить про национальный уровень, то интерпретации во многом зависят от имеющихся законодательных наработок, сформировавшихся частично, а в некоторых случаях и преимущественно ещё до начала процесса цифровизации. Условия же предоставления услуг и правила сообщества, которыми руководствуются платформы, нередко отталкиваются от произвольно устанавливаемых характеристик хейтспич, отражающих позицию самой цифровой кампании.

Несмотря на плюрализм подходов к функциональному определению риторики ненависти, существует набор признаков, характеризующих процесс

---

³⁶³ Lim M. Algorithmic Enclaves: Affective Politics and Algorithms in the Neoliberal Social Media Landscape / M. Lim // Affective Politics of Digital Media. – Routledge, 2020.

³⁶⁴ Ростова Н.Н. Философия трансмедиа: коллективная монография / Н.Н. Ростова. – Москва: Проспект, 2022. – С. 20-21.

³⁶⁵ Fortuna P. Op. cit. P. 85:4.

³⁶⁶ Fino A. Defining Hate Speech / A. Fino // Journal of International Criminal Justice. – 2020. – Vol. 18. – P. 31-57.

³⁶⁷ Sellars A. Defining Hate Speech / A. Sellars. – Berkman Klein Center Research Publication No. 2016-20. – Boston Univ. School of Law, 2016 – P. 24-31.

³⁶⁸ Fino A. Op. cit. P. 31.

стратегического распространения ненависти³⁶⁹, включающий: 1) ориентированность *публичного* сообщения на конкретную *группу* или *физическое лицо* как на члена группы; 2) выражающее ненависть *содержание*; 3) *намерение* причинить *вред*; 4) побуждение к *действиям* и насильственной реакции.

При этом, отличительной чертой риторики ненависти остаётся прямая взаимосвязь с эмоциями (как вид «эмоционального выражения»)³⁷⁰ и их активизация через информационные стимулы. В совокупности с эмоциональностью риторика ненависти проявляет свои социальные характеристики (*публичный характер речевого акта*), а также вредоносную сущность риторического действия (*возможная насильственная реакция*)³⁷¹, т.к. ненависть является сильным стимулом и инструментом для внутригрупповой солидарности. Это можно объяснить природой эксплуатируемой эмоции – ненависти, тесно связанной с гневом и страхом. В контексте эмоциональных режимов и эмотивов, стоит учитывать, что подобные «враждебные эмоции»³⁷² имеют выраженное социальное измерение, связанное с сосуществованием дескриптивных и перформативных параметров ненависти. Именно перформативное свойство эмоции провоцирует других адресатов и объектов к реагированию на риторику ненависти. Сохраняя эти свойства, ненависть попадает под влияние эмоционального режима, который может оказаться подвержен внешнему или внутреннему информационному влиянию.

Понимание манипулятивной природы эмоций означает, что при определенных обстоятельствах социальное понимание гнева и страха, а значит и производной ненависти, может быть изменено под конкретным воздействием на эмоциональный режим, что становится угрозой для общественной системы и дополнительным примером информационного влияния на социальном уровне. Воздействуя на эмоциональный режим субъект способен склонять общество к

³⁶⁹ Sellars A. Op. cit.

³⁷⁰ Field of Disinformation, Democratic Processes, and Conflict Prevention: A Scan of the Literature. Field of Disinformation, Democratic Processes, and Conflict Prevention / S. Udupa [et al.]. – Social Science Research Council, 2020. – P. 3.

³⁷¹ Op. cit. (Thirty years of research into hate speech...). P. 158.

³⁷² Ihlebæk K.A. Hostile emotions: An exploratory study of far-right online commenters and their emotional connection to traditional and alternative news media / K.A. Ihlebæk, C.R. Holter // Journalism. – 2021. – Vol. 22. – № 5. – P. 1207-1222.

«приемлемой ненависти». В руках же политических акторов риторика ненависти (особенно в условиях цифровизации) становится инструментом управления восприятием, приводящим к серьезному ущербу для психологической безопасности на международном уровне.

В случаях манипулятивного языка ненависти уязвимые социальные группы становятся мишенями для целенаправленного подстрекательства к «массовым нарушениям прав человека, преступлениям против человечности или даже геноциду»³⁷³. Такое явление происходит из соображений поддержания действующего дискурса (если он подразумевает потребность в объекте ненависти), но параллельно возможны и обстоятельства, при которых устоявшийся дискурс является препятствием для политических акторов, в результате чего субъект будет нацелен на трансформацию устоявшегося дискурса через риторику ненависти.

Подобно дезинформации язык вражды также имеет свою структуру информационного влияния (Рисунок 6), выступая важной манипулятивной стратегией современного цифрового пространства. Основой информационного влияния остаётся взаимосвязь между субъектом и объектом, при этом объект имеет двойственную природу. Под первичным объектом подразумевается непосредственно та группа людей (с общими характеристиками «чужого»), ненависть по отношению к которой выражается в рамках языка вражды. Вторичный объект, аналогично обозначенному в первом разделе данной главы принципу итеративности (Рисунок 2), выступает реципиентом первичного информационного влияния, но в случае наличия эмотивной связи с субъектом, а также общностью позиций по отношению к первичному субъекту, становится также субъектом в рамках репликации риторики ненависти.

---

³⁷³ Fino A. Op. cit. P. 32.

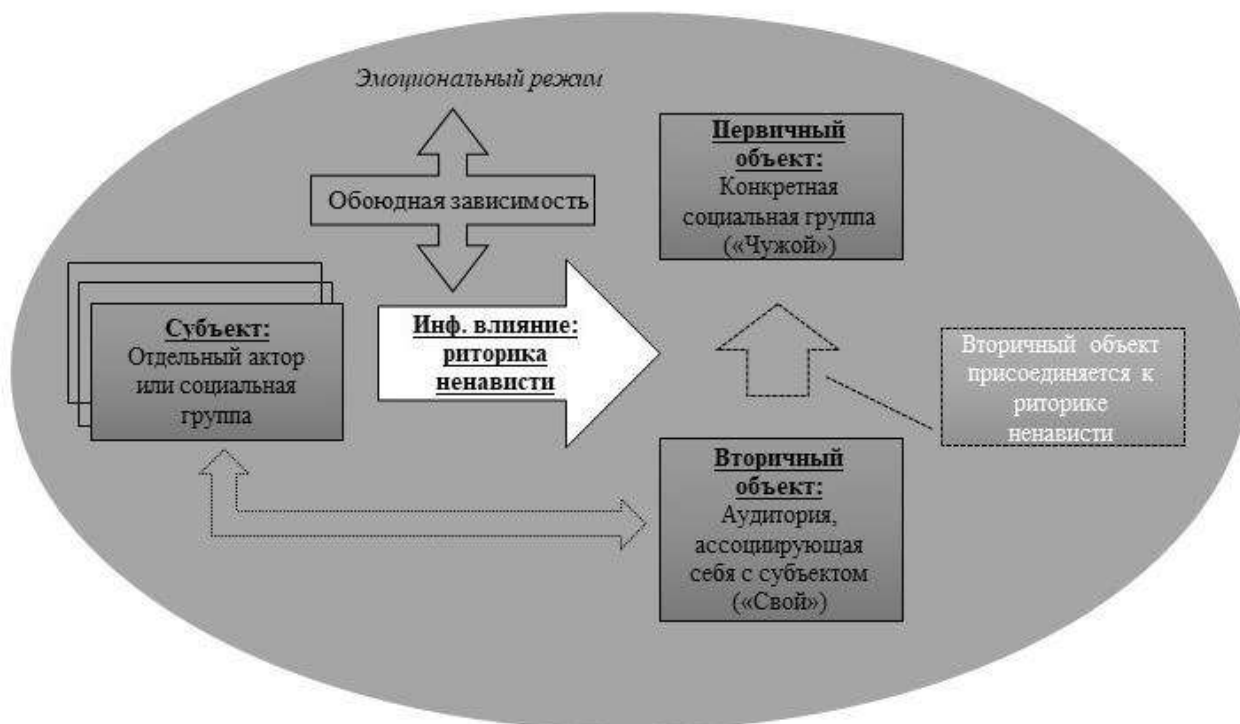

Рисунок 6 – Субъектно-объектные связи в рамках распространения риторики ненависти

Источник: составлен автором

В указанной системе важным обстоятельством остаётся взаимная обусловленность информационного влияния и эмоционального режима. Все субъекты и объекты находятся в рамках общего эмоционального режима, который определяет реакцию как первичных, так и вторичных объектов, а также всего общества в целом. Но применение языка вражды имеет также прямые последствия и на эмоциональный режим. В этом аспекте проявляется также манипулятивное свойство хейтспича, выходящее за рамки субъектно-объектных отношений конкретного отдельного случая информационного влияния.

Резюмируя общие положения по моделированию информационного влияния в рамках дезинформации и риторики ненависти следует отметить, что в цифровых условиях «на смену насилию пришла манипуляция, осуществляемая прежде всего посредством богатых ресурсов языка»³⁷⁴. Манипулятивные свойства процесса

³⁷⁴ Алексеев А.Б. Указ. соч. С. 460.

информационного влияния упрощаются за счёт инструментов и уязвимостей посредника в виде новых медиа. Эпоха постправды становится акселератором распространения неverified данных, а эмоциональность дискурса привлекает различных политических акторов к эксплуатации цифрового пространства для реализации своих намерений как на национальном, так и на глобальном уровне.

Вместе с тем, структура информационного влияния демонстрирует, что распространение дезинформации и хейтспича не всегда происходит под воздействием какой-либо реальной политической мотивации, а имеет и ситуативный или субъективный характер. Это формирует серьезные вызовы при анализе и реализации мер по противодействию новым цифровым угрозам, в числе которых находятся не только актуальные вызовы, но и различные перспективные формы манипулятивного применения автоматизации (боты) и более совершенные формы искусственного интеллекта, реверщающиеся в один из наиболее существенных факторов усиления дезинформации и риторики ненависти в XXI веке.

***

Структурный анализ информационного влияния в условиях эпохи постправды сформировал методологическую базу для последовательного рассмотрения процесса взаимодействия различных переменных и акторов цифровых манипуляций. В главе отражены взаимоотношения между субъектом и объектом информационного влияния, роль цифровых платформ в международном посредничестве при передаче информационного сообщения, а также основные инструменты, благодаря которым информационное влияние приобретает характер информационной угрозы в мировой политике.

Совокупность всех названных переменных образует систему, в которой субъект, посредник и объект находятся в рамках единой информационной среды, разделяющей множество дискурсов правды и эмоциональных режимов. Среда

устанавливает первичные рамки для обмена информацией. Однако в процессе информационного влияния те или иные аспекты информационной среды могут претерпеть изменение в результате информационного влияния на объект или через видоизменение содержания информации на этапе посредничества.

Структурирование связей объекта и субъекта иллюстрирует наличие у каждого из них своих методологических рамок. Каждый элемент системы имеет сложную структуру эмоциональных и рациональных, индивидуальных и групповых предпосылок или стимулов. Конечными инструментами манипуляции выступают различные типы дискурсивных и риторических практик, выражающихся прежде всего в рамках дезинформации и риторики ненависти.

Основной механизм дезинформации направлен на искажение и лжеинтерпретацию данных или их фальсификацию для подтверждения какой-либо установки. Риторика ненависти ориентирована на групповые сентименты, т.к. работает с коллективными эмоциями, используя, к примеру, агрессию и ненависть как эффективный дискурс. В условиях цифровой реальности и дезинформация, и риторика ненависти трансформируются в качественно новые угрозы для глобальной стабильности. Сформированное в рамках главы системное представление информационного влияния отражает набор переменных, имеющих принципиальное значение с точки зрения понимания сути явления информационных манипуляций и их проекции на международную реальность.

Глава 3: Информационные угрозы в реалиях начала 2020-х гг.

Растущая актуальность обозначенных в предыдущей главе угроз вызвана не только их актуальным статусом и манипулятивным характером. Проведённый ранее анализ проиллюстрировал, что трансформации в системах распределения информации привели к качественному преобразованию процесса информационного влияния. Вместе с тем, несмотря на существующие проблемы, связанные с фейками и риторикой ненависти, актуальность всей темы повышают технологии начала 2020-х гг., которые также обладают серьёзным потенциалом в рамках информационных манипуляций. Одной из центральных технологий, проиллюстрировавшей экспоненциальный рост за последние несколько лет, стал «искусственный интеллект» (ИИ) в широком понимании этого слова и во всем многообразии своего программного и машинного применения, а также связанные с ним генеративные нейросети.

ИИ обновляет исследовательскую повестку в сфере изучения информационного влияния, а также обращает внимание на исключительную динамику информационной сферы в связке с международным пространством. Новейший этап развития ИИ, совпавший с актуализацией политики постправды, заставляет исследователей дезинформации обратиться к существующим и перспективным сценариям адаптации технологии под нужды политического манипулирования.

Обновление исследовательской повестки связано и с потребностью анализа актуального опыта противодействия новейшим угрозам и попытками его формализации в рамках более комплексных управленческих стратегий. Несмотря на то, что в исследовательской среде уже предприняты попытки системного изучения действий различных национальных³⁷⁵ и наднациональных акторов³⁷⁶,

---

³⁷⁵ Шариков П. Подходы США, ЕС и России к проблеме информационной политики / П. Шариков, Н. Степанова // Современная Европа. – 2019. – № 2 (88). – С. 73-83; Fathaigh R.Ó. The perils of legally defining disinformation / R.Ó. Fathaigh, N. Helberger, N. Appelman // Internet Policy Review. – 2021. – Vol. 10. – № 4; Колотаев Ю.Ю. Указ. соч.(Европа и Европейский союз...).

³⁷⁶ Kudrna J. The Possibilities of Combating So-Called Disinformation in the Context of the European Union Legal Framework and of Constitutional Guarantees of Freedom of Expression in the European Union Member States / J. Kudrna //

большая часть наблюдений сводится к закреплению фактических данных, в процессе которого теоретическая концептуализация занимает вторичную позицию.

В данной главе подобный опыт крупнейших глобальных организаций, различных региональных акторов и цифровых платформ обобщается в рамках двух ключевых парадигм, связанных с процессами протекции или адаптации к новой цифровой реальности. Также рассматриваются такие теоретические рамки, как «стрессоустойчивость» и «мультистейкхолдеризм», объясняющие новейшие тенденции в моделировании управленческой деятельности, в том числе, и в вопросах регулирования информационного пространства.

3.1. Искусственный интеллект и дальнейшие перспективы развития цифровых информационных угроз

Проблема информационных манипуляций в международных отношениях с момента развития новейших сетевых технологий изначально приобрела техникоориентированный характер, ставя в центр внимания новые методы распространения информации. Вместе с тем, с момента формирования проблематики фейковых новостей и онлайн-дезинформации в середине 2010-х гг., технологический процесс проиллюстрировал, что понимание проблематики эволюционировало. Если изначально озабоченность вызывали онлайн-боты и цифровые платформы с их непрозрачными методами выдачи контента, то теперь, в дополнение к этой проблематике, исследователи сетевой пропаганды и манипуляций в мировой политике стали, начиная с конца 2010-х гг., смещать акцент в своих исследованиях на проблемы ИИ. Несмотря на то, что ИИ в упрощенном виде присутствовал и на ранних этапах изучения сетевого влияния (алгоритмы выдачи контента и боты), развитие возможностей анализа и

International Comparative Jurisprudence. – 2022. – Vol. 8. – № 2. – P. 138-151; Prokopović A.M. The European Approach to Regulating Disinformation / A.M. Prokopović, M. Vujović // FACTA UNIVERSITATIS - Law and Politics. – 2020. – Vol. 18. – № 3. – P. 175-183; Шаройченко Н.Д. Политика Европейского союза по противодействию «мягкой силе» России в странах восточного партнёрства / Н.Д. Шаройченко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – Т. 0. – № 2; Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Развитие политики Европейского союза...).

распознавания мультимодальных данных с их последующей самостоятельной генерацией привели к новым прорывам как в вопросах информационного влияния, так и в перспективах противодействия ему.

ИИ, будучи «искусственной сложной кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системой [...] с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия»³⁷⁷, становится одной из наиболее релевантных и передовых информационных технологий, распространяющихся на всё большее количество сфер общественной жизни. В отличие от других сложных компьютерных систем для ИИ характерно отсутствие программно заданных алгоритмов, заменяемых наличием обучения на основе процесса накопления «опыта»³⁷⁸. Это делает ИИ универсальным инструментом для создания сложных систем обработки и выдачи данных.

Существует два направления развития и осмысления ИИ – общий искусственный интеллект и слабый или узкоспециализированный ИИ. Слабый ИИ «активно используется во многих отраслях: от браузеров [...], до управления автомобилями и самолетами»³⁷⁹. Общий ИИ в своём прямом смысле ещё не сформировался и представляет собой гипотетическую модель ИИ, у которой когнитивные способности должны быть равноценны человеческим и даже превосходить их. По этой причине в контексте информационных манипуляций речь пока что идёт лишь о слабых и узкоспециализированных формах ИИ.

На сегодняшний день «применение ИИ [...] поднимает важные вопросы информационной безопасности в дипломатии, защиты личных данных в социальных сетях, смягчения последствий предвзятости алгоритмов»³⁸⁰. Подобная

---

³⁷⁷ Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 94-95.

³⁷⁸ Там же. С.94.

³⁷⁹ Коробков А.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения / А.Д. Коробков // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – С. 2.

³⁸⁰ Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования / Т.А. Гришанина // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2021. – № 4. – С. 17; Коробков А.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения / А.Д. Коробков // Вестник МГИМО-Университета. – 2021.

тенденция связана с более широким явлением «датафикации»³⁸¹ международных отношений, т.е. распространение применения аналитики больших данных в политических целях.

В результате, в рамках мировой политики постепенно формируется и новая информационная угроза, связанная с использованием ИИ для политической манипуляции, т.е. угроза злонамеренного использования искусственного интеллекта (ЗИИИ)³⁸². Подобное использование ИИ подразумевает, нанесение социального вреда на уровне общественного восприятия, инфраструктуры или психологической безопасности. В рамках этого проблемного поля выделяется несколько уровней, на которых ИИ может стать угрозой для общества. В интерпретации профессора Е.Н. Пашенцева можно выделить три уровня угроз психологической безопасности, создаваемых ЗИИИ³⁸³. Проявление и степень урона зависят, при этом, от конкретной формы ИИ.

На первом уровне общество в результате каких-либо происшествий вырабатывает негативную реакцию на ИИ, что вызывает снижение его интеграции в общественное развитие и социальные процессы. Второй уровень связан с непосредственным ЗИИИ, направленным на разрушение или повреждение инфраструктуры, нанесение социального вреда, причинение финансового ущерба и т. д. Неизбежно развиваются негативные эмоции, тревожные и панические настроения. Однако лишь третий уровень угроз предполагает искажение и контролирование восприятия или нанесение психологического ущерба. Именно на третьем уровне происходит использование ИИ в психологическом противостоянии или даже информационной войне. Все три уровня помогают понять, как социальная система может реагировать на различные типы ЗИИИ.

Из трех названных уровней именно третий, связанный с информационными угрозами, отражает наиболее перспективную область для использования

---

³⁸¹ Цветкова Н. А. Указ. соч.

³⁸² Pashentsev E. Op. cit. P. 33; Experts on the Malicious Use of Artificial Intelligence: Challenges for Political Stability and International Psychological Security / ed. E. Pashentsev. – Moscow: International Center for Social and Political Studies and Consulting, 2020; Колотаев Ю.Ю. Указ. соч. (Методы противодействия...).

³⁸³ Bazarkina D. Malicious Use of Artificial Intelligence / D. Bazarkina, E. Pashentsev // Russia in Global Affairs. – 2020. – Vol. 18. – № 4. – P. 154-177.

негативных аспектов ИИ. Как было сказано ранее, часть этих аспектов затрагивает деятельность платформ, т.к. алгоритмы выдачи контента и таргетинга уже строятся на уязвимых системах, формируя слабый ИИ, эксплуатируемый при формировании контента. Однако есть и те сферы ИИ, которые находятся лишь на начальной стадии проникновения в реальную жизнь, но которые могут стать в будущем серьезным инструментом в руках субъектов информационного влияния.

Контекст эпохи постправды, а также повышающаяся эмоциональность публичного дискурса заставляют обратить особое внимание на сферу эмоционального ИИ³⁸⁴ и автоматизированного сентимент-анализа (анализа тональности)³⁸⁵, относящихся в более широком представлении к сфере эмоциональных вычислений (англ. *affective computing*)³⁸⁶. Эмоциональный ИИ и эмоциональные вычисления — это развивающаяся междисциплинарная область, в которой исследуются способы, с помощью которых ИИ и другие вычислительные технологии могут облегчить понимание человеческих эмоций. В нем также рассматриваются вопросы взаимодействия человека с компьютером, в частности, вопросы проектирования систем, применяющих распознавание эмоций для расширения своего функционала.

Весь этот спектр технологий подразумевает либо возможность распознать человеческие эмоции для последующей оптимизации информационных систем, либо для симуляции эмоций в таких информационных системах. Эмоции в таком контексте функционально понимаются как «языковое или неязыковое выражение чувств, [...] страстей, настроений и влечений в словах, жестах и других социальных практиках»³⁸⁷. Распознавание эмоций через интеллектуальные системы происходит

---

³⁸⁴ McStay A. *Emotional AI: The Rise of Empathic Media*. Emotional AI / A. McStay. – First edition. – Los Angeles: SAGE Publications Ltd, 2018. – 248 p.; Stark L. *The Ethics of Emotion in Artificial Intelligence Systems* / L. Stark, J. Hoey // *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency: FAccT '21*. – New York, NY, USA: Association for Computing Machinery, 2021. – P. 782-793; *Emotion AI-Driven Sentiment Analysis: A Survey, Future Research Directions, and Open Issues* / P. Chakriswaran [et al.] // *Applied Sciences*. – 2019. – Vol. 9. – № 24. – P. 5462.

³⁸⁵ Yadollahi A. *Current State of Text Sentiment Analysis from Opinion to Emotion Mining* / A. Yadollahi, A.G. Shahraki, O.R. Zaiane // *ACM Computing Surveys*. – 2017. – Vol. 50. – № 2. – P. 25:1-25:33; *A survey of sentiment analysis in social media* / L. Yue [et al.] // *Knowledge and Information Systems*. – 2019. – Vol. 60. – № 2. – P. 617-663.

³⁸⁶ Picard R.W. *Affective Computing* / R.W. Picard. – Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1997. – 306 p.; *Deep learning for affective computing: Text-based emotion recognition in decision support* / B. Kratzwald [et al.] // *Decision Support Systems*. – 2018. – Vol. 115. – P. 24-35.

³⁸⁷ *Early Modern Emotions: An Introduction*. Early Modern Emotions / Ed. S. Broomhall. – London: Routledge, 2016. – P. 11.

как на уровне текста, так и нетекстового или мультимодального источника³⁸⁸. Это означает возможность интерпретации человеческих «сентиментов» в рамках процесса принятия решений самой системы ИИ. Функция симуляции дополняет эту возможность, имитируя «квазичеловеческую» реакцию на поступающие эмоциональные стимулы от пользователя также в текстовом и мультимодальном формате.

Несмотря на большой потенциал эмоционального ИИ в целом, развитие технологии сопряжено с рисками его использования в рамках информационного влияния³⁸⁹ или в ходе полноценных политических кампаний по управлению восприятием³⁹⁰. Применение эмоциональных вычислений в политических целях превращает технологию анализа тональности и эмоциональный ИИ в «цифровое оружие». Оба инструмента, к примеру, позволяют извлекать и анализировать человеческие эмоции для точного эмпатического «нацеливания» информационного воздействия. В таком контексте человеческие эмоции становятся объектом различных форм эксплуатации через алгоритмы ИИ в процессе манипуляций. Сюда относятся как эмпатическая симуляция, так и распознавание чувств через специализированные маркеры. Перспективная эффективность таких методов вызвана ролью эмоций, оказывающих существенное влияние на деятельность человека и познавательные процессы. Поскольку эмоции остаются одним из важнейших аспектов восприятия, возможность инструментализации или изменения их создает серьезные общественные и индивидуальные последствия для безопасности.

Существуют множественные потенциальные сценарии, по которым злонамеренное применение эмоционального ИИ может стать составной частью

---

³⁸⁸ Chakraborty K. A Survey of Sentiment Analysis from Social Media Data / K. Chakraborty, S. Bhattacharyya, R. Bag // IEEE Transactions on Computational Social Systems. – 2020. – Vol. 7. – № 2. – P. 450-464.

³⁸⁹ Pantsev K.A. Op. cit.; Roumate F. Malicious Use of Artificial Intelligence, New Challenges for Diplomacy and International Psychological Security / F. Roumate // Artificial Intelligence and Digital Diplomacy. – 2021. – P. 97-113; The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation. The Malicious Use of Artificial Intelligence / M. Brundage [et al.] arXiv: 1802.07228. – 2018.

³⁹⁰ Mengü M.M. Digital Perception Management / M.M. Mengü, E. Türk // Digital Seige. – Istanbul, Turkey: Istanbul University Press, 2021. – P. 327; Derman G.S. Perception management in the media / G.S. Derman // International Journal of Social and Economic Sciences. – 2021. – Vol. 11. – № 1. – P. 64-78; Kolotaev Y. Op. cit. (Sentiment Analysis...); Bakir V. Psychological Operations in Digital Political Campaigns: Assessing Cambridge Analytica's Psychographic Profiling and Targeting / V. Bakir // Frontiers in Communication. – 2020. – Vol. 5.

манипулятивных стратегий, использующих точное эмпатическое «нацеливание». К ним относятся эмоционально оптимизированная дезинформация³⁹¹, крупномасштабные пропагандистские кампании с помощью социальной инженерии³⁹², подстрекательство к разжиганию ненависти с помощью социальных ботов³⁹³ и информационный шпионаж, основанный на эмоциональном профилировании³⁹⁴ или целенаправленном фишинге. При этом все эти сценарии нацелены на одну из двух форм уязвимости информационной системы³⁹⁵: уязвимость алгоритма (внутренняя уязвимость информационной системы) и уязвимость пользователя (внешняя по отношению к посреднику) уязвимость (Рисунок 7).

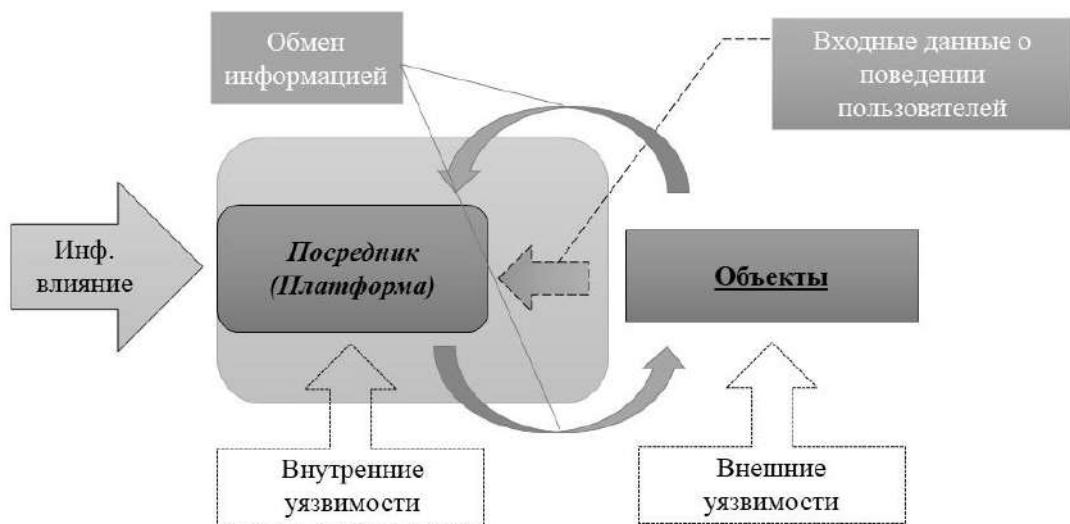

Рисунок 7 – Формы уязвимости информационной системы

Источник: составлен автором

Первая форма уязвимостей подразумевает, к примеру, искажение механизма обработки данных для модификации результатов. В таком случае субъект влияния

³⁹¹ AI and the Future of Disinformation Campaigns / Center for Security and Emerging Technology [Электронный ресурс]. – URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/ai-and-the-future-of-disinformation-campaigns/> (дата обращения: 12.02.2023).

³⁹² Djugumanov I. Practical Applications of Advanced Technologies for Enhancing Security and Defense Capabilities: Perspectives and Challenges for the Western Balkans / I. Djugumanov, M. Hadji-Janev. – NATO Science for Peace and Security Series-E: Human and Societal Dynamics. – IOS Press, 2022. – 134 p.

³⁹³ Social Bots and the Spread of Disinformation in Social Media: The Challenges of Artificial Intelligence / N. Hajli [et al.] // British Journal of Management. – 2022. – Vol. 33. – № 3. – P. 1238-1253.

³⁹⁴ Using a Personality-Profiling Algorithm to Investigate Political Microtargeting: Assessing the Persuasion Effects of Personality-Tailored Ads on Social Media / B. Zarouali [et al.] // Communication Research. – 2022. – Vol. 49. – № 8. – P. 1066-1091.

³⁹⁵ Kolotaev Y. Op. cit. (Sentiment Analysis...).

манипулирует входными данными, чтобы изменить результаты классификатора настроений (если речь идёт об анализе тональности). Такая информационная атака косвенно направлена на объект влияния. Она не создаёт непосредственную угрозу его информационному полю, а искажает те основанные на ИИ инструменты, которыми объект пользуется в ходе принятия решений. Следовательно, это может привести к ситуациям, в которых будут приняты неверные решения³⁹⁶ или выданы искажённые результаты. Целями таких атак выступают алгоритмы машинного обучения (на уровне эмоционального ИИ)³⁹⁷, либо классификаторы анализа лексических тональностей (на уровне сентимент-анализа)³⁹⁸, приводя к «отравлению данных» или вмешательству в алгоритмы обработки языка.

Вторая форма, связанная с ориентацией на пользователя, предполагает прямое применение эмоционального ИИ против людей в виде контекстно и эмоционально оптимизированной информационной атаки. Такие атаки сочетают фишинг, социальную инженерию³⁹⁹, психологическое профилирование⁴⁰⁰ и атаки социальных ботов⁴⁰¹. Эта форма информационного влияния нацелена непосредственно на объект и использует данные о его эмоциональном состоянии, отклике или восприятии актуального вопроса, либо темы. В рамках подобных атак подразумевается доступ к личным или конфиденциальным данным пользователя/пользователей, которые оптимизируют результаты атаки. Такое целевое использование эмоционального ИИ и, прежде всего, автоматизированного анализа тональности приводит к сверхточному и таргетированному распространению риторики ненависти, фейков и других форм дезинформации. Наиболее явным примером здесь служат именно эмпатически оптимизированные

---

³⁹⁶ Word-level Textual Adversarial Attacking as Combinatorial Optimization / Y. Zang [et al.] // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics / arXiv:1910.12196 [cs]. – 2020. – P. 6066-6080.

³⁹⁷ Manipulating Machine Learning: Poisoning Attacks and Countermeasures for Regression Learning. Manipulating Machine Learning / M. Jagielski [et al.] arXiv:1804.00308 [cs]. – arXiv, 2021.

³⁹⁸ Adversarial attacks on a lexical sentiment analysis classifier / G.A. de Oliveira [et al.] // Computer Communications. – 2021. – Vol. 174. – P. 154-171.

³⁹⁹ The role of Social Engineering in evolution of attacks / E. Frumento [et al.]. – DOGANA Consortium, 2016.

⁴⁰⁰ Jahankhani H. Cybercrime Profiling and Trend Analysis / H. Jahankhani, A. Al-Nemrat // Intelligence Management: Knowledge Driven Frameworks for Combating Terrorism and Organized Crime / eds. B. Akhgar, S. Yates. – London: Springer, 2011. – P. 181-197.

⁴⁰¹ Social Robot Interactions for Social Engineering: Opportunities and Open Issues / A.F. Abate [et al.] // 2020 IEEE Intl Conf (DASC/PiCom/CBDCOM/CyberSciTech). – 2020. – P. 539-547.

автоматические фейковые новости⁴⁰². Данная во многом ещё лишь перспективная форма информационного влияния обладает возможностью подстраивать информацию под целевую аудиторию через анализ предыдущего эмоционального отклика, что позволяет точно определять масштаб и результаты информационного влияния. Такой сценарий особенно актуален для информационно изолированных сообществ (эхо-камер), обладающих заранее определяемым диапазоном мнений и форм эмоционального отклика.

Несмотря на то, что эта форма информационного влияния пока остаётся перспективной, её реальность подтверждается примерами кампаний по управлению восприятием (с попытками использовать таргетирование, основанное на анализе данных), наиболее резонансным из которых стал скандал с компанией Cambridge Analytica, вовлечённой в плебисцит о выходе Великобритании из ЕС⁴⁰³. Дополнительная модификация аналогичных кампаний посредством эмоционального ИИ является вопросом развития самой технологии, особенно в условиях нарастающих цифровых конфликтов и информационных войн. Начало 2020-х гг. иллюстрирует, что манипулятивные информационные кампании становятся все более распространенными и доступными⁴⁰⁴, и поэтому эмоциональные автоматизированные инструменты конфронтации требуют особого внимания, ведь растущая доступность ИИ имеет серьезные последствия для будущего.

Растущая доступность самих систем распознавания эмоций создает и другие, более многоуровневые сценарии психологических атак. Например, операция по управлению восприятием с применением ИИ может быть смоделирована через несколько последовательных ступеней (Таблица 3). Субъект планирует атаку на определенную социальную группу. На первом этапе он применяет анализ тональности, чтобы добиться четкого *понимания основного эмоционального режима сообщества*. Это облегчает дальнейшее планирование всей операции, а

---

⁴⁰² Bakir V. Op. cit. (Fake News...).

⁴⁰³ Bakir V. Op. cit. (Psychological Operations...).

⁴⁰⁴ Kolotaev Y. Op. cit. (Hate Speech in Perception Management Campaigns); Op. cit. (AI and the Future of Disinformation Campaigns).

также даёт возможность ориентироваться на эмоциональные триггеры сообщества. Так субъект создает необходимые *инструменты для проникновения в различные сообщества* через социальные сети, чтобы распространить дезинформацию, либо внедрить элементы риторики ненависти в целевой социальной группе. Инструментами могут выступать продвинутые социальные/эмоциональные боты, которые распространяют ненавистнические сообщения, адаптируя их к дискурсу социальной группы.

Важным аспектом уже второго этапа будет *анализ реакции* аудитории на распространённые данные. Это поможет еще больше усилить изначальное сообщение и откроет возможности для продолжения информационного влияния на итерационной основе. *Каждая итерация* будет включать новые данные об эмоциональных реакциях, что сделает общую атаку более целенаправленной. Если субъект обладает достаточными вычислительными способностями, следующим шагом может стать создание уже названных *синтетических, эмоционально адаптированных фейков*. На этой фазе атака будет в большей степени уже полагаться на саму систему ИИ, уменьшающую роль человека-агента и создающую непрерывную *систему распространения и последующего анализа*. После того, как основное сообщение, а значит, и идея информационного влияния была принята сообществом, субъект, при необходимости дальнейших манипуляций, может расширить сеть ботов или изменить первоначальную цель.

Таблица 3 – Многоуровневый сценарий психологических атак с применением ИИ

Этап	1) Планирование
1.1	Понимание основного эмоционального режима сообщества
1.2	Выявление эмоциональных триггеров сообщества
1.3	Создание необходимых инструментов для проникновения в сообщества
	2) Внедрение информации и анализ
2.1	Применение разработанных инструментов для распространения информации

Продолжение таблицы 3

Этап	2) Внедрение информации и анализ
2.2	Анализ реакции аудитории на распространённые данные
2.3	Усиление изначального сообщения для продолжения информационного влияния
	3) Новая итерация внедрения информации и анализа
3.1	Новые данные об эмоциональных реакциях для более целенаправленной атаки
3.2	Создание синтетических, эмоционально адаптированных фейков
3.3	Создание непрерывной системы распространения и последующего анализа
	4) После достижения цели
4.1	Расширение сети ботов для увеличения сферы влияния или выбор новой цели

Источник: составлена автором

Подобный абстрактный смоделированный пример только предсказывает, какую роль эмоциональный ИИ может в перспективе играть в управлении восприятием. Однако актуальность и насущность угрозы иллюстрируется развитием множественных новых моделей потенциальных атак с применением ИИ, разрабатываемых научным сообществом. В частности, к ним относятся различные виды синтетической аудиовизуальной дезинформации и риторики ненависти, используемой для дискредитации или обмана⁴⁰⁵. В более широком представлении они именуется дипфейками (от англ. deepfake) и обозначают сгенерированные силами машинного обучения поддельные видеоизображения, имитирующие

⁴⁰⁵ Pawelec M. Deepfakes and Democracy (Theory): How Synthetic Audio-Visual Media for Disinformation and Hate Speech Threaten Core Democratic Functions / M. Pawelec // Digital Society. – 2022. – Vol. 1. – № 2. – P. 19; Bontridder N. The role of artificial intelligence in disinformation / N. Bontridder, Y. Pouillet // Data & Policy. – 2021. – Vol. 3. – P. e32.

наложение одного изображения на другое⁴⁰⁶. Эта форма применения ИИ в силу своей наглядности получила особенное внимание в медиа, в результате чего именно дипфейки, в сравнении с другими формами ЗИИИ, сейчас наиболее активно проблематизируются в рамках информационных манипуляций.

Проблема дипфейков вызывает озабоченность, прежде всего, в связи с доверием к получаемой информации. С одной стороны, дипфейк становится реальным инструментом для политического обмана. С другой стороны, в случае несогласия с источником, политический актер может сослаться на подложность изображений или других данных, прибегая к проблеме дипфейков как риторическому штампу, аналогично тому, как это произошло с «фейковыми новостями» и «фейками».

Стоит, однако, отметить, что дипфейки, как и другие формы ИИ, не являются абсолютной угрозой информационного пространства. Они становятся таковой лишь как инструмент информационного влияния. Подобное обстоятельство не отменяет и большого потенциала, которым обладает ИИ в своих различных формах. Уже названный ранее автоматизированный анализ тональности и эмоциональный ИИ зеркально применимы в области противодействия информационным угрозам⁴⁰⁷. Учитывая свойство ИИ действовать на основе обучаемой модели, сама автоматизированная система может иметь целью распознавание недостоверного контента по различным характерным прямым и косвенным индикаторам⁴⁰⁸. По этой причине ИИ следует видеть не как принципиально новую угрозу в области информационного влияния, а лишь способ его усиления или противодействия. Но нередко упускается и опасность излишнего оптимизма относительно способности ИИ распознавать недостоверные сведения. Основным ограничением ИИ остаётся как репрезентация выборок, на основе которых происходит обучение ИИ, так и применимость большинства человеческих

---

⁴⁰⁶ Brown N.I. Deepfakes and the Weaponization of Disinformation / N.I. Brown // Virginia Journal of Law & Technology. – 2020. – Vol. 23. – P. 1; Vaccari C. Deepfakes and Disinformation: Exploring the Impact of Synthetic Political Video on Deception, Uncertainty, and Trust in News / C. Vaccari, A. Chadwick // Social Media + Society. – 2020. – Vol. 6. – № 1.

⁴⁰⁷ Op. cit. (Sentiment Analysis for Fake News Detection). P. 1348; Fake News Detection Using Sentiment Analysis / B. Bhutani [et al.] // 2019 Twelfth International Conference on Contemporary Computing (IC3). – 2019. – P. 1-5.

⁴⁰⁸ Hate speech operationalization: a preliminary examination of hate speech indicators and their structure / J. Papcunová [et al.] // Complex & Intelligent Systems. – 2021.

«когнитивных искажений» к ИИ, т.к. принципы формирования самого алгоритма на данный момент сильно зависимы от видения создателей алгоритма. Таким образом, разрыв между общим ИИ и слабым ИИ обеспечивает несовершенство практик применения ИИ как в сфере распространения дезинформации, так и противодействия ей.

Важно учитывать, что выработка ответных механизмов по противодействию угрозам находится в догоняющем состоянии «реакции на угрозу». Сама же угроза является про-активной и первичной. Кроме того, понятие «слабый ИИ» означает его ограниченность по отношению к общему ИИ. В узких сферах он способен обеспечивать высокие показатели результативности, значительно превышающие результаты действий без применения инструментов, основанных на ИИ. Сфера информационного влияния и психологических манипуляций постепенно также подтверждают этот тезис.

Подводя итог новым цифровым угрозам, способствующим распространению дезинформации и риторики ненависти, следует повторно подчеркнуть применимость ИИ в информационных манипуляциях через алгоритмы выдачи контента, создание синтетических данных и анализ эмоционального состояния пользователей. Интеграция в новые медиа систем ИИ вызывает особую озабоченность, т.к. это трансформирует как систему выдачи новой информации, так и её содержание. В частности, ИИ позволяет использовать точечный подбор релевантного контента и оптимизировать данные под конкретную аудиторию, что в контексте информационного влияния становится усиливающим фактором самой угрозы.

Таким образом, при изучении информационного влияния важно не только понимание самих инструментов влияния, будь то риторика ненависти или дезинформация, но и анализ перспективных путей усовершенствования инструментов в современных условиях. Именно обновление средств ретрансляции информации играет ключевую роль в XXI веке при формировании «эпохи постправды». По этой причине понимание негативных последствий подобных условий возможно лишь при принятии важности как изначальных посылок о

проблемах «правды» и «эмоциональности» в обществе, так и свойств современного технологического развития, приносящего через ИИ и его связь с социальными сетями новые, революционные инструменты социальной коммуникации.

3.2. Акторы и модели противодействия информационным угрозам в международных отношениях

Происходящее в цифровой среде преобразование информационного влияния в новые типы информационных угроз ставит перед множественными акторами задачу по поиску средств, методов и механизмов защиты. Мировая практика иллюстрирует различные подходы, зависящие от уровня противодействия и соотношения системы и угрозы. Пространственно-политическое понимание социальных и международных связей определяет наличие *глобального, регионального, национального и локального* уровней мировой политики⁴⁰⁹. Это деление соответствует характеру формальных институтов международной системы, но находится в определённом противоречии с сущностью цифрового пространства, для которого характерна децентрализация связей (в горизонтальном и вертикальном понимании пространственности).

Тем не менее, с формальной стороны на сегодняшний день реакция политических субъектов на информационные угрозы соответствует пространственным уровням международной системы, что имеют большое значение для понимания функциональных особенностей различных акторов в вопросах регулирования цифрового пространства, а также указывает на потенциал к фрагментации глобальной сети. Каждому из уровней свойственны свои акторы, включающие государство и его институты, международные и национальные организации, транснациональные компании, СМИ, а также различные гражданские

---

⁴⁰⁹ Туманов А. Д. Анализ факторов формирования современной системы политического управления: глобальный, региональный и локальный уровни / Туманов А. Д. // Управленческое консультирование. – 2021. – Т. 151. – № 7. – С. 107-115; Гукасов А.В. Системный и подсистемный уровни анализа внешней политики современных государств / А.В. Гукасов // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 12. – С. 83-88.

ассоциации. Для большинства акторов информационные вызовы стали угрозой социально-политического характера, требующей дискурсивного, регулятивного, образовательного или технического вмешательства. Форма реагирования во многом обусловлена как самим актором, так и его положением в рамках международной системы.

Отдельное значение имеет региональное распределение акторов, т.к. в зависимости от их территориального расположения современные цифровые угрозы могут трактоваться ими по-разному в силу политической обстановки в самом регионе. Плюрализм практик и самих акторов формирует необходимость в установлении региональных, либо акторных рамок исследования для содержательного отражения мер по противодействию. Попытки комбинации акторов из разных регионов с системной и пространственной репрезентацией мировой политики могут привести к искаженному представлению о степени вовлечения различных субъектов. По этой причине представленные ниже примеры акторов и моделей противодействия также имеют региональную специфику и преимущественно сосредоточены на евразийском пространстве.

Вместе с тем, несмотря на особенности региональной специфики, особую роль в структурировании практик противодействия информационным угрозам играет *глобальный уровень*, выраженный в центральных институтах международной системы. Первые проявления регулирования информационных угроз на глобальном уровне стали наблюдаться с середины 2010-х гг. Ключевым актором на этом уровне выступила ООН, которая, следуя за общим трендом, стала постепенно выражать позицию по вопросам противодействия дезинформации и цифровой риторики ненависти. В 2017 г. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш выступил с заявлением о необходимости защиты свободных СМИ для отстаивания «права на правду», т.к. «это крайне важно для противодействия преобладающей дезинформации»⁴¹⁰. В 2019 г. Генеральным секретарём

---

⁴¹⁰ In “post truth” era, leaders must defend objective, independent media, UN says on Press Freedom Day / UN News [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/en/story/2017/05/556472-post-truth-era-leaders-must-defend-objective-independent-media-un-says-press> (дата обращения: 04.12.2022).

дополнительно было отмечено, что «новые технологии используются для того, чтобы ввести общественное мнение в заблуждение», при этом распространение дезинформации «представляет угрозу жизни людей, безопасности их здоровья и системам здравоохранения во всем мире»⁴¹¹, что было продемонстрировано на примере дезинформации о прививках, а также эпидемии лихорадки Эбола.

Важно отметить, что такие заявления были сделаны ещё за год до того, как в результате пандемии COVID-19 в 2020 г. в мире начинается «инфодемия», связанная с дезинформацией о новой коронавирусной инфекции и вызванная в интерпретации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «слишком большим объемом информации, включая ложную или вводящую в заблуждение информацию, в цифровой и физической среде во время вспышки заболевания»⁴¹². В этой связи ВОЗ рекомендует обратиться к четырем типам деятельности в целях устранения инфодемии: повышение внимания к проблемам и вопросам сообщества, содействие пониманию рисков и рекомендаций экспертов в области здравоохранения, повышение *стрессоустойчивости* к дезинформации, вовлечение и расширение прав и возможностей сообществ для принятия позитивных мер.

Более детальное представление о борьбе с дезинформацией со стороны ООН было выражено в Резолюции Генеральной Ассамблеи по противодействию дезинформации 2021 г.⁴¹³ и докладе Генерального секретаря 2022 г.⁴¹⁴ Резолюция устанавливает необходимость усилий *гражданского общества и СМИ*, направленных на повышение осведомленности о дезинформации; призывает *государства* противодействовать всем формам дезинформации с помощью просвещения, наращивания *стрессоустойчивости* к дезинформации и повышения осведомленности; напоминает, об обязанностях *коммерческих предприятий и платформ* соблюдать права человека; призывает *все заинтересованные стороны* (стейкхолдеров) содействовать цифровой грамотности как способу расширения

---

⁴¹¹ Inaccurate Information Makes Effective Responses to Complex Health Crises More Difficult, Secretary-General Tells Event on Countering 'Fake News' / UN Press [Электронный ресурс]. – URL: <https://press.un.org/en/2019/sgsm19574.doc.htm> (дата обращения: 04.12.2022).

⁴¹² Op. cit. (Infodemic).

⁴¹³ United Nations. Op. cit.

⁴¹⁴ Secretary-General UN. Countering disinformation and promotion and protection of human rights and fundamental freedoms / UN. Secretary-General // Publisher: UN. – 2022.

прав и возможностей всех людей. В докладе Генерального секретаря эти тезисы подкрепляются рекомендациями государствам и технологическим компаниям, содержащими призывы к большей транспарентности, активному вовлечению различных общественных групп от глобального до локального уровней, соблюдению прав человека, повышению общественной образованности и открытости к изучению и публичному надзору как за государственными мерами, так и практиками платформ.

В общих чертах концептуальные рамки действий ООН фокусируются на многоаспектных ответных действиях, соответствующих международному праву и интересам различных заинтересованных сторон. Особое внимание уделяется образованию, о чём свидетельствуют и более ранние рекомендации, сформированные в рамках ЮНЕСКО⁴¹⁵. В системном представлении это означает акцент на защите объекта информационного влияния и сотрудничестве с посредником при определённом игнорировании субъекта.

Аналогичные рекомендации и тенденции наблюдаются в рамках Стратегии и Плана действий ООН по борьбе с ненавистнической риторикой 2019 г.⁴¹⁶ Важно отметить, что риторика ненависти, в силу большей связи с международным правом и правами человека, получила стратегический документ, обращенный к мерам по противодействию угрозе, раньше, чем дезинформация. В этой связи резолюция 2021 г. отсылает к Стратегии 2019 г., отмечая, «что ненавистнические высказывания и дезинформация являются разными явлениями, которые в некоторых случаях могут частично совпадать»⁴¹⁷, что было явно проиллюстрировано во время инфодемии⁴¹⁸. Содержательно Стратегия по ненавистнической риторике также обращает внимание на важность взаимодействия стейкхолдеров, образования и исследований, выделяя отдельно,

---

⁴¹⁵ Журналистика, «фейковые новости» и дезинформация: Руководство для академической и профессиональной подготовки журналистов / UNESCO Цифровая библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000371785> (дата обращения: 04.12.2022).

⁴¹⁶ Op. cit. (The UN Strategy and Plan of Action).

⁴¹⁷ United Nations. Op. cit. P. 2.

⁴¹⁸ Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation / WHO [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 04.12.2022).

при этом, поддержку жертв языка вражды. Дальнейшее развитие положения Стратегии получили в Резолюции Генеральной Ассамблеи «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и терпимости в контексте борьбы с языком ненависти»⁴¹⁹, принятой в 2021 году и постановившей провозгласить 18 июня Международным днем борьбы с языком ненависти. Данные документы ООН и прежде всего Резолюция получили положительный отклик и поддержку со стороны России.

Помимо ООН другие глобальные и *региональные международные организации* и союзы, существующие в европейском и евразийском пространстве, также выступают с инициативами в связи с ростом дезинформации и языка вражды, включаясь в процесс цифрового регулирования. Вместе с тем, для них характерна разная степень проработанности инициатив, в связи с чем часть находится лишь на этапе артикуляции потребности совместного наднационального противодействия угрозам. В частности, в рамках ОДКБ только к середине 2022 г.⁴²⁰ в публичном поле начали формироваться первые предпосылки для совместных действий в сфере информационных угроз. Речь идёт при этом лишь о предварительной концептуализации совместного пути в «информационной борьбе», а также о потребности в совместном стратегическом нарративе.

Другой значимый межрегиональный актор – СНГ – также на данный момент не имеет институционализированного подхода к проблемам дезинформации и онлайн-манипуляций. Единственными документами и органами, служащими опорой для потенциальных действий по этому направлению, выступают Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности 2013 г.⁴²¹, а также отдельные направления

---

⁴¹⁹ Резолюция «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и терпимости в контексте борьбы с языком ненависти» A/RES/75/309 / Генеральная Ассамблея ООН. – 2021.

⁴²⁰ В Москве 16 мая состоялась встреча лидеров государств – членов ОДКБ, посвященная 30-летию подписания Договора о коллективной безопасности и 20-летию создания ОДКБ. Принято Заявление членов Совета коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-moskve-16-maya-proydet-vstrecha-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-posvyashchennaya-30-letiyu-podpisaniya/#loaded (дата обращения: 05.03.2023).

⁴²¹ О подписании Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/3729/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 09.09.2023).

деятельности Антитеррористического центра СНГ⁴²². Вместе с тем, Соглашение остаётся лишь рамочным документом, обобщающим принципиальное стремление к взаимодействию в области информационных угроз, в то время как деятельность Антитеррористического центра ограничена информационно-аналитической деятельностью⁴²³. Таким образом, исходя из плюрализма региональных и международных инициатив, можно констатировать различную степень концептуализации и проработанности мер и действий в области борьбы с дезинформацией, формирующей, соответственно, и разное отношение к цифровым угрозам.

Национальные игроки включились в процесс противодействия цифровым угрозам параллельно, а в некоторых случаях даже раньше международных институтов. Так, в различных странах мира на протяжении последних лет формируются законодательные инициативы по запрету фейкового и ненавистнического контента или повышению ответственности за него. В отдельных случаях это осуществляется через создание новых норм, в других – через применение существующих правовых практик к цифровому пространству.

Российская практика иллюстрирует законотворческие практики, связанные с криминализацией различных форм недостоверных сведений в рамках установленных законодательных норм. Первичной инициативой стал закон 2019 г.⁴²⁴ о распространении вредоносной информации, в сущности, являющийся комплексом поправок в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Содержание поправок направлено на установление административной ответственности за распространение заведомо

---

⁴²² Информационно-аналитическая деятельность / Антитеррористический центр государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cisatc.org/1289/134> (дата обращения: 09.09.2023).

⁴²³ «Глубокие фейки»: понятие и оценка потенциального влияния на национальную безопасность. Аналитическая справка. – Москва: АТЦ СНГ, 2019. – 39 с.

⁴²⁴ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ "О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180031> (дата обращения: 15.09.2023); Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180021?index=1> (дата обращения: 15.09.2023).

недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создающее угрозу причинения вреда. Трактовка закона изначально имела широкое поле применения, однако получила дополнение и подкрепление по мере формирования новых угроз.

Так весной 2020 г. в условиях инфодемии в России были внесены поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с угрозой распространения заведомо ложной информации об опасных для жизни и здоровья населения обстоятельствах.⁴²⁵ Целью этих поправок стало снижение панических настроений от дезинформации путем повышения уровня ответственности граждан за распространяемые сведения о пандемии COVID-19. Дальнейшая практика, последовавшая в первой половине 2020-х гг. на фоне роста глобальной конфронтации, показала усиление тенденции по криминализации распространения фейков в рамках уголовного законодательства.

Национальная специфика других стран также иллюстрирует разнообразие содержания и направленности, а также степени обязательности законов, связанных с противодействием информационному влиянию⁴²⁶. Но, помимо законов, национальные регулятивные практики в различных странах мира также охватывают спектр мер, включающий «корректировку информации, удаление или блокировку контента и уголовные наказания»⁴²⁷. В связи с различными практиками возникают дискуссии о чрезмерности или, наоборот, недостаточности принимаемых мер⁴²⁸. В своих крайних формах они либо не приносят результата, либо могут наносить дополнительный вред общественности.

В частности, если говорить о рестриктивных свойствах контрмер, исследователи акцентируют внимание на угрозе свободы слова и выражения

---

⁴²⁵ Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010073> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴²⁶ Member State Actions / EU DisinfoLab [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.disinfo.eu/resources/member-state-actions/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴²⁷ Helm R.K. Op. cit.

⁴²⁸ Lohani A. Op. cit.

мнения⁴²⁹, что, однако, касается действий не столько национальных органов, сколько платформ. Кроме того, определённая степень ограничения свободы слова является неизбежным свойством противодействия дезинформации юридическим способом, т.к. возникает необходимость нормативно препятствовать распространению недостоверной информации⁴³⁰.

Помимо противопоставления степени обязательности и жесткости применяемых национальных практик, другим важным вопросом является определение непосредственной ответственности сторон информационного взаимодействия. Иначе говоря, возникает дилемма, кто несёт основную вину за распространение вражды и дезинформации: платформы (как посредник) или сами пользователи (т.е. субъект влияния). Это обстоятельство по-разному преподносится в рамках различных юрисдикций в зависимости от направленности законов. Для европейской практики свойственен в большей степени акцент на ответственности платформ, как посредников в информационном пространстве. Но существуют и альтернативные воззрения⁴³¹, требующие криминализацию онлайн дезинформации для обычных пользователей.

Сами *платформы* и стоящие за ними корпорации также самостоятельно вовлечены в процесс реагирования на цифровые угрозы. Основой их реагирования являются принимаемые правила использования сервиса, правила сообщества, пользовательские соглашения, а также активные меры вмешательства в распространение контента в форме алгоритмической или человеческой модерации. Нормативная практика, связанная с принимаемыми правилами работы сервиса и взаимодействия с пользователями, является публичной стороной предпринимаемых платформами действий.

Так, большинство крупных глобальных социальных сетей открыто публикуют свою позицию по фейкам и риторике ненависти, что демонстрирует

---

⁴²⁹ Спиридович Е.А. Указ. соч. С. 140; Vese D. Governing Fake News: The Regulation of Social Media and the Right to Freedom of Expression in the Era of Emergency / D. Vese // European Journal of Risk Regulation (EJRR). – 2022. – Vol. 13. – P. 477.

⁴³⁰ Helm R.K. Op. cit. P. 303.

⁴³¹ France debates making fake news a crime / Acepresa [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.acepresa.com/english/france-debates-making-fake-news-a-crime/> (дата обращения: 20.12.2022).

принципы, которых платформа придерживается при управлении контентом. К примеру, видеохостинг YouTube фиксирует в правилах сообщества запрет на дискриминационный материал, ложные медицинские сведения и другой деструктивный контент⁴³². Вместе с этим, на видеохостинге присутствует отдельная политика противодействия риторике ненависти, включающая правила и принципы, нарушение которых ведёт к блокировке контента⁴³³.

Другие глобальные платформы и корпорации придерживаются аналогичных мер и принципов, которые, однако, могут различаться в понимании и интерпретации рассматриваемого контента и практик его реализации. К примеру, для мессенджера Telegram принципиальные ограничения касаются насильственного контента, в то время как менее насильственные формы риторики ненависти или фейковой информации упускаются из пользовательских соглашений⁴³⁴. Социальная сеть TikTok, наоборот, прописывает в своих правилах сообщества⁴³⁵ запрет на публикацию или трансляцию дезинформации и подстрекательства к ненависти, устанавливая, что дезинформация должна подразумевать «значительный вред» (конкретизируя, что подразумевается под ним), а также уточняя сферы, в которых дезинформация не допускается (медицина, выборы, гражданские процессы и др.).

В реалиях второй половины 2010-х – начала 2020-х гг. помимо открытых пользовательских правил и официальной политики платформ в международной практике стали формироваться и новые подходы к коллективному вовлечению и кооперации платформ в вопросах борьбы с дезинформацией. К подобным мерам относится формирование в 2018 г. первого в международном пространстве Кодекса практик по борьбе с дезинформацией, действующим в европейском пространстве⁴³⁶.

---

⁴³² Указ. соч. (Правила сообщества YouTube...).

⁴³³ Op. cit. (YouTube. Hate speech policy).

⁴³⁴ Op. cit. (Terms of Service / Telegram).

⁴³⁵ Указ. соч. (Правила сообщества / Tiktok).

⁴³⁶ Introduction to the Code / Transparency Centre [Электронный ресурс]. – URL: <https://disinfocode.eu/introduction-to-the-code/> (дата обращения: 14.10.2023).

Кодекс, в отличие от прочих действий, представляет собой самостоятельную инициативу онлайн-платформ. Впервые на добровольной основе представители особенно крупных социальных сетей и платформ (Google и т.д.) согласились на разработку общих стандартов саморегуляции по борьбе с дезинформацией. В рамках Кодекса было установлено 21 обязательство в различных областях, от прозрачности политической рекламы и борьбы с фейковыми аккаунтами, до включения пользователей в процесс модерации и демонетизации распространителей дезинформации⁴³⁷. Кодекс был разработан для закрепления практических аспектов межакторного взаимодействия (мультистейкхолдеризма), т.к. в документе указывается сотрудничество не только платформ, но и наднациональных институтов и фактчекеров, частично включенных в процесс.

Вместе с тем, при всех особенностях действий по саморегуляции платформ, среди обозревателей и исследователей существует определённый скептицизм относительно эффективности подобных инициатив⁴³⁸. Скептицизм стимулируют, прежде всего, вытекающие из самого текста Кодекса недостатки, к которым относится отсутствие на практике единого подхода, ключевых показателей и методов определения достижения цели, а также инструментов обеспечения соблюдения обязательств⁴³⁹. Несмотря на повышение прозрачности, выраженное, в частности, в предоставляемых компаниями отчётах о предпринятых мерах, «эффективность этих мер остается неясной»⁴⁴⁰, а обязательства остаются гибкими и размытыми в пользу интерпретации их со стороны корпораций.

Наличие недостатков было выявлено в дальнейшем за первые несколько лет его реализации на практике⁴⁴¹, в особенности в вопросах диспропорции в

⁴³⁷ 2018 Code of Practice on Disinformation / Shaping Europe's digital future [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2018-code-practice-disinformation> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴³⁸ Kuczerawy A. Op. cit.; Prokopić A.M. Op. cit.; Кацы Д.В. Особенности Реализации Общеввропейского Кодекса Практик В Отношении Дезинформации / Д.В. Кацы, Л.П. Шматкова // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании (АПИНО 2019). – Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2019. – С. 677-680

⁴³⁹ The Sounding Board's Unanimous Final Opinion on the So-Called Code of Practice. – Sounding Board of the Multistakeholder Forum on Disinformation Online, 2018.

⁴⁴⁰ Saurwein F. Op. cit. P. 836.

⁴⁴¹ EC Self-assessment Reports / European Commission. – Annual self-assessment reports of signatories to the Code of Practice on Disinformation, 2019; Monti M. The Eu Code of Practice on Disinformation and the Risk of the Privatisation of Censorship / M. Monti // Democracy and Fake News. – Routledge, 2020. – P. 214-225.

выполнении обязательств и нехватке вовлечения других стейкхолдеров. Однако, даже при учёте всех названных недостатков, само наличие Кодекса представляется частным случаем проявления социально ответственной динамики в области борьбы с дезинформацией на уровне платформ, о чем свидетельствует и пересмотр Кодекса в 2022 г.⁴⁴² с учётом названных недостатков.

При этом, действия глобальных компаний в европейском пространстве является на данный момент хоть и первым, но уже не уникальным опытом мультистейкхолдерной кооперации цифровых платформ. Так, к примеру, в 2021 г. в России был создан Альянс по защите детей в цифровой среде⁴⁴³, взявший на себя более узкий спектр противодействия и ограниченную аудиторию. Вместе с тем, акцент, тем не менее, был сосредоточен на вредоносном контенте, к которому также относятся фейки и риторика ненависти. Среди практических сторон деятельности альянса также выделяется активное развитие цифровой грамотности, что также указывает на глобальную тенденцию к росту социальной ответственности технологических компаний.

Вместе с тем, несмотря на практику межакторной кооперации, платформы обращаются и к другим практическим инструментам борьбы с информационным влиянием, что чаще всего подразумевает технологические средства контроля распространяемого контента. TikTok определяет в качестве таких средств алгоритмическую модерацию и автоматизированное «подсвечивание» контента в сочетании с процедурой проверки фактов (фактчекинг)⁴⁴⁴. Другие платформы придерживаются аналогичных средств противодействия манипулятивной информации с особым вниманием к дизайну и построению самой платформы и форме распространяемого контента. В силу технических деталей и связи с внутренней архитектурой сервисов, эта составляющая деятельности платформ в меньшей степени является публичной. Вместе с тем, именно на этом этапе

---

⁴⁴² Op. cit. (Introduction to the Code).

⁴⁴³ Крупнейшие цифровые российские компании объединяют усилия по защите детей в цифровой среде / Ростелеком [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.company.rt.ru/press/news/d460446/> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴⁴⁴ An update on our work to counter misinformation / Newsroom | TikTok [Электронный ресурс]. – URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/an-update-on-our-work-to-counter-misinformation> (дата обращения: 20.12.2022).

проявляется «ответственность» платформ за передачу и отображение содержания контента, который в силу присущей информации полисемантической может быть лжеинтерпретирован⁴⁴⁵. В результате модерация способна вызывать общественные опасения относительно цензуры и активного вмешательства платформ в информационные процессы.

По этой причине появляется спрос на меры противодействия, связанные с большей социальной и сетевой рефлексивностью или стрессоустойчивостью⁴⁴⁶. Такое понимание угрозы требует смены позиционирования риторики ненависти и дезинформации как внешнего явления по отношению к информационной среде или платформе⁴⁴⁷. Это означает акцент на ресурсах сосуществования с информационным влиянием через приспособление общественности. В контексте такого видения дополнительными акторами в вопросах борьбы с цифровыми проблемами становятся *СМИ и гражданские организации*. Их реакция возможна как на глобальном, так и локальном уровне через услуги фактчекинга и цифровой грамотности⁴⁴⁸, осуществляемые в сотрудничестве с государством и самостоятельно.

К указанным акторам относятся, к примеру, образовательная организация News Literacy Project (англ. Проект новостная грамотность), нацеленная на продвижение практик, развивающих социальную и индивидуальную осведомлённость и критическое мышление⁴⁴⁹. Аналогичные инициативы предлагают и другие организации: Gesellschaft für Medienpädagogik und Kommunikationskultur (нем. Общество медиаобразования и культуры общения)⁴⁵⁰, Media Education.Fr⁴⁵¹ и пр.⁴⁵² В их задачи также входит разработка образовательных стандартов и методических пособий для продвижения медиаграмотности. Следует

⁴⁴⁵ Paz M.A. Op. cit. P. 6.

⁴⁴⁶ Михеев Е.А. Указ. соч.

⁴⁴⁷ Matamoros-Fernández A. Racism, Hate Speech, and Social Media: A Systematic Review and Critique / A. Matamoros-Fernández, J. Farkas // *Television & New Media*. – 2021. – Vol. 22. – № 2. – P. 218.

⁴⁴⁸ Dalkir K. Op. cit.

⁴⁴⁹ About / News Literacy Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://newslit.org/about/> (дата обращения: 21.12.2022).

⁴⁵⁰ GMK / Gesellschaft für Medienpädagogik und Kommunikationskultur [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gmk-net.de/> (дата обращения: 21.12.2022).

⁴⁵¹ Accueil / Media Education [Электронный ресурс]. – URL: <https://mediaeducation.fr/> (дата обращения: 21.12.2022).

⁴⁵² Media, Information & Digital Literacy Organisations in Europe (old) / EAVI [Электронный ресурс]. – URL: <https://eavi.eu/media-information-digital-literacy-organisations-europe-old/> (дата обращения: 21.12.2022).

отметить, что данные организации преимущественно имеют национальную сферу действия и не распространяют свою активность на территорию других стран, в частности, России. Также к их приоритетам относится деполитизация вопросов дезинформации и риторики ненависти в образовательных целях.

Помимо образовательных инициатив важную роль играют организации или аффилированные со СМИ структуры, занимающиеся проверкой фактов. Такие структуры также существуют на национальном уровне (Faktisk.no⁴⁵³, Pagella Politica⁴⁵⁴, CaptainFact⁴⁵⁵), фокусируя свою деятельность на верификации данных для конкретных СМИ. Несмотря на социальную значимость таких организаций стоит учитывать, что, формируя информационное поле относительно отдельных событий и утверждений или давая оценку их правдивости, они участвуют в общем процессе создания стратегического нарратива, разоблачая или подкрепляя какую-либо точку зрения. Это обстоятельство иллюстрирует определённые недостатки подхода с привлечением акторов, самостоятельность и независимость которых также требует верификации.

Дополнительный вклад в борьбу с информационным влиянием оказывают и различные исследовательские центры, занимающиеся изучением и систематизацией имеющегося опыта, а также продвижением лучших практик управления через коллаборацию, семинары и дальнейшие исследования. В частности, к ним относятся как самостоятельные организации (EU DisinfoLab)⁴⁵⁶, так и образованные при поддержке наднациональных органов структуры⁴⁵⁷. Основной их задачей становится установление партнёрских связей между различными сторонами процесса противодействия фейкам и ненависти в Интернете, подкрепляя действия научной экспертизой. Вместе с тем, их приоритетом остаётся региональная проблематика, направленная на внутреннюю аудиторию.

---

⁴⁵³ Op. cit. (Faktisk).

⁴⁵⁴ Progetto / Pagella Politica [Электронный ресурс]. – URL: <https://pagellapolitica.it/progetto> (дата обращения: 22.12.2022).

⁴⁵⁵ Op. cit. (CaptainFact.io).

⁴⁵⁶ Op. cit. (About us / EU DisinfoLab).

⁴⁵⁷ EDMO at a Glance / EDMO [Электронный ресурс]. – URL: <https://edmo.eu/edmo-at-a-glance/> (дата обращения: 22.12.2022).

Названные практики противодействия информационным угрозам иллюстрируют (через множественные уровни противодействия и разнообразие вовлечённых сторон) наличие системы взаимосвязанных субъектов, объединённых глобальным характером информационной сети. Эта взаимосвязь является универсальной, т.к. ни один из акторов, как показывает практика, не может самостоятельно обеспечить действия по снижению информационных рисков для объектов влияния. По этой причине признание универсальной взаимосвязи всё чаще становится частью управленческих механизмов, отражающих идеи *мультистейкхолдерного подхода*⁴⁵⁸. В рамках такого подхода акцент делается на взаимодействии множественных стейкхолдеров (заинтересованных сторон), а также координации усилий с учётом интересов акторов⁴⁵⁹. При этом, термин «мультистейкхолдеризм» проистекает из сферы управления интернетом⁴⁶⁰, в котором отсутствует единственный доминирующий регулятор, а его место занимают множественные форумы и площадки, включающие государственных регуляторов, технических специалистов и других стейкхолдеров.

Исходя из многообразия вовлечённых сторон в контексте борьбы с дезинформацией и риторикой ненависти, ключевыми характеристиками мультистейкхолдеризма становятся общность проблемы (метапроблема), коллективные знания, взаимозависимость, а также совместное управление⁴⁶¹. Обозначенные концептуальные рамки позволяют установить ключевые свойства рассматриваемой проблемы через опыт и действия сторон, прямо или косвенно вовлечённых в противодействие информационным угрозам. Такая перспектива указывает на распределение потенциала сетевой структуры и наличие влияния у её частей.

Мультистейкхолдеризм чаще поддерживается на уровне глобальных или региональных институций. Государственные акторы также учитывают потенциал

---

⁴⁵⁸ Raymond M. Op. cit.; Antonova S. Op. cit.

⁴⁵⁹ Stadnik I. What Is an International Cybersecurity Regime and How We Can Achieve It? / I. Stadnik // Masaryk University Journal of Law and Technology. – 2017. – Vol. 11. – № 1. – P. 129-154.

⁴⁶⁰ Antonova S. Op. cit.; Epstein D. Multistakeholderism in Praxis: The Case of the Regional and National Internet Governance Forum (IGF) Initiatives / D. Epstein, B.M. Nonnecke // Policy & Internet. – 2016. – Vol. 8. – № 2. – P. 148-173.

⁴⁶¹ Antonova S. Op. cit.

мультистейкхолдеризма, но возможность установления юридически обязательных практик в рамках своих юрисдикций снижает заинтересованность правительств в делегирующей или консультативной составляющей мультистейкхолдеризма. Особенно актуально это для стран, стремящихся к фрагментации глобальной сети. В связи с этим мультистейкхолдеризм можно интерпретировать либо как сам факт наличия множества сторон, вовлечённых в процесс противодействия информационным угрозам (при этом иерархия вовлечения может быть различной), либо как конкретную управленческую практику, опирающуюся на горизонтальное вовлечение различных сторон (как в случае с Кодексом практик цифровых платформ).

В контексте управленческих практик идеи мультистейкхолдеризма имеют принципиальную связь с другим подходом в сфере управления, получившим распространение в глобальном опыте. Этот подход основывается на концепции «*стрессоустойчивости*» (от англ. *resilience*)⁴⁶², которая также связана с практикой противодействия различным системным угрозам. О стрессоустойчивости в контексте информационных угроз, в частности, активно говорится в документах ООН и других международных институтов, что указывает на принадлежность стрессоустойчивости, наравне с мультистейкхолдеризмом, к современному управленческому дискурсу в информационной сфере.

Основой концепции стрессоустойчивости, имеющей свои корни в научном осмыслении реакции различных (биологических и социальных) систем на вызовы⁴⁶³, является соотношение существующих *угроз и ресурсов их преодоления*. Особый акцент делается на объекте, источниках и группах интересов⁴⁶⁴ (стейкхолдеров), через которые воспринимается стрессоустойчивость системы, её стойкость к угрозам и оценка способности поглощать изменения. В более прикладном контексте, под стрессоустойчивостью следует понимать качество

---

⁴⁶²Гудалов Н.Н. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н.Н. Гудалов, Д.С. Тулупов // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 1 (88). – С. 135-147.

⁴⁶³ Указ. соч. (Концепция стрессоустойчивости Европейского союза...).

⁴⁶⁴ Interplays of Sustainability, Resilience, Adaptation and Transformation / J.L. Johnson [et al.] // Handbook of Sustainability and Social Science Research: World Sustainability Series / eds. W. Leal Filho, R.W. Marans, J. Callewaert. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 3-25.

системы, результатом которой является наличие или отсутствие способности справляться с вызовом⁴⁶⁵. При этом сама стрессоустойчивость обладает такими характеристиками как: *имманентность по отношению к системе; объективность, а не нормативность категории; акцент на ресурсах системы, а не на угрозах; единство понимания пространства системы без разделения на внешнее и внутреннее; многоуровневое представление системы, состоящей из подсистем*⁴⁶⁶. Всё это в совокупности превращает стрессоустойчивость в аналитический и управленческий инструмент, подкрепляющий различные модели реагирования на угрозы.

Исходя из представленных концептуальных рамок, следует отметить, что мультистейкхолдеризм дополняет стрессоустойчивость с позиции ресурсов реагирования на угрозу. Децентрализация управления способствует выработке различных практик стрессоустойчивости через саморегуляцию. Вместе с тем, в мировой практике стрессоустойчивость (как и мультистейкхолдеризм), вопреки концептуальным основам, нередко становится нормативным риторическим приёмом⁴⁶⁷, который указывает не на суть идей и способов управления, а на формальное, дискурсивное обозначение или этическую оценку действий сторон. Особенно это касается попыток проиллюстрировать какой-то конкретный опыт в качестве наиболее «правильного», что отчасти можно пронаблюдать в практике западных стран или организаций⁴⁶⁸, где понятия стрессоустойчивости и мультистейкхолдеризма помещаются преимущественно в контекст либеральной демократии.

Вне зависимости от этической и нормативной оценки, стрессоустойчивость даёт инструменты системного анализа, позволяющие разделять управленческие практики с точки зрения их системного проявления. Это значит, что существуют

⁴⁶⁵ Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems / C.S. Holling // Annual Review of Ecology and Systematics. – 1973. – Vol. 4. – P. 1-23.

⁴⁶⁶ Указ. соч. (Концепция стрессоустойчивости Европейского союза...). С. 12.

⁴⁶⁷ Коцур Г.В. Нормативная компонента в концепции стрессоустойчивости Европейского союза: внутренние противоречия неолиберализма / Г.В. Коцур // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 70-77.

⁴⁶⁸ Романова Т.А. Категория «стрессоустойчивость» в европейском Союзе / Т.А. Романова // Современная Европа. – 2017. – № 4 (76). – С. 17-28.

различные виды стрессоустойчивости, от которых следует отталкиваться при формировании моделей противодействия информационным угрозам. В частности, исследователи стрессоустойчивости Д. Чендлер, Д. Коффи и Ф.Бурбо выдвигают две модели, основанные на соотношении изменчивости системы и поступающих вызовов⁴⁶⁹. Определяющим параметром системы в двух классификациях становится степень готовности системы меняться для приспособления к новой угрозе. Так модель Д. Чендлера и Д. Коффи делает акцент на уровнях стрессоустойчивости и динамике преобразований, переходя от гомеостаза к саморегуляции и далее микрореагированию. Ф. Бурбо устанавливает в качестве основной переменной степень распространения преобразований в социуме, акцентируя внимание на динамике от сохранения статус-кво к периферийным изменениям и далее к полному обновлению. Каждая из моделей подразумевает движение от статики системы к её преобразовательной динамике.

Это соотношение позволяет обозначить релевантные практики противодействия дезинформации и риторики ненависти, основываясь на ресурсном и акторном аспектах⁴⁷⁰. Исходя из готовности пересматривать институциональные рамки и властное распределение, выделяются *патерналистские* и *адаптивные* практики, примеры и иллюстрацию которых можно обнаружить в обозначенном ранее опыте различных акторов.

Патерналистский подход устанавливает приоритет методам, связанным с оградительными или рестриктивными мерами, направленными на все элементы информационного влияния. На уровне субъекта это может означать попытки государств или организаций ввести запрет на распространение вредоносного контента с последующей юридической ответственностью. К этой категории

---

⁴⁶⁹ Introduction: contested paradigms of international resilience // The Routledge Handbook of International Resilience / eds. D. Chandler, J. Coaffee. – Routledge, 2017; Bourbeau P. Resilience, security and world politics / P. Bourbeau // The Routledge Handbook of International Resilience / eds. D. Chandler, J. Coaffee. – Routledge, 2017.

⁴⁷⁰ Романова Т.А. Указ. соч. (Дезинформация (фейковые новости, пропаганда)...); Kolotaev Y.Y. Op. cit. (European Union in the age of post-truth...). P. 73.

относятся национальные законы, разработанные в Германии⁴⁷¹, Франции⁴⁷² и других странах, криминализирующих дезинформацию или риторику ненависти в сети. На уровне посредника патернализм может исходить как от регулятора, вводящего ответственность платформ за недобросовестную модерацию, так и от самих платформ, создающих фильтры и алгоритмы, блокирующие отдельные виды контента. В крайних формах это может приобретать форму цензуры, являющейся наиболее характерной формой патернализма, т.к. именно в этой форме происходит вмешательство в личные свободы из соображений безопасности. На уровне объекта патернализм приобретает форму создаваемых контрнарративов, формирующих альтернативный информационный фон, нацеленный на снижение влияния первичной информационной угрозы. С позиции стрессоустойчивости патернализм, таким образом, соотносим с гомеостазом или поддержанием статус-кво, т.е. нацелен на статическое сохранение порядка в системе.

Адаптивная модель предлагает альтернативные сценарии реагирования. В своём практическом выражении адаптивный подход охватывает меры, нацеленные на приспособление к угрозе через качественный рост характеристик системы. Это означает их долгосрочность и гибкость в применении. Сама же логика действий нацелена на включение угрозы в систему и поиск путей сосуществования с ней, а не ограждение её. Наибольшая часть адаптивных мер имеет прямую нацеленность на потенциальный объект информационного влияния, т.е. на обычного пользователя или сообщества пользователей.

Основными средствами становятся образовательные и информационные инициативы, меняющие объект с точки зрения восприятия проблемы и не допускающие его превращения во вторичный субъект. К этой категории мер относятся действия гражданских организаций, СМИ и платформ по развитию критического мышления (т.е. направленные на снижение влияния когнитивных

---

⁴⁷¹ Op. cit. (Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung...); Startschuss für die Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken / Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz [Электронный ресурс]. – URL: https://web.archive.org/web/20171102171222/https://www.bmjbv.de/SharedDocs/Artikel/DE/2017/091817_Rechtsdurchsetzung_in_sozialen_Netzwerken.html (дата обращения: 20.12.2022).

⁴⁷² Op. cit. (LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018); Op. cit (LOI n° 2020-766 du 24 juin 2020); France's top court rejects core of law targeting online hate speech / Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-tech-regulation-idUSKBN23P32O> (дата обращения: 20.12.2022).

искажений), цифровой грамотности или умения реагировать на сетевые угрозы. Кроме того, адаптивными становятся меры по проверке фактов (фактчекинг) с последующей маркировкой контента (создания дисклеймеров) при условии, что они не являются формой контрпропаганды. Альтернативой регулятивных практик для посредников и платформ в виде ограничительных законов становятся этические кодексы и сборники «лучших практик», регламентирующие оптимальные сценарии реагирования на угрозы, добровольно принятые стейкхолдерами. Таким образом, адаптивные меры нацелены на саморегуляцию, т.е. соотносимы с периферийным или автопоэтическим подходом, а также имеют активную реализацию на уровне микрополитики. При условии своей долгосрочности они имеют высокий потенциал привести к качественным изменениям или обновлению системы.

С точки зрения основных акторов оба подхода имеют различную степень приоритетности. Важно подчеркнуть, что практически на каждом уровне управления можно проследить сочетание двух подходов с тем или иным акцентом. При этом, государственные институты, обладающие властью на национальном уровне, тяготеют к патерналистскому реагированию и сосредоточены на криминализации действий субъекта информационного влияния, либо бездействия посредника. Платформы, в зависимости от своих юридических обязательств, наиболее активно комбинируют патерналистские и адаптивные практики. Международные организации, фактчекеры, СМИ и гражданское общество при этом имеют наибольший потенциал при реализации адаптивных мер, т.к. не обладают властными полномочиями. Поэтому они нацелены на объект воздействия, помогая ему приспособиться к агрессивной информационной среде. При этом для большинства акторов не свойственна статика в вопросах реализации своих подходов, а следовательно, степень сочетания патернализма и адаптивности испытывает изменчивую динамику в зависимости от процесса делегирования и распределения полномочий или возможностей.

С позиции мультистейкхолдеризма патернализм в меньшей степени отражает позиции множественных акторов. По этой причине основные площадки поддержки

мультистейкхолдризма также поддерживают адаптивные меры, включающие в управленческие процессы множественных стейкхолдеров на равноправном положении. В практическом выражении это способствует более глубокому пониманию проблемы, но имеет издержки в виде сложности согласования множественных позиций. По этой причине наиболее эффективной формой мультистейкхолдризма можно считать параллельное вовлечение различных акторов с возможностью реализации каждым из них своих лучших практик, что в дальнейшем учитывается при выработке коллективного механизма реагирования.

Однако, даже в таком случае мультистейкхолдеризм подразумевает медлительность реагирования и может работать лишь при превентивном обеспечении реагирования на угрозы через сочетание с патерналистскими мерами. Именно по этой причине, исходя из практики различных государств, патерналистские меры чаще всего становятся первичной реакцией на информационную угрозу, будь то в форме нормативного регулирования, цензуры или контрнарратива.

Исходя из приведённой практики и моделей противодействия информационным угрозам можно сделать вывод, что существуют несколько переменных, определяющих способ реагирования различных акторов. Первой переменной выступает выбор части коммуникационной среды, на которую направлены меры. В этом смысле речь идёт о субъекте, посреднике или объекте информационного влияния. В зависимости от степени ответственности и обязательности мер различные акторы тяготеют к воздействию лишь на отдельный фрагмент информационной матрицы: в частности, медиаграмотность является объектно-ориентированной мерой, этические кодексы нацелены на посредников, а законы направлены на субъект информационного влияния (либо также на посредников). При этом плюрализм акторов формирует мультистейкхолдерное понимание процессов борьбы с информационными вызовами. Оно означает необходимость координации действий различных заинтересованных сторон в силу специфики цифрового информационного пространства.

Кроме того, в качестве второй переменной выступают системные свойства принимаемых мер, их ориентированность на трансформацию или сохранение статус-кво, акцент на регулировании или низовых практиках. Эта переменная формирует адаптивную и патерналистскую модели, позволяющие охарактеризовать отношение акторов как к самой угрозе, так и выбору ресурсов реагирования. Вместе обе модели иллюстрируют многообразие практик противодействия множественным типам дезинформации и риторики ненависти на различных уровнях международной системы.

***

Интеграция новых технических систем, включая ИИ, в медиасреду формируют обновлённые перспективные угрозы перед мировым сообществом. Изначальное внедрение автоматизации и обучаемых алгоритмов в цифровые платформы уже трансформировало систему выдачи информации и её содержание. Однако новейшие формы оптимизации ИИ под нужды информационного влияния в форме его злонамеренного использования позволяют прибегать к точечной, высокоперсонализированной, усовершенствованной информации, релевантной для конкретной аудитории, что в контексте информационного влияния становится усиливающим фактором.

На данный момент большая часть угроз, связанных с ИИ, находится в области перспективного прогнозирования. Но быстрое развитие технологии превращает сценарии потенциального использования ИИ в злонамеренных информационных целях в реальный риск для глобального сообщества и национальных акторов. В связи с этим, учёт уже названных и поиск новых потенциальных угроз, исходящих в информационной сфере от ИИ, является важным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Мировое сообщество находится в начальной точке поиска ответов на вызовы ИИ, и первичная концептуализация социальных и технических уязвимостей приоритетна

при попытках формирования устойчивых мер, балансирующих между избыточным технооптимизмом и скептицизмом.

Что касается уже существующих передовых практик в области борьбы с информационными угрозами, проведённый анализ международного опыта проиллюстрировал наличие действий на глобальном/наднациональном, национальном, региональном и локальном уровнях. Содержательно эти практики зависят от характера восприятия акторами процесса взаимодействия с угрозой. Современные сценарии реагирования наделены логикой адаптации к системному воздействию, применяя новый вызов в качестве инструмента эволюции системы. Такое видение основывается на взаимной связи системы и угрозы, обозначая тем самым отсутствие возможности полной изоляции системы через охранительные действия. Альтернативным путем является патерналистский подход, отражающий оградительные меры, направленные на защиту сложившегося баланса системы или его восстановление.

Различные комбинации данных двух типов мышления указывают на большую вариативность практик, включающих регуляторно-нормативные методы, медиаграмотность, мониторинг контента, модерацию, фактчекинг и др. В зависимости от актора преобладает использование отдельных практик или их комбинация. Совокупность всех мер, а также сотрудничество акторов формируют мультистейкхолдерный подход к решению проблем, выражающийся в горизонтальной и вертикальной кооперации с целью выработки оптимальных практик, в то время как концепция «стрессоустойчивости» мотивирует к поиску более гибких механизмов реагирования на вызовы с целью сосуществования с угрозой в условиях её перманентной трансформации.

Заключение

Результаты проведенного исследования проиллюстрировали актуализацию в реалиях XXI века проблемы информационного влияния. Они стали основой для теоретико-методологической интерпретации проблемы в контексте смежных социально-политологических, культурно-философских и информационно-психологических категорий, описывающих воплощение информационного влияния в цифровизирующихся международных отношениях. В отличие от предыдущих исторических этапов, современность привела к обострению проблемы в силу качественного и количественного изменения информационной среды. В результате происходящих изменений цифровое информационное пространство оказалось перегруженным информацией манипулятивного и неverified свойства. Рост международной напряженности, двусторонних конфронтаций, равно как и разнородные глобальные кризисы привели к ситуации информационного беспорядка, где общественно важные сведения находятся в едином информационном потоке с дезинформацией, риторикой ненависти, а выбор предпочитаемой информации происходит опосредованно под влиянием алгоритмов и политики крупных онлайн платформ.

Детальное рассмотрение теоретических, системных и практических аспектов привели автора исследования к следующим выводам:

Во-первых, современная информационная среда в рамках анализа мировой политики требует осмысления и концептуализации через обновлённую интерпретацию классических философских вопросов о правде/истине в категориях социально конструируемой природы фактов. Важным является осмысление процесса формирования общественного, властного и нормативно-культурного консенсуса в восприятии правды. «Постправда» в этом отношении является новой и перспективной концепцией, сочетающей техногенные проблемы с классическими вопросами о поисках правды в рамках общественных отношений. Постправда при этом избегает рационалистического редукционизма, включая эмоции и коллективные сентименты в единую исследовательскую повестку,

указывая, что эмоциональный отклик также сочетает в себе элементы коллективного консенсуса и заученного когнитивного паттерна, поддающегося манипуляциям.

Отдельные проблемы, связанные с научностью, оригинальностью и воспроизводимостью концепции представляют собой в определённом смысле исследовательскую повестку. Её последовательная проработка демонстрирует состоятельность термина, но не отменяет необходимости дальнейшей теоретической концептуализации для применения при исследовании международных отношений. Постправда в интерпретации данной работы определяет девальвацию «факта» и верификации в качестве основного принципа образования современного публичного нарратива. Она образуется в пространстве деградации «правды», «власти» и «консенсуса». В таком пространстве универсальные представления становятся объектом интерпретаций, генерируемых множественными акторами на индивидуальном уровне через децентрализованные источники распространения информации XXI века.

Во-вторых, комплексное изучение информационного влияния требует внимания к каждому участнику информационной среды, включая *субъект* влияния, являющегося источником сообщения, *посредника*, ретранслирующего и интерпретирующего сообщение, и *объект* влияния, воспринимающего информацию и также интерпретирующего её. Моделирование примера манипуляций в общественной сфере требует определённой доли абстракции, т.к. фактически отсутствуют механизмы учёта индивидуальных психологических характеристик каждого субъекта или объекта. В связи с этим требуются генерализирующие подходы, имеющие определённую степень погрешности, но отражающие консенсусные представления о коллективных установках, механизмах и реакции. К подобным подходам относятся идеи «дискурсов правды» и «эмоциональных режимов», объясняющих социальную реакцию на информационные стимулы, одновременно, на низовом и международном уровнях.

При этом важно учитывать влияние рациональных стратегий поведения и их сочетание с когнитивными искажениями и эвристиками на уровне

индивидуального принятия решения, а также их воздействие на коллективную реакцию. Кроме того, индивидуальный уровень информационного влияния приобретает в современных цифровых условиях особое значение в связи с появлением технологий таргетирования и персонализации, основанных на искусственном интеллекте. Эти технологии инструментализируют индивидуальные когнитивные и эмоциональные уязвимости пользователей, т.к. могут быть использованы в ходе кампаний по дезинформированию или разжиганию ненависти.

В-третьих, различные виды информационных угроз, включающие дезинформацию и язык вражды, требуют учёта разнообразия форм и содержания. Каждая из угроз различается в зависимости от умысла субъекта, охвата объектов, риторических и визуальных приёмов, поведенческих паттернов и конечной цели. В частности, одним из наиболее значимых принципов дифференциации информационных угроз выступает вопрос намерения и вовлечённости субъекта распространения дезинформации. Кроме того, важно различать и степень поляризации политического дискурса, исходящего от риторики ненависти, и его потенциала превратить риторические приёмы в стимулы к реальным действиям.

Понимание сложившихся различий упрощает выбор стратегии реагирования, а также помогает избежать политизации проблемы, приводящей к размыванию основных понятий и невозможности разработки оптимальных практик. Степень влияния на общество и уровень угрозы должны определять подходящие механизмы, сочетающие в себе долгосрочные и краткосрочные решения. Неправильная же интерпретация информационной угрозы, связанная с избыточной или недостаточной секьюритизацией, может привести к проблемам непропорционального реагирования.

В-четвертых, динамика информационной среды вынуждает исследователей и практиков в области информационных угроз с особым вниманием следить за развитием новых технологических возможностей, применимых к сфере цифровых манипуляций. На сегодняшний день одним из центральных новшеств в этой области становится ИИ, формирующий целый комплекс вызовов, связанных с

внутренними и внешними уязвимостями информационных систем, а также создаёт реальные и потенциальные сценарии проведения высокооптимизированных информационных атак с применением эмпатических средств и эмоционального ИИ. Последнее особенно опасно в контексте повышающейся эмоциональности дискурса в реалиях политики постправды, а также интенсификации цифровой риторики ненависти.

В-пятых, глобальная практика иллюстрирует, что в современных условиях выработка универсального решения информационным угрозам на каком-либо отдельном уровне международной системы невозможна. В этой связи большинство акторов апеллирует к многосторонним инструментам, связанным с мультистейкхолдерной кооперацией. Системное понимание угрозы вынуждает искать ресурсы противодействия одновременно и в глобальной, и в локальной плоскости. Глобальные решения требуются из-за масштабов современной информационной среды, а также роли основных медиа посредников, влияющих на формирование повестки и потоки передачи данных. Локальный опыт противодействия играет большую роль из-за невозможности сформировать ответы на все вызовы лишь через сотрудничество крупных игроков, поскольку основной уязвимостью и, одновременно, целью влияния остаётся коллективное и индивидуальное сознание, требующее выработку стрессоустойчивости и культуры сосуществования с угрозой.

Ресурсы многоуровневого и межотраслевого влияния открывают более широкие перспективы к управлению угрозами. Распределение обязанностей, включение практик само- и совместного регулирования, поощрение гражданских инициатив и коллаборация с учёным сообществом делают формируемую систему более гибкой и открытой для дальнейшей адаптации. Стоит, однако, учитывать, что каждая управленческая система находится в сильной зависимости от текущей идеологической и дискурсивной повестки, определяющей степень учёта или включения в регулирование и противодействие таких важных аспектов проблематики как неполитическая дезинформация, формирование персонализированных информационных пузырей и их коммерческая эксплуатация

платформами, внутривполитическая социальная поляризация, обостряемая эхо-камерами.

Представленные выводы показывают, что гипотеза об актуализации новой терминологии на фоне исследовательской и практической деятельности по борьбе с информационными угрозами, сформулированная в начале работы, подтверждается, т.к. развитие концепции «постправды» и распространение связанных с ней понятий «фейков», «языка вражды» и «онлайн дезинформации» становятся следствием увеличившегося интереса к проблематике цифровых манипуляций на фоне международных конфликтов и кризисов 2010-х – начала 2020-х гг. Подобная тенденция видна, исходя из роста научного интереса к проблематике и секьюритизации угроз в рамках различных институтов мировой системы. Старые информационные угрозы, обновленные в цифровом пространстве, нуждаются в оперативном реагировании, реализация которого происходит глобальными, региональными, национальными и локальными акторами. Это пробуждает интерес к проблематике, формирует необходимость теоретического обобщения, которое было реализовано в рамках данного диссертационного исследования.

Результаты, проиллюстрированные в работе, также позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций:

- Результативное противостояние дезинформации и риторике ненависти на международном и на национальном уровнях должно строиться не только и не столько на разоблачении ошибочного нарратива, а на формировании единого критического восприятия информационной среды, включающего деконструкцию нарративов через осмысление контекста и вовлечённых акторов. Реализация подобной задачи имеет высокие когнитивные издержки, если она происходит на индивидуальном уровне. По этой причине, при выстраивании долгосрочной политики по противодействию информационным угрозам, требуются серьезные образовательные ресурсы, помогающие индивидам в процессе личностного и профессионального совершенствования развивать информационные компетенции. К подобным ресурсам относятся самостоятельные образовательные дисциплины

по критическому мышлению и медиаграмотности, сочетающие классические постулаты логики и риторики с пониманием цифровой инфраструктуры и передовых тенденций в этой сфере. Аналогом или дополнением подобным дисциплинам можно считать включение вопросов цифровой грамотности в учебные планы дисциплин по различным образовательным программам.

- Включение в информационную среду ресурсов по проверке фактов (фактчекеров), является важной составляющей единой, интегральной информационной политики. Однако при стратегическом планировании важно учитывать, что такие ресурсы не являются универсальными средствами противоборства дезинформации. У фактчекинга имеются издержки, связанные с тем, что подверженный тем или иным установкам объект (находящийся в эхо-камере) имеет слабую тенденцию к переубеждению и может воспринимать публичную верификацию данных как дополнительный аргумент противостояния «унифицирующему нарративу». Кроме того, сами фактчекинговые платформы могут стать средством ретрансляции стратегических коммуникаций, что делает их вовлечёнными субъектами в информационное влияние.

- Взаимодействие с платформами в ходе противодействия информационному влиянию должно носить сбалансированный характер. Наличие у платформ избыточных компетенций влечёт риски алгоритмической или структурной «цензуры» со стороны онлайн сервисов. Обратная ситуация активного внешнего регулирования способна также нанести вред информационной инфраструктуре в случае, если избыточные условия контроля за платформами ограничивают адекватную реализацию деятельности сервисов. По этой причине, оптимальный сценарий взаимодействия общества, государства и платформ строится на комбинации практик добровольной регуляции сервисов при общественном контроле, опосредованном нормами и стандартами государства или наднационального актора.

- Взаимодействие различных национальных и региональных субъектов является актуальным опытом региональной оптимизации глобальной информационной среды. Кумулятивный эффект от усилий группы национальных

акторов через наднациональные институты позволяет в сбалансированной и легитимной манере идти на компромиссы с глобальными информационными игроками. Это ведёт к коллективной защите общественных интересов и возможности выработки единого оптимального ответа на требования и интересы национальных и локальных игроков. Такой подход способствует консолидации информационного пространства на региональном уровне.

Дальнейшее развитие проблематики информационного влияния, дезинформации, а также различного релевантного регионального и национального опыта имеет большую социальную значимость по причине того, что на сегодняшний день происходит экспоненциальный рост коммуникационных технологий и объемов данных, поддающихся квантификации и инструментализации при исследованиях и в ходе информационных операций. В этой связи следует отметить, что к важным направлениям дальнейшего развития проблематики относятся: 1) формирование междисциплинарного анализа поведения субъектов информационного влияния в информационной среде; 2) выработка и анализ механизмов поддержки объектов влияния на уровне инфраструктуры информационных платформ; 3) дальнейшая разработка проблематики злонамеренного применения искусственного интеллекта как ресурса совершенствования информационных систем для цифровых манипуляций; 4) исследования в области применения искусственного интеллекта для выявления информационных манипуляций; 5) дальнейший анализ передовых практик наиболее активных акторов в сфере противодействия информационным угрозам; 6) дополнительная формализация теоретической основы концепции постправды с её последующей артикуляцией в рамках различных исследовательских дисциплин.

Информационное влияние, будучи универсальной угрозой для коллективного консенсуса и легитимации власти, преобразовалось в современном обществе в острую, активно артикулируемую международную проблему. Постправда, поляризация и информационные войны являются важными катализаторами, превратившими вопрос о верификации и установлении фактов в ресурс управления информационным обществом. В отличие от других этапов

исторического развития, реалии XXI века не просто подтвердили это, но и указали на возросшую шаткость всей глобальной коммуникационной инфраструктуры. Общедоступная возможность публичной ретрансляции своей позиции сделала общественное пространство более открытым, а международные отношения всевключающими. Но эта открытость затронула не только положительную динамику информационного развития. Она сделала общество более уязвимым для манипулятивного воздействия, где среди потока информации сформировать свою собственную реальность стало непропорционально проще, чем приблизиться к коллективной правде и консенсусу.

Список использованных источников и литературы

Источники

Законы Российской Федерации:

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ "О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180031> (дата обращения: 15.09.2023);
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180021?index=1> (дата обращения: 15.09.2023).
3. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010073> (дата обращения: 15.09.2023).

Законодательство иностранных государств:

4. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz - NetzDG) vom 1. September 2017 / Bundesgesetzblatt, T. I Nr. 61, S. 3352. – 2017.
5. LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information (1) / NOR : MICX1808389L, JORF n°0297 du 23 décembre 2018. – 2018.
6. LOI n° 2020-766 du 24 juin 2020 visant à lutter contre les contenus haineux sur internet (1) / NOR : JUSX1913052L, JORF n°0156 du 25 juin 2020. – 2020.

Стратегии и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН:

7. Резолюция «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и терпимости в контексте борьбы с языком ненависти» A/RES/75/309 / Генеральная Ассамблея ООН. – 2021.
8. The UN Strategy and Plan of Action / United Nations [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/en/hate-speech/un-strategy-and-plan-of-action-on-hate-speech> (дата обращения: 04.12.2022).
9. United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 24 December 2021 A/RES/76/227 / United Nations – 2022. – P. 1-4.

Материалы СНГ и ОДКБ:

10. «Глубокие фейки»: понятие и оценка потенциального влияния на национальную безопасность. Аналитическая справка. – Москва: АТЦ СНГ, 2019. – 39 с.
11. В Москве 16 мая состоялась встреча лидеров государств – членов ОДКБ, посвященная 30-летию подписания Договора о коллективной безопасности и 20-летию создания ОДКБ. Принято Заявление членов Совета коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-moskve-16-maya-proydet-vstrecha-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-posvyashchennaya-30-letiyu-podpisaniya/#loaded (дата обращения: 05.03.2023).
12. Информационно-аналитическая деятельность / Антитеррористический центр государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cisatc.org/1289/134> (дата обращения: 09.09.2023).
13. О подписании Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL:

https://digital.gov.ru/ru/documents/3729/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 09.09.2023).

Доклады и руководства международных институтов и организаций:

14. Журналистика, «фейковые новости» и дезинформация: Руководство для академической и профессиональной подготовки журналистов / UNESCO Цифровая библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000371785> (дата обращения: 04.12.2022).
15. EC Self-assessment Reports / European Commission. – Annual self-assessment reports of signatories to the Code of Practice on Disinformation, 2019.
16. Secretary-General UN. Countering disinformation and promotion and protection of human rights and fundamental freedoms / UN. Secretary-General // Publisher: UN. – 2022.
17. Startschuss für die Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken / Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz [Электронный ресурс]. – URL: https://web.archive.org/web/20171102171222/https://www.bmjv.de/SharedDocs/Artikel/DE/2017/091817_Rechtsdurchsetzung_in_sozialen_Netzwerken.html (дата обращения: 20.12.2022).
18. The Sounding Board’s Unanimous Final Opinion on the So-Called Code of Practice. – Sounding Board of the Multistakeholder Forum on Disinformation Online, 2018.

Правила и нормы регулирования цифровых сервисов и платформ:

19. Правила сообщества / Tiktok [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tiktok.com/community-guidelines> (дата обращения: 20.12.2022).
20. Правила сообщества YouTube - Как работает YouTube / YouTube [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/howyoutubeworks/policies/community-guidelines/#community-guidelines> (дата обращения: 21.02.2023).

21. 2018 Code of Practice on Disinformation / Shaping Europe's digital future [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2018-code-practice-disinformation> (дата обращения: 17.01.2023).
22. Introduction to the Code / Transparency Centre [Электронный ресурс]. – URL: <https://disinfocode.eu/introduction-to-the-code/> (дата обращения: 14.10.2023).
23. Terms of Service / Telegram [Электронный ресурс]. – URL: <https://telegram.org/tos/terms-of-service-for-telegram-premium> (дата обращения: 21.02.2023).
24. YouTube. Hate speech policy - YouTube Help [Электронный ресурс]. – URL: <https://support.google.com/youtube/answer/2801939?hl=en> (дата обращения: 10.11.2021).

Пресс-релизы и данные с официальных веб-сайтов:

25. Крупнейшие цифровые российские компании объединяют усилия по защите детей в цифровой среде / Ростелеком [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.company.rt.ru/press/news/d460446/> (дата обращения: 14.10.2023).
26. About / News Literacy Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://newslit.org/about/> (дата обращения: 21.12.2022).
27. About us / EU DisinfoLab [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.disinfo.eu/about-us/> (дата обращения: 22.12.2022).
28. Accueil / Media Education [Электронный ресурс]. – URL: <https://mediaeducation.fr/> (дата обращения: 21.12.2022).
29. An update on our work to counter misinformation / Newsroom | TikTok [Электронный ресурс]. – URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/an-update-on-our-work-to-counter-misinformation> (дата обращения: 20.12.2022).
30. CaptainFact.io [Электронный ресурс]. – URL: <https://captainfact.io/> (дата обращения: 22.12.2022).

31. EDMO at a Glance / EDMO [Электронный ресурс]. – URL: <https://edmo.eu/edmo-at-a-glance/> (дата обращения: 22.12.2022).
32. Faktisk. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.faktisk.no/> (дата обращения: 22.12.2022).
33. GMK / Gesellschaft für Medienpädagogik und Kommunikationskultur [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gmk-net.de/> (дата обращения: 21.12.2022).
34. Hate Speech - Freedom of Expression / Council of Europe [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/hate-speech> (дата обращения: 09.12.2022).
35. In “post truth” era, leaders must defend objective, independent media, UN says on Press Freedom Day / UN News [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/en/story/2017/05/556472-post-truth-era-leaders-must-defend-objective-independent-media-un-says-press> (дата обращения: 04.12.2022).
36. Inaccurate Information Makes Effective Responses to Complex Health Crises More Difficult, Secretary-General Tells Event on Countering ‘Fake News’ / UN Press [Электронный ресурс]. – URL: <https://press.un.org/en/2019/sgsm19574.doc.htm> (дата обращения: 04.12.2022).
37. Infodemic / WHO [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/health-topics/infodemic> (дата обращения: 04.12.2022).
38. Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation / WHO [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 04.12.2022).
39. Media, Information & Digital Literacy Organisations in Europe (old) / EAVI [Электронный ресурс]. – URL: <https://eavi.eu/media-information-digital-literacy-organisations-europe-old/> (дата обращения: 21.12.2022).

40. Member State Actions / EU DisinfoLab [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.disinfo.eu/resources/member-state-actions/> (дата обращения: 20.12.2022).

41. Progetto / Pagella Politica [Электронный ресурс]. – URL: <https://pagellapolitica.it/progetto> (дата обращения: 22.12.2022).

Новостные статьи и сообщения:

42. Хайли лайкли, пенсионный новичок. Эксперты назвали слова года в России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dp.ru/a/2018/11/23/Наjли_lajkli__pensionnij (дата обращения: 08.02.2023).

43. British public still believe Vote Leave ‘£350m a week to EU’ myth from Brexit referendum / The Independent [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/vote-leave-brexit-lies-eu-pay-money-remain-poll-boris-johnson-a8603646.html> (дата обращения: 08.02.2023).

44. FAKE ALERT: Old video from Maharashtra viral as ‘massive cyclone’ in Kerala // The Times of India [Электронный ресурс]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/times-fact-check/news/fake-alert-old-video-from-maharashtra-viral-as-massive-cyclone-in-kerala/articleshow/82973398.cms> (дата обращения: 25.05.2023).

45. Fake videos spread online after Chadian president’s death // The Observers - France 24 [Электронный ресурс]. – URL: <https://observers.france24.com/en/africa/20210422-fake-videos-spread-online-after-chadian-president-s-death> (дата обращения: 25.05.2023).

46. France’s top court rejects core of law targeting online hate speech / Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-tech-regulation-idUSKBN23P32O> (дата обращения: 20.12.2022).

47. Freedland J. Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke | Jonathan Freedland [Электронный ресурс]. – URL:

<http://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician> (дата обращения: 24.01.2021).

48. Truth or Fake - No, this video doesn't show thousands of Syrian migrants trying to cross into the EU // France 24 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.france24.com/en/tv-shows/truth-or-fake/20220923-no-this-video-doesn-t-show-thousands-of-syrian-migrants-trying-to-cross-into-the-eu> (дата обращения: 25.05.2023).

Литература

Монографии:

49. «Политика постправды» и популизм / ред. О.В. Попова. – СПб: ООО «Скифия-принт», 2018. – 216 с.

50. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; пер. А. Качалов. – Москва: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.

51. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва: Постум, 2017. – 240 с.

52. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2009. – 576 с.

53. Ильченко С.Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ / С.Н. Ильченко. – Феникс, 2021. – 188 с.

54. Карасика В.И., Стернина И.А. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 3. Волгоград: Парадигма, 2006. – 381 с.

55. Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / ред. Т.А. Романова. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019.

56. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. Н.А. Шматко. – СПб: Алетейя, 1998. – 160 с.

57. Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды / Н.А. Рябченко [и др.]. – ФЛИНТА, 2021. – 340 с.
58. Очеретяный К.А. Фейкт - единица цифрового опыта / К.А. Очеретяный // Философская аналитика цифровой эпохи. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. – С. 309-324.
59. Плаус С. Психология оценки и принятия решений / С. Плаус. – Москва: Филинь, 1998.
60. Понкин И.В. Неклассические войны / И.В. Понкин. – ИНФРА-М», 2019.
61. Пономарев Н.Ф. Постмодернистские стратегические коммуникации. Постправда, мемы, трансмедиа / Н.Ф. Пономарев. – "Издательство «КноРус», 2023. – 174 с.
62. Ростова Н.Н. Философия трансмедиа: коллективная монография / Н.Н. Ростова. – Москва: Проспект, 2022.
63. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / И.А. Быков [и др.]; ред. Д.С. Мартьянов. – СПб: ЭлекСис, 2019.
64. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть : Политическая теория. Постправда / С. Фуллер; пер. А. Смирнова. – Издательский Дом ВШЭ, 2021. – 368 с.
65. Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб: Питер, 2000. – 512 с.
66. Anderson P. The origins of postmodernity / P. Anderson. – London ; New York: Verso, 1998. – 143 p.
67. Arendt H. Between Past and Future / H. Arendt, J. Kohn. – Annotated edition. – New York: Penguin Classics, 2006. – 320 p.
68. Bakir V. Empathic Media, Emotional AI, and the Optimization of Disinformation / V. Bakir, A. McStay // Affective Politics of Digital Media. – Routledge, 2020.
69. Ball J. Post-truth: how bullshit conquered the world. Post-truth / J. Ball. – London: Biteback Publishing, 2017. – 306 p.

70. Baudrillard J. Selected writings / J. Baudrillard, M. Poster. – 2. ed. – Stanford, Calif: Stanford Univ. Press, 2007. – 294 p.
71. Belton I. Cognitive biases and debiasing in intelligence analysis / I. Belton, M. Dhimi // ed. R. Viale. – London: Routledge, 2020.
72. Bleiker R. Postmodernism / R. Bleiker // Introduction to international relations: Australian perspectives / ред. R. Devetak, A. Burke, J. George. – Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 2007. – P. 86-95.
73. Block D. Post-Truth and Political Discourse / D. Block. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – 130 p.
74. Bourbeau P. Resilience, security and world politics / P. Bourbeau // The Routledge Handbook of International Resilience / ред. D. Chandler, J. Coaffee. – Routledge, 2017.
75. Calero Valdez A. Studying Biases in Visualization Research: Framework and Methods / A. Calero Valdez, M. Ziefle, M. Sedlmair // Cognitive Biases in Visualizations / ed. G. Ellis. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 13-27.
76. Campbell D. National deconstruction: Violence, identity, and justice in Bosnia / D. Campbell. – Univ of Minnesota Press, 1998. – 328 p.
77. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Revised edition. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – 308 p.
78. Cognitive Biases in Visualizations / ed. G. Ellis. – Cham: Springer International Publishing, 2018.
79. Colwell T.M. I.2 Emotives and emotional regimes / T.M. Colwell // Early Modern Emotions. – Routledge, 2016.
80. Cosentino G. Social Media and the Post-Truth World Order: The Global Dynamics of Disinformation. Social Media and the Post-Truth World Order / G. Cosentino. – Cham: Springer International Publishing, 2020. – 147 p.
81. D’Ancona M. Post truth: the new war on truth and how to fight back. Post truth / M. D’Ancona. – London: Ebury Press, 2017. – 167 p.

82. Dalkir K. Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World / K. Dalkir; ed. R. Katz. – 1st edition. – Hershey, PA: IGI Global, 2020. – 375 p.
83. Davis E. Post-truth: why we have reached peak bullshit and what we can do about it. Post-truth / E. Davis. – London: Little, Brown, 2017. – 347 p.
84. Durnová A. Understanding Emotions in Post-Factual Politics / A. Durnová. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 192 p.
85. Early Modern Emotions: An Introduction. Early Modern Emotions / ред. S. Broomhall. – London: Routledge, 2016. – 424 p.
86. Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. Propaganda / J. Ellul; пер. K. Kellen, J. Lerner. – 1st edition. – New York: Vintage, 1973. – 352 p.
87. Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. – 1st edition. – London: Bloomsbury Academic, 1995. – 224 p.
88. Farkas J. Post-Truth, Fake News and Democracy: Mapping the Politics of Falsehood. Post-Truth, Fake News and Democracy / J. Farkas, J. Schou. – Routledge, 2019. – 178 p.
89. Fluck M. The concept of truth in international relations theory: critical thought beyond post-positivism. The concept of truth in international relations theory / M. Fluck. – London, United Kingdom: Palgrave Macmillan, 2017. – 247 p.
90. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History / M. Foucault // The Foucault reader / ред. P. Rabinow. – New York: Pantheon Books, 1984. – P. 76-100.
91. Foucault M. Subjectivity and Truth: Lectures at the Collège de France, 1980-1981 : Michel Foucault, Lectures at the Collège de France. Subjectivity and Truth / M. Foucault; eds. F. Ewald, A. Fontana, F. Gros. – London: Palgrave Macmillan UK, 2017. – 331 p.
92. Foucault M. The Government of Self and Others: Lectures at the Collège de France 1982–1983. The Government of Self and Others / M. Foucault; eds. F. Gros, F. Ewald, A. Fontana. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. – 402 p.
93. Frankfurt H.G. On Bullshit / H.G. Frankfurt. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. – 81 p.

94. Fuller S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game. Post-Truth / S. Fuller. – New York: Anthem Press, 2018. – 218 p.
95. Giusti S. Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics. Democracy and Fake News / S. Giusti, E. Piras. – Routledge, 2021. – 246 p.
96. Griggs S. Rational Choice in Public Policy: The Theory in Critical Perspective / S. Griggs // Handbook of Public Policy Analysis. – Routledge, 2007.
97. Hate Speech and Polarization in Participatory Society / ред. M. Pérez-Escobar, J.M. Noguera-Vivo Seneviratne K. Myth of 'Free Media' and Fake News in the Post-Truth Era. – Taylor & Francis, 2022.
98. Holtzhausen D. Strategic Communication: Opportunities and Challenges of the Research Area / D. Holtzhausen, A. Zerfass // The Routledge Handbook of Strategic Communication. – Routledge, 2014.
99. International theory: positivism and beyond / eds. S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. – Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 1996. – 362 p.
100. Interplays of Sustainability, Resilience, Adaptation and Transformation / J.L. Johnson [et al.] // Handbook of Sustainability and Social Science Research : World Sustainability Series / eds. W. Leal Filho, R.W. Marans, J. Callewaert. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 3-25.
101. Introduction: contested paradigms of international resilience // The Routledge Handbook of International Resilience / ред. D. Chandler, J. Coaffee. – Routledge, 2017. – Introduction.
102. Is the EU Disinformation Review Compliant with EU Law? Complaint to the European Ombudsman About the EU Anti-Fake News Initiative / A. Alemanno [et al.]. – Rochester, NY, 2018.
103. Jahankhani H. Cybercrime Profiling and Trend Analysis / H. Jahankhani, A. Al-Nemrat // Intelligence Management: Knowledge Driven Frameworks for Combating Terrorism and Organized Crime / eds. B. Akhgar, S. Yates. – London: Springer, 2011. – P. 181-197.

104. Jamieson K.H. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. Echo Chamber / K.H. Jamieson, J.N. Cappella. – First Edition. – Oxford ; New York: Oxford University Press, 2008. – 320 p.
105. Heuer R.J. Structured Analytic Techniques for Intelligence Analysis / R.J. Heuer, R.H. Pherson. – 1st edition. – Washington, DC: CQ Press, 2010. – 368 p.
106. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow / D. Kahneman. – London: Macmillan, 2011. – 512 p.
107. Kalpokas I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – 135 p.
108. Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. The post-truth era / R. Keyes. – 1st ed. – New York: St. Martin's Press, 2004. – 312 p.
109. Klinger U. Network Media Logic: Some Conceptual Considerations / U. Klinger, J. Svensson. – 2015. – Network Media Logic. – P. 23-38.
110. Kuczerawy A. Fighting Online Disinformation: Did the EU Code of Practice Forget about Freedom of Expression? / A. Kuczerawy // Disinformation and Digital Media as a Challenge for Democracy. – Intersentia, 2019. – P. 291-308.
111. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society / Lasswell H.D. // The communication of idea / ред. L. Bryson. – New York: Harper and Row, 1948. – P. 37-51.
112. Lasswell H.D. Propaganda technique in the World War / H.D. Lasswell. – New York: P. Smith, 1938.
113. Lim M. Algorithmic Enclaves: Affective Politics and Algorithms in the Neoliberal Social Media Landscape / M. Lim // Affective Politics of Digital Media. – Routledge, 2020.
114. Linklater A. The transformation of political community: ethical foundations of the post-Westphalian era. The transformation of political community / A. Linklater. – Reprinted. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 263 p.

115. Making sense of international relations theory / ред. J.A. Sterling-Folker. – Second edition. – Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers, Inc, 2013. – 481 p.
116. McIntyre L. Post-Truth / L. McIntyre. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2018. – 236 p.
117. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Understanding Media / M. McLuhan, L.H. Lapham. – Reprint edition. – Cambridge, Mass: The MIT Press, 1994. – 389 p.
118. McStay A. Emotional AI: The Rise of Empathic Media. Emotional AI / A. McStay. – First edition. – Los Angeles: SAGE Publications Ltd, 2018. – 248 p.
119. Medeiros J. de. Conspiracy Theory in Turkey: Politics and Protest in the Age of “Post-Truth”. Conspiracy Theory in Turkey / J. de Medeiros. – Bloomsbury Publishing, 2018. – 222 p.
120. Mengü M.M. Digital Perception Management / M.M. Mengü, E. Türk // Digital Seige. – Istanbul, Turkey: Istanbul University Press, 2021.
121. Monti M. The Eu Code of Practice on Disinformation and the Risk of the Privatisation of Censorship / M. Monti // Democracy and Fake News. – Routledge, 2020. – P. 214-225.
122. Moore J. Bush’s War For Reelection: Iraq, the White House, and the People. Bush’s War For Reelection / J. Moore. – 1st edition. – Hoboken, N.J: Wiley, 2004. – 400 p.
123. Nielsen R.K. News media, search engines and social networking SITES as varieties of online gatekeepers / R.K. Nielsen // Rethinking Journalism Again. – Routledge, 2016.
124. Pantserev K.A. The Malicious Use of AI-Based Deepfake Technology as the New Threat to Psychological Security and Political Stability / K.A. Pantserev // Cyber Defence in the Age of AI, Smart Societies and Augmented Humanity : Advanced Sciences and Technologies for Security Applications / eds. H. Jahankhani [et al.]. – Cham: Springer International Publishing, 2020. – P. 37-55.
125. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. The Filter Bubble / E. Pariser. – Penguin, 2011. – 179 p.

126. Pashentsev E. The malicious use of artificial intelligence against government and political institutions in the psychological area / E. Pashentsev, D. Bazarkina // *Regulating Artificial Intelligence in Industry*. – Routledge, 2021.
127. Picard R.W. *Affective Computing* / R.W. Picard. – Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1997. – 306 p.
128. Pitruzzella G. *Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective* / G. Pitruzzella, O. Pollicino. – Milano: EGEA Spa - Bocconi University Press, 2020. – 174 p.
129. *Post-Truth, Philosophy and Law* / eds. A. Condello, T. Andina. – 1st edition. – Routledge, 2020. – 172 p.
130. Reddy W.M. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. *The Navigation of Feeling* / W.M. Reddy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
131. *Research Anthology on Fake News, Political Warfare, and Combatting the Spread of Misinformation* / Information Resources Management Association. – IGI Global, 2020. – 653 p.
132. Rietdijk N. *Post-Truth, False Balance and Virtuous Gatekeeping* / N. Rietdijk, A. Archer // *Virtues, Democracy, and Online Media: Ethical and Epistemic Issues* / ред. N. Snow, M.S. Vaccarezza. – Routledge, 2021.
133. *Routledge Handbook of Bounded Rationality* / ed. R. Viale. – 1st edition. – London ; New York, NY: Routledge, 2020. – 664 p.
134. Seneviratne K. *Myth of 'Free Media' and Fake News in the Post-Truth Era* / K. Seneviratne. – SAGE Publications Pvt Ltd, 2020.
135. Sim S. *Post-Truth, Scepticism & Power* / S. Sim. – Cham: Springer International Publishing, 2019.
136. *Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature*. / J.A. Tucker [et al.]. – Rochester, NY, 2018.
137. Swartz L. *Disability and Citizenship in the Global South in a Post-truth Era* / L. Swartz // *The Palgrave Handbook of Disability and Citizenship in the Global South* / eds.

B. Watermeyer, J. McKenzie, L. Swartz. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – P. 57-65.

138. The Routledge Handbook of Political Epistemology / eds. M. Hannon, J. de Ridder. – 1st edition. – London ; New York: Routledge, 2021. – 522 p.

139. Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics. Nested Games / G. Tsebelis. – University of California Press, 1990. – 300 p.

140. Tsesis A. Destructive Messages: How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements / A. Tsesis. – New York: New York University Press, 2002.

141. Visvizi A. Politics and Technology in the Post-Truth Era / A. Visvizi, M.D. Lytras. – Emerald Group Publishing, 2019. – 320 p.

142. Wahl-Jorgensen K. Emotions, media and politics : Contemporary political communication / K. Wahl-Jorgensen. – Cambridge, UK: Polity, 2019.

143. Webster F. Theories of the Information Society / F. Webster. – 4th edition. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2014. – 404 p.

144. Wight C. Philosophy of Social Science and International Relations / C. Wight // Handbook of International Relations. – London: SAGE Publications, 2002. – P. 23-51.

145. Wittgenstein L. Philosophical investigations / L. Wittgenstein. – Oxford: Basil Blackwell, 1968. – 250 p.

Научные статьи в сборниках и периодических изданиях:

146. Акименко Г.В. Инфомедия: фейковые новости в условиях пандемии / Г.В. Акименко [и др.] // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 43-52.

147. Алексеев А.Б. Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации / А.Б. Алексеев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 457-463.

148. Базаркина Д.Ю. Эволюция подхода Европейского союза к борьбе с дезинформацией / Д.Ю. Базаркина // Власть. – 2021. – № 6. – С. 130-138.
149. Базаркина Д.Ю. Эволюция подходов к противодействию гибридным угрозам в стратегическом планировании ЕС / Д.Ю. Базаркина // Современная Европа. – 2021. – № 6. – С. 133-143.
150. Баранов Н.А. Мягкая сила в условиях постправды / Н.А. Баранов // Социально-политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 20-30.
151. Василенко Е.Н. «Язык Вражды»: К Определению Термина / Е.Н. Василенко. // Сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию МГУ имени А.А. Кулешова. – Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. – С. 126-127.
152. Виноградова Т.В. Исследования науки и технологий (STS) и политика постправды. (Обзор) / Т.В. Виноградова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. – 2018. – № 1. – С. 66-79.
153. Гавра Д.П. Категория Стратегической Коммуникации: Современное Понимание И Базовые Характеристики / Д.П. Гавра // Век Информации. – 2015. – № 3. – С. 229-233.
154. Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе / А.Ю. Гарбузняк // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1. – С. 184-192.
155. Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования / Т.А. Гришанина // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2021. – № 4. – С. 10-18.
156. Грозина Н.А. Проблема источника власти и тема сопротивления в философии Фуко / Н.А. Грозина // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 153-159.

157. Громько А.А. Новая реальность и европейская безопасность / А.А. Громько // Современная Европа. – 2016. – № 5 (71). – С. 5-10.
158. Гудалов Н.Н. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н.Н. Гудалов, Д.С. Тулупов // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 1 (88). – С. 135-147.
159. Гукасов А.В. Системный и подсистемный уровни анализа внешней политики современных государств / А.В. Гукасов // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 12. – С. 83-88.
160. Денильханов А.Х. Постправда и либеральная парадигма постмодерна / А.Х. Денильханов // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические Науки. – 2021. – № 6. – С. 34-46.
161. Еремина Н.В. «Новая нормальность»: конец или начало? / Н.В. Еремина // Новое прошлое / The New Past. 2021. – № 3. – С. 198–207.
162. Землянский А.В. Пропагандистские задачи медиа США в период войны в Ираке / А.В. Землянский // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 103-108.
163. Золян С.Т. «Фейки» – люди или тексты? Материалы круглого стола / С.Т. Золян // Terra Linguistica. – 2021. – Т. 12. – «Фейки» – люди или тексты? – № 2. – С. 7-32.
164. Кацы Д.В. Особенности Реализации Общеввропейского Кодекса Практик В Отношении Дезинформации / Д.В. Кацы, Л.П. Шматкова // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании (АПИНО 2019). – Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2019. – С. 677-680.
165. Коваль Е.А. Обида И Ресентимент Как Причины Использования Риторики Ненависти В Медиареальности / Е.А. Коваль // Век Информации. – 2018. – № 2-1.

166. Коробков А.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения / А.Д. Коробков // Вестник МГИМО-Университета. – 2021.
167. Костырев А. Постполитика в сетях постправды / А. Костырев // Полис. Политические исследования. – 2021. – С. 64-75.
168. Коцур Г.В. Нормативная компонента в концепции стрессоустойчивости Европейского союза: внутренние противоречия неолиберализма / Г.В. Коцур // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 70-77.
169. Кошкарова Н.Н. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации / Н.Н. Кошкарова, Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 50-56.
170. Лишаев С.А. «Правда» и «истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) / С.А. Лишаев // Вестник Самарской Гуманитарной Академии. – 2006. – № 1 (4). – С. 173-209.
171. Логинов Н.И. Современные тенденции в зарубежных исследованиях когнитивных искажений в процессах принятия решений / Н.И. Логинов, А.И. Александрова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 444-453.
172. Лучинский Ю.В. «Правительство Лжи»: Феномен «Постправды» Стива Тесича / Ю.В. Лучинский // Век Информации. – 2018. – № 2-1.
173. Мартинец Ю.А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) / Ю.А. Мартинец // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 123-138.
174. Мартьянов В.С. Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов / В.С. Мартьянов, В.Н. Руденко, Л.Г. Фишман // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 47-58.

175. Мартьянов Д.С. Эмоциональная Публичная Сфера: Поляризация Паралингвистического Интернет-Дискурса / Д.С. Мартьянов, Г.В. Лукьянова // Вестник Московского Университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 25-48.
176. Михеев Е.А. Дезинформация о новой коронавирусной инфекции COVID-19: психологические механизмы воздействия / Е.А. Михеев // Проблемы Национальной Стратегии. – 2021. – № 1 (64).
177. Морозов А.В. Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием: / А.В. Морозов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 287-297.
178. Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия / С.Г. Носовец // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 39-47.
179. Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска / М.О. Орлов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 155-161.
180. Пензина А.И. Постправда: Происхождение И Современное Положение / А.И. Пензина // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. – Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 222-228.
181. Петрищев Е. В. Деструктивное информационное воздействие в контексте противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности современной России / Е. В. Петрищев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – №. 4. – С. 83-90.
182. Подрезов М.В. История изучения политического популизма и его современное положение в политической науке / М.В. Подрезов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 451. – С. 96-101.
183. Политика постправды в современном мире / ред. О.В. Попова. – Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным

участием «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года. – СПб: ООО «Скифия-принт», 2017. – 282 с.

184. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91-109.

185. Приходько М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия / М. В. Приходько // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – №. 3. – С. 57-71.

186. Рогалева О.С. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) / О.С. Рогалева, Т.В. Шкайдерова // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1 (75). – С. 222-225.

187. Рогальский А. И. Экспертная дискуссия о феномене «постправда»: отечественный и зарубежный дискурс / А.И. Рогальский // Социально-политические процессы в меняющемся мире. – 2020. – Экспертная дискуссия о феномене «постправда». – № 20.

188. Романова Т.А. Категория “стрессоустойчивость” в европейском Союзе / Т.А. Романова // Современная Европа. – 2017. – № 4 (76). – С. 17-28.

189. Романова Е.Р. Убеждающая сила фейковых новостей: концепт когнитивных искажений / Е.Р. Романова // Вестник Государственного Университета Дубна. Серия: Науки О Человеке И Обществе. – 2021. – № 3.

190. Ростова Н.Н. Философская аналитика идеи постправды / Н.Н. Ростова // Христианское чтение. – 2018. – № 6. – С. 130-138.

191. Рустамова Л. Р. Информационное воздействие в эпоху " постправды" и " фейк-ньюс" / Л. Р. Рустамова, Б. А. Барабаш // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8. – №. 5. – С. 23-30.

192. Рябченко Н.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н.А. Рябченко, О.П.

Малышева, А.А. Гнедаш // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 92-106.

193. Салин А. Постправда и ее опасности / А. Салин // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 284-297.

194. Спиридович Е.А. Проблематика и понятие языка вражды в интернет-пространстве / Е.А. Спиридович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Юридические науки. – 2021. – Т. 37. – С. 139-140.

195. Тузовский И.Д. Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего / И.Д. Тузовский // Философская мысль. – 2020. – № 12. – С. 42-60.

196. Туманов А. Д. Анализ факторов формирования современной системы политического управления: глобальный, региональный и локальный уровни / Туманов А. Д. // Управленческое консультирование. – 2021. – Т. 151. – № 7. – С. 107-115.

197. Тяньян Ф. Социально-политическая турбулентность и ее коммуникативные последствия / Ф. Тяньян, Н.Ю. Маркушина // Закон и власть. – 2023. – №. 2. – С. 4-6.

198. Хруль В.М. «Постправда» в глобальном контексте: популярность, эвристическая ценность и онтологическая сущность / В.М. Хруль // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 5-22.

199. Царик В.С. Борьба с «Российской Дезинформацией» в Публичном Позиционировании Западных Институтов: Анализ Официальных Сайтов НАТО и Европейского Союза / В.С. Царик // Среднерусский Вестник Общественных Наук. – 2019. – Т. 14. – № 6.

200. Царик В.С. Противодействие «Российской Информационной Угрозе» в Политике Европейского Союза После Украинского Кризиса: Дискурсивный И

Институциональный Аспекты / В.С. Царик // Среднерусский Вестник
Общественных Наук. – 2020. – Т. 15. – № 5.

201. Цветкова Н. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности / Н. А. Цветкова, А. Н. Сытник, Т.А. Гришанина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 174–196.

202. Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: Проблема корреляции / М.В. Черников // Полис. Политические Исследования. – 1999. – № 5. – С. 43-61.

203. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С.В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42-59.

204. Шариков П. Подходы США, ЕС и России к проблеме информационной политики / П. Шариков, Н. Степанова // Современная Европа. – 2019. – № 2 (88). – С. 73–83.

205. Шаройченко Н.Д. Политика Европейского союза по противодействию «мягкой силе» России в странах восточного партнёрства / Н.Д. Шаройченко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – Т. 0. – № 2.

206. Шибкова М.О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий / М.О. Шибкова // Современная Европа. – 2019. – № 4 (89). – С. 119-129.

207. Щетинина А.В. Хейт и ненависть как формы вражды в современной коммуникации: Опыт портретирования лексем и понятия / А.В. Щетинина, А.С. Семехина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1 (219). – С. 33-42.

208. “Fake News” Is Not Simply False Information: A Concept Explication and Taxonomy of Online Content / M.D. Molina [et al.] // American Behavioral Scientist. – 2021. – Vol. 65. – № 2. – P. 180-212.

209. A Survey of Game Theoretic Approaches to Modelling Decision-Making in Information Warfare Scenarios / K. Merrick [et al.] // *Future Internet*. – 2016. – Vol. 8. – № 3.
210. A survey of sentiment analysis in social media / L. Yue [и др.] // *Knowledge and Information Systems*. – 2019. – Vol. 60. – № 2. – P. 617-663.
211. A systematic literature review on disinformation: Toward a unified taxonomical framework / E. Kapantai [et al.] // *New Media & Society*. – 2021. – Vol. 23. – № 5. – P. 1301-1326.
212. Adversarial attacks on a lexical sentiment analysis classifier / G.A. de Oliveira [et al.] // *Computer Communications*. – 2021. – Vol. 174. – P. 154-171.
213. Alexander J. Disinformation: A Taxonomy / J. Alexander, J. Smith // *IEEE Security & Privacy*. – 2011. – Vol. 9. – № 1. – P. 58-63.
214. Antonova S. “Capacity-building” in global Internet governance: The long-term outcomes of “multistakeholderism” / S. Antonova // *Regulation & Governance*. – 2011. – Vol. 5. – № 4. – P. 425-445.
215. Arias-Maldonado M. A Genealogy for Post-Truth Democracies: Philosophy, Affects, Technology / M. Arias-Maldonado // *Communication & Society*. – 2020. – P. 65-78.
216. Bakir V. Fake News and The Economy of Emotions / V. Bakir, A. McStay // *Digital Journalism*. – 2018. – Vol. 6. – № 2. – P. 154-175.
217. Bakir V. Psychological Operations in Digital Political Campaigns: Assessing Cambridge Analytica’s Psychographic Profiling and Targeting / V. Bakir // *Frontiers in Communication*. – 2020. – Vol. 5.
218. Barbu O. Advertising, Microtargeting and Social Media : International Conference on Communication and Education in Knowledge Society / O. Barbu // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 163. – P. 44-49.

219. Bazarkina D. Malicious Use of Artificial Intelligence: New Psychological Security Risks in BRICS Countries / D. Bazarkina, E. Pashentsev // *Russia in Global Affairs*. – 2020. – Vol. 18. – № 4. – P. 154-177.
220. Bhargava V.R. Ethics of the Attention Economy: The Problem of Social Media Addiction / V.R. Bhargava, M. Velasquez // *Business Ethics Quarterly*. – 2021. – Vol. 31. – № 3. – P. 321-359.
221. Böcskei B. “Post-truth politics” as the normal state of politics / B. Böcskei // *Tamara Journal of Critical Organisation Inquiry*. – 2017. – Vol. 15. – № 3/4. – P. 257-260.
222. Boler M. The affective politics of the “post-truth” era: Feeling rules and networked subjectivity / M. Boler, E. Davis // *Emotion, Space and Society*. – 2018. – Vol. 27. – P. 75-85.
223. Bontridder N. The role of artificial intelligence in disinformation / N. Bontridder, Y. Poulet // *Data & Policy*. – 2021. – Vol. 3. – P. e32.
224. Braddock R. An Extension of the “Lasswell Formula” / R. Braddock // *Journal of Communication*. – 1958. – Vol. 8. – № 2. – P. 88-93.
225. Brewer P.R. Priming or Framing: Media Influence on Attitudes Toward Foreign Countries / P.R. Brewer, J. Graf, L. Willnat // *Gazette (Leiden, Netherlands)*. – 2003. – Vol. 65. – № 6. – P. 493-508.
226. Brown N.I. Deepfakes and the Weaponization of Disinformation / N.I. Brown // *Virginia Journal of Law & Technology*. – 2020. – Vol. 23. – P. 1.
227. Browne C. Conceptualising the Political Imaginary: An Introduction to the Special Issue / C. Browne, P. Diehl // *Social Epistemology*. – 2019. – Vol. 33. – Conceptualising the Political Imaginary. – P. 1-5.
228. Carrera P. The stratagems of post-truth / Carrera P. // *RLCS. Revista Latina de Comunicación Social*. – 2018. – Vol. 73. – P. 1469-1481.

229. Chakraborty K. A Survey of Sentiment Analysis from Social Media Data / K. Chakraborty, S. Bhattacharyya, R. Bag // IEEE Transactions on Computational Social Systems. – 2020. – Vol. 7. – № 2. – P. 450-464.
230. Chetty N. Hate speech review in the context of online social networks / N. Chetty, S. Alathur // Aggression and Violent Behavior. – 2018. – Vol. 40. – P. 108-118.
231. Chipidza W. The effectiveness of flagging content belonging to prominent individuals: The case of Donald Trump on Twitter / W. Chipidza, J. (Kevin) Yan // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2022. – Vol. 73. – № 11. – P. 1641-1658.
232. Cobbe J. Algorithmic Censorship by Social Platforms: Power and Resistance / J. Cobbe // Philosophy & Technology. – 2021. – Vol. 34.
233. Corner J. Fake news, post-truth and media-political change / J. Corner // Media, Culture & Society. – 2017. – Vol. 39. – № 7. – P. 1100-1107.
234. Cosentino G. Post-truth politics in the Middle East: the case studies of Syria and Turkey / G. Cosentino, B. Alikasifoglu // Artnodes. – 2019. – № 24. – P. 91-100.
235. Crilley R. International relations in the age of ‘post-truth’ politics / R. Crilley // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – № 2. – P. 417-425.
236. Current Response and Management Decisions of the European Union to the COVID-19 Outbreak: A Review / K. Goniewicz [et al.] // Sustainability. – 2020. – Vol. 12. – № 9. – P. 3838.
237. Das R. Rethinking Fake News: Disinformation and Ideology during the time of COVID-19 Global Pandemic / R. Das, W. Ahmed // IIM Kozhikode Society & Management Review. – 2022. – Vol. 11. – Rethinking Fake News. – № 1. – P. 146-159.
238. De Blasio E. Who Is Responsible for Disinformation? European Approaches to Social Platforms’ Accountability in the Post-Truth Era / E. De Blasio, D. Selva // American Behavioral Scientist. – 2021. – Vol. 65. – № 6. – P. 825-846.

239. Deception, identity, and security: the game theory of sybil attacks / W. Casey [et al.] // *Communications of the ACM*. – 2018. – Vol. 62. – № 1. – P. 85-93.
240. Deep learning for affective computing: Text-based emotion recognition in decision support / B. Kratzwald [et al.] // *Decision Support Systems*. – 2018. – Vol. 115. – P. 24-35.
241. Defining Strategic Communication / К. Hallahan [и др.] // *International Journal of Strategic Communication*. – 2007. – Vol. 1. – № 1. – P. 3-35.
242. Derman G.S. Perception management in the media / G.S. Derman // *International Journal of Social and Economic Sciences*. – 2021. – Vol. 11. – № 1. – P. 64-78.
243. Dias Oliva T. Content Moderation Technologies: Applying Human Rights Standards to Protect Freedom of Expression / T. Dias Oliva // *Human Rights Law Review*. – 2020. – Vol. 20. – № 4. – P. 607-640.
244. Douai A. Global and Arab Media in the Post-truth Era: Globalization, Authoritarianism and Fake News / A. Douai // *IEMed: Mediterranean Yearbook*. – 2019. – P. 124-132.
245. Durnová A. Unpacking emotional contexts of post-truth. / A. Durnová // *Critical Policy Studies*. – 2019. – Vol. 13. – № 4. – P. 447-450.
246. Effron D.A. The moral psychology of misinformation: Why we excuse dishonesty in a post-truth world / D.A. Effron, B.A. Helgason // *Current Opinion in Psychology*. – 2022. – Vol. 47. – The moral psychology of misinformation. – P. 101375.
247. Eilders C. Media as political actors? Issue focusing and selective emphasis in the German quality press / C. Eilders // *German Politics*. – 2000. – Vol. 9. – Media as political actors? – № 3. – P. 181-206.
248. Emotion AI-Driven Sentiment Analysis: A Survey, Future Research Directions, and Open Issues / P. Chakriswaran [et al.] // *Applied Sciences*. – 2019. – Vol. 9. – № 24. – P. 5462.

249. Entman R.M. Framing Bias: Media in the Distribution of Power / R.M. Entman // *Journal of Communication*. – 2007. – Vol. 57. – № 1. – P. 163-173.
250. Epstein D. Multistakeholderism in Praxis: The Case of the Regional and National Internet Governance Forum (IGF) Initiatives / D. Epstein, B.M. Nonnecke // *Policy & Internet*. – 2016. – Vol. 8. – № 2. – P. 148-173.
251. Estellés M. The educational implications of populism, emotions and digital hate speech: A dialogue with scholars from Canada, Chile, Spain, the UK, and the US / M. Estellés, J. Castellví // *Sustainability (Switzerland)*. – 2020. – Vol. 12. – № 15.
252. Evaluating the Effectiveness of Deplatforming as a Moderation Strategy on Twitter / S. Jhaver [и др.] // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. – 2021. – Vol. 5. – № CSCW2. – P. 381:1-381:30.
253. Experts on the Malicious Use of Artificial Intelligence: Challenges for Political Stability and International Psychological Security / ed. E. Pashentsev. – Moscow: International Center for Social and Political Studies and Consulting, 2020.
254. Fake News Detection Using Sentiment Analysis / B. Bhutani [и др.] // 2019 Twelfth International Conference on Contemporary Computing (IC3). – 2019. – P. 1-5.
255. Falling for fake news: the role of political bias and cognitive ability / E.C. Tandoc [и др.] // *Asian Journal of Communication*. – 2021. – Vol. 31. – Falling for fake news. – № 4. – P. 237-253.
256. Farte G.I. Reactive Public Relations Strategies for Managing Fake News in the Online Environment / G.I. Farte, D.R. Obada // *Postmodern Openings*. – 2018. – Vol. 9. – № 2. – P. 26-44.
257. Fathaigh R.Ó. The perils of legally defining disinformation / R.Ó. Fathaigh, N. Helberger, N. Appelmann // *Internet Policy Review*. – 2021. – Vol. 10. – № 4.
258. Fay B. Theory and metatheory in social science — or, why the philosophy of social science is so hard / B. Fay // *Metaphilosophy*. – 1985. – Vol. 16. – № 2/3. – P. 150-165.

259. Fino A. Defining Hate Speech / A. Fino // *Journal of International Criminal Justice*. – 2020. – Vol. 18. – P. 31-57.
260. Fortuna P. A Survey on Automatic Detection of Hate Speech in Text / P. Fortuna, S. Nunes // *ACM Computing Surveys*. – 2018. – Vol. 51. – № 4. – P. 85:1-85:30.
261. Foster C. Truth as social practice in a digital era: iteration as persuasion / C. Foster // *AI & SOCIETY*. – 2022.
262. Fuller S. The Post-Truth About Philosophy and Rhetoric / S. Fuller // *Philosophy & Rhetoric*. – 2017. – Vol. 50. – № 4. – P. 473-482.
263. Garrido S. Emotional Regimes Reflected in a Popular Ballad: Perspectives on Gender, Love and Protest in ‘Scarborough Fair’ / S. Garrido, J. Davidson // *Musicology Australia*. – 2016. – Vol. 38. – № 1. – P. 65-78.
264. Gaultney I. Political polarization, misinformation, and media literacy / I. Gaultney, T. Sherron, C. Boden // *Journal of Media Literacy Education*. – 2022. – Vol. 14. – № 1. – P. 59-81.
265. Gillespie T. Content moderation, AI, and the question of scale / T. Gillespie // *Big Data & Society*. – 2020. – Vol. 7. – № 2.
266. Gorwa R. Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance / R. Gorwa, R. Binns, C. Katzenbach // *Big Data & Society*. – 2020. – Vol. 7. – № 1.
267. Grech V. Fake news and post-truth pronouncements in general and in early human development / V. Grech // *Early Human Development*. – 2017. – Vol. 115. – P. 118-120.
268. Gunkel D.J. The medium of truth: media studies in the post-truth era / D.J. Gunkel // *Review of Communication*. – 2019. – Vol. 19. – The medium of truth. – № 4. – P. 309-323.
269. Guo Z. Effect of Disinformation Propagation on Opinion Dynamics: A Game Theoretic Approach / Z. Guo, J. Valinejad, J.-H. Cho // *IEEE Transactions on Network Science and Engineering*. – 2022. – Vol. 9. – № 5. – P. 3775-3790.

270. Habgood-Coote J. Stop Talking About Fake News! / J. Habgood-Coote // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. – 2019. – Vol. 62. – № 9-10. – P. 1033-1065.
271. Hammond-Errey M. Understanding and assessing information influence and foreign interference / M. Hammond-Errey // *Journal of Information Warfare*. – 2019. – Vol. 18. – №. 1. – P. 1-22.
272. Halliday F. Book review: a “crisis” of international relations? / F. Halliday // *International Relations*. – 1985. – Vol. 8. – № 4. – P. 407-412.
273. Harsin J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies / J. Harsin // *Communication, Culture & Critique*. – 2015. – Vol. 8. – № 2. – P. 327-333.
274. Hate speech operationalization: a preliminary examination of hate speech indicators and their structure / J. Papcunová [et al.] // *Complex & Intelligent Systems*. – 2021.
275. Hedling E. Transforming practices of diplomacy: the European External Action Service and digital disinformation / E. Hedling // *International Affairs*. – 2021. – Vol. 97. – № 3. – P. 841-859.
276. Heinrich S. Medical science faces the post-truth era: a plea for the grassroots values of science / S. Heinrich // *Current Opinion in Anaesthesiology*. – 2020. – Vol. 33. – № 2. – P. 198-202.
277. Helberger N. The Political Power of Platforms: How Current Attempts to Regulate Misinformation Amplify Opinion Power / N. Helberger // *Digital Journalism*. – 2020. – Vol. 8. – № 6. – P. 842-854.
278. Helm R.K. Regulatory Responses to ‘Fake News’ and Freedom of Expression: Normative and Empirical Evaluation / R.K. Helm, H. Nasu // *Human Rights Law Review*. – 2021. – Vol. 21. – № 2. – P. 302-328.
279. Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems / C.S. Holling // *Annual Review of Ecology and Systematics*. – 1973. – Vol. 4. – P. 1-23.

280. Huskaj G. State-of-the-art of Scientific Research on Disinformation / G. Huskaj, S. A Axelsson // European Conference on Cyber Warfare and Security. – 2023. – Vol. 22. – №. 1. – P. 602-609.
281. Hyvönen A.-E. Careless Speech: Conceptualizing Post-Truth Politics1 / A.-E. Hyvönen // New Perspectives. – 2018. – Vol. 26. – Careless Speech. – № 3. – P. 31-55.
282. Ihlebæk K.A. Hostile emotions: An exploratory study of far-right online commenters and their emotional connection to traditional and alternative news media / K.A. Ihlebæk, C.R. Holter // Journalism. – 2021. – Vol. 22. – № 5. – P. 1207-1222.
283. Information overload for (bounded) rational agents / E.M. Pothos [et al.] // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2021. – Vol. 288. – № 1944.
284. Internet, social media and online hate speech. Systematic review / S.A. Castaño-Pulgarín [et al.] // Aggression and Violent Behavior. – 2021. – Vol. 58.
285. Ivančik R. Fight Against Disinformation Concerning Coronavirus Pandemas At European Union Level / R. Ivančik // Almanach (Actual Issues in World Economics and Politics). – 2021. – Vol. 16. – № 3. – P. 5-15.
286. Jia F. Misinformation Literature Review: Definitions, Taxonomy, and Models / Jia F. // International Journal of Social Science and Education Research. – 2020. – Vol. 3. – № 12. – P. 85-90.
287. Kahneman D. On the reality of cognitive illusions / D. Kahneman, A. Tversky // Psychological Review. – 1996. – Vol. 103. – P. 582-591.
288. Kirchner C. Digital Disinformation: Taxonomy, Impact, Mitigation, and Regulation (Dagstuhl Seminar 21402) / C. Kirchner, F. Roesner // Dagstuhl Reports. – 2022. – Vol. 11. – № 9. – P. 28-44.
289. Kiser E. The Revival of Narrative in Historical Sociology: What Rational Choice Theory can Contribute / E. Kiser // Politics & Society. – 1996. – Vol. 24. – № 3. – P. 249-271.

290. Knoll J. Advertising in social media: a review of empirical evidence / J. Knoll // *International Journal of Advertising*. – 2016. – Vol. 35. – № 2. – P. 266-300.
291. Kopp C. Classical deception techniques and perception management vs. the four strategies of information warfare / C. Kopp // *Conference Proceedings of the 6th Australian Information Warfare and Security Conference*. – School of Information Systems, Deakin University, 2005. – P. 81-89.
292. Kopp C. Information-theoretic models of deception: Modelling cooperation and diffusion in populations exposed to “fake news” / C. Kopp, K.B. Korb, B.I. Mills // *PLOS ONE*. – 2018. – Vol. 13. – № 11.
293. Kopp C. Shannon, Hypergames and Information Warfare / C. Kopp // *Journal of Information Warfare*. – 2003. – Vol. 2. – № 2. – P. 108-118.
294. Kudrna J. The Possibilities of Combating So-Called Disinformation in the Context of the European Union Legal Framework and of Constitutional Guarantees of Freedom of Expression in the European Union Member States / J. Kudrna // *International Comparative Jurisprudence*. – 2022. – Vol. 8. – № 2. – P. 138-151.
295. Lapid Y. The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era / Y. Lapid // *International Studies Quarterly*. – 1989. – Vol. 33. – № 3. – P. 235-254.
296. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda / H.D. Lasswell // *The American Political Science Review*. – 1927. – Vol. 21. – № 3. – P. 627-631.
297. Lemieux V. Leveraging Archival Theory to Develop A Taxonomy of Online Disinformation / V. Lemieux, T.D. Smith // *2018 IEEE International Conference on Big Data (Big Data)*. – 2018. – P. 4420-4426.
298. Lewandowsky S. Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era / S. Lewandowsky, U.K.H. Ecker, J. Cook // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. – 2017. – Vol. 6. – Beyond Misinformation. – № 4. – P. 353-369.

299. Lyman P. The Domestication of Anger: The Use and Abuse of Anger in Politics / P. Lyman // *European Journal of Social Theory*. – 2004. – Vol. 7. – № 2. – P. 133-147.
300. Manipulating Machine Learning: Poisoning Attacks and Countermeasures for Regression Learning. *Manipulating Machine Learning* / M. Jagielski [и др.] arXiv:1804.00308 [cs]. – arXiv, 2021.
301. Marcinkowski F. Mediatisation of Politics: Reflections on the State of The Concept / F. Marcinkowski // *Javnost - The Public*. – 2014. – Vol. 21. – № 2. – P. 5-22.
302. Marsden C. Platform values and democratic elections: How can the law regulate digital disinformation? / C. Marsden, T. Meyer, I. Brown // *Computer Law & Security Review*. – 2020. – Vol. 36. – P. 105373.
303. Matamoros-Fernández A. Racism, Hate Speech, and Social Media: A Systematic Review and Critique / A. Matamoros-Fernández, J. Farkas // *Television & New Media*. – 2021. – Vol. 22. – № 2. – P. 205-224.
304. McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-Truth in Political Beliefs / R. McDermott // *PS: Political Science & Politics*. – 2019. – Vol. 52. – № 2. – P. 218-222.
305. McGrath L.S. Historiography, affect, and the neurosciences / L.S. McGrath // *History of Psychology*. – 2017. – Vol. 20. – № 2. – P. 129-147.
306. Michelsen N. Post-Truth-Telling in International Relations / N. Michelsen, B. Tallis // *New Perspectives*. – 2018. – Vol. 26. – № 3. – P. 7-15.
307. Monetizing disinformation in the attention economy: The case of genetically modified organisms (GMOs) / C.D. Ryan [et al.] // *European Management Journal*. – 2020. – Vol. 38. – № 1. – P. 7-18.
308. Mustonen-Ollila E. Information Influence in Society's Information Environment / E. Mustonen-Ollila, M. J. Lehto, J. Heikkonen // *Journal of Information Warfare*. – 2020. – Vol. 19. – №. 4. – P. 70-88.

309. Nenadić I. Unpacking the «European approach» to tackling challenges of disinformation and political manipulation / I. Nenadić // *Internet Policy Review*. – 2019. – Vol. 8. – № 4. – P. 1-22.
310. Nerino V. Overcome the fragmentation in online propaganda literature: the role of cultural and cognitive sociology / V. Nerino // *Frontiers of Sociology*. – 2023. – Vol. 8. – P. 1-10.
311. Newman S. Post-truth and the crisis of the political. / S. Newman // *Soft Power*. – 2019. – Vol. 6. – № 2. – P. 90-108.
312. Noury A. Identity Politics and Populism in Europe / A. Noury, G. Roland // *Annual Review of Political Science*. – 2020. – Vol. 23. – № 1. – P. 421-439.
313. Nye R.A. Review of *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*, William M. Reddy / R.A. Nye // *The Journal of Modern History*. – 2003. – Vol. 75. – № 4. – P. 920-923.
314. Obadă R. Sharing Fake News about Brands on Social Media: a New Conceptual Model Based on Flow Theory / R. Obadă // *Argumentum. Journal of the Seminar of Discursive Logic, Argumentation Theory and Rhetoric*. – 2019. – Vol. 17. – P. 144-166.
315. Offensive, aggressive, and hate speech analysis: From data-centric to human-centered approach / J. Kocoń [et al.] // *Information Processing & Management*. – 2021. – Vol. 58. – № 5.
316. Page B.I. The Mass Media as Political Actors / B.I. Page // *PS: Political Science & Politics*. – 1996. – Vol. 29. – № 1. – P. 20-24.
317. Pan Z. Priming and Media Impact on the Evaluations of the President's Performance / Z. Pan, G.M. Kosicki // *Communication Research*. – 1997. – Vol. 24. – № 1. – P. 3-30.
318. Pashentsev E. Malicious Use of Artificial Intelligence / E. Pashentsev // *European Conference on the Impact of Artificial IntelligenceI and Robotics. ECIAIR 2019*. – UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019. – P. 33.

319. Patra R.K. Bibliometric analysis of fake news indexed in Web of Science and Scopus (2001-2020) / R.K. Patra, N. Pandey, D. Sudarsan // Global Knowledge, Memory and Communication. – 2022.
320. Pawelec M. Deepfakes and Democracy (Theory): How Synthetic Audio-Visual Media for Disinformation and Hate Speech Threaten Core Democratic Functions / M. Pawelec // Digital Society. – 2022. – Vol. 1. – № 2. – P. 19.
321. Paz M.A. Hate Speech: A Systematized Review / M.A. Paz, J. Montero-Díaz, A. Moreno-Delgado // SAGE Open. – 2020. – Vol. 10. – № 4. – P. 2158244020973022.
322. Picciotto R. Is evaluation obsolete in a post-truth world? / R. Picciotto // Evaluation and Program Planning. – 2019. – Vol. 73. – P. 88-96.
323. Plantin J.-C. Digital media infrastructures: pipes, platforms, and politics / J.-C. Plantin, A. Punathambekar // Media, Culture & Society. – 2019. – № 2 (41). – P. 163-174.
324. Pool J. Infodemic, Misinformation and Disinformation in Pandemics: Scientific Landscape and the Road Ahead for Public Health Informatics Research / J. Pool, F. Fatehi, S. Akhlaghpour // Studies in Health Technology and Informatics. – 2021. – Vol. 281. – P. 764-768.
325. Popescu N. Hybrid tactics: Russia and the West / N. Popescu // European Union Institute for Security Studies, Alert. – 2015. – Vol. 46.
326. Prasad A. Anti-science Misinformation and Conspiracies: COVID-19, Post-truth, and Science & Technology Studies (STS) / A. Prasad // Science, Technology and Society. – 2022. – Vol. 27. – Anti-science Misinformation and Conspiracies. – № 1. – P. 88-112.
327. Prokopović A.M. The European Approach to Regulating Disinformation / A.M. Prokopović, M. Vujović // FACTA UNIVERSITATIS - Law and Politics. – 2020. – Vol. 18. – № 3. – P. 175-183.
328. Prozorov S. Why is there truth? Foucault in the age of post-truth politics / S. Prozorov // Constellations. – 2019. – Vol. 26. – № 1. – P. 18-30.

329. Raymond M. Multistakeholderism: anatomy of an inchoate global institution / M. Raymond, L. DeNardis // *International Theory*. – 2015. – Vol. 7. – № 3. – P. 572-616.
330. Robinson M. Cyber warfare: Issues and challenges / M. Robinson, K. Jones, H. Janicke // *Computers & Security*. – 2015. – Vol. 49. – P. 70-94.
331. Rogers R. Deplatforming: Following extreme Internet celebrities to Telegram and alternative social media / R. Rogers // *European Journal of Communication*. – 2020. – Vol. 35. – № 3. – P. 213-229.
332. Rose J. Brexit, Trump, and Post-Truth Politics / J. Rose // *Public Integrity*. – 2017. – Vol. 19. – № 6. – P. 555-558.
333. Roumate F. Malicious Use of Artificial Intelligence, New Challenges for Diplomacy and International Psychological Security / F. Roumate // *Artificial Intelligence and Digital Diplomacy*. – 2021. – P. 97-113.
334. Ryabchenko N.A. Political content management: new linguistic units and social practices / N.A. Ryabchenko, V.V. Katermina, O.P. Malysheva // *Church, Communication and Culture*. – 2019. – Vol. 4. – № 3. – P. 305-322.
335. Salgado S. Online media impact on politics. Views on post-truth politics and postpostmodernism / S. Salgado // *International Journal of Media & Cultural Politics*. – 2018. – Vol. 14. – № 3. – P. 317-331.
336. Saurwein F. Combating Disinformation on Social Media: Multilevel Governance and Distributed Accountability in Europe / F. Saurwein, C. Spencer-Smith // *Digital Journalism*. – 2020. – Vol. 8. – № 6. – P. 820-841.
337. Scheufele D. Framing As a Theory of Media Effects / D. Scheufele // *The Journal of Communication*. – 1999. – Vol. 49. – P. 103-122.
338. Scheufele D.A. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models / D.A. Scheufele, D. Tewksbury // *Journal of Communication*. – 2007. – Vol. 57. – P. 9-20.

339. Sentiment Analysis for Fake News Detection / M.A. Alonso [et al.] // *Electronics*. – 2021. – Vol. 10. – № 11. – P. 1348.
340. Sepczyńska D. Post-Truth from the Perspective of Hannah Arendt's Political Theory / D. Sepczyńska // *Filozofia*. – 2019. – Vol. 74.
341. Shatin Y.V. Post-Truth as a Rhetorical Phenomenon in Modern Media Space / Y.V. Shatin // *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. – 2020. – Vol. 19. – № 6. – P. 250-257.
342. Shirky C. The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change / C. Shirky // *Foreign Affairs*. – 2011. – Vol. 90. – The Political Power of Social Media. – № 1. – P. 28-41.
343. Shmatenko L.M. Russian Disinformation Campaigns: What Risk for the European Union and the International Liberal Order? / L.M. Shmatenko // *Academic Workshop The EU and the Crisis of the International Liberal Order: A Systemic Crisis?* – 2019.
344. Siddiquee Md.A. The portrayal of the Rohingya genocide and refugee crisis in the age of post-truth politics / Md.A. Siddiquee // *Asian Journal of Comparative Politics*. – 2020. – Vol. 5. – № 2. – P. 89-103.
345. Simon H.A. Human Nature in Politics: The Dialogue of Psychology with Political Science / H.A. Simon // *The American Political Science Review*. – 1985. – Vol. 79. – № 2. – P. 293-304.
346. Social Bots and the Spread of Disinformation in Social Media: The Challenges of Artificial Intelligence / N. Hajli [et al.] // *British Journal of Management*. – 2022. – Vol. 33. – № 3. – P. 1238-1253.
347. Social Robot Interactions for Social Engineering: Opportunities and Open Issues / A.F. Abate [и др.] // *2020 IEEE Intl Conf (DASC/PiCom/CBDCCom/CyberSciTech)*. – 2020. – P. 539-547.
348. Stadnik I. What Is an International Cybersecurity Regime and How We Can Achieve It? / I. Stadnik // *Masaryk University Journal of Law and Technology*. – 2017. – Vol. 11. – № 1. – P. 129-154.

349. Stark L. The Ethics of Emotion in Artificial Intelligence Systems / L. Stark, J. Hoey // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency : FAccT '21. – New York, NY, USA: Association for Computing Machinery, 2021. – P. 782-793.
350. Süselbeck J. Sprache und emotionales Gedächtnis. Zur Konstruktion von Gefühlen und Erinnerungen in der Literatur und den Medien / J. Süselbeck // Emotionen. – 2019. – P. 282-295.
351. Tandoc E.C. Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions / E.C. Tandoc, Z.W. Lim, R. Ling // Digital Journalism. – 2018. – Vol. 6. – № 2. – P. 137-153.
352. Tesich S. A government of lies. / S. Tesich // Nation. – 1992. – Vol. 254. – № 1. – P. 12-14.
353. The impact of fake news on social media and its influence on health during the COVID-19 pandemic: a systematic review / Y.M. Rocha [et al.] // Journal of Public Health. – 2021. – P. 1-10.
354. The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation. The Malicious Use of Artificial Intelligence / M. Brundage [и др.] arXiv: 1802.07228. – 2018.
355. Thirty years of research into hate speech: topics of interest and their evolution / A. Tontodimamma [и др.] // Scientometrics. – 2021. – Vol. 126. – № 1. – P. 157-179.
356. Timmermann W. Counteracting Hate Speech as a Way of Preventing Genocidal Violence / W. Timmermann // Genocide Studies and Prevention: An International Journal. – 2008. – Vol. 3. – № 3. – P. 353-374.
357. Tocci N. Resilience and the role of the European Union in the world / N. Tocci // Contemporary Security Policy. – 2020. – Vol. 41. – № 2. – P. 176-194.
358. Tomsa D. Public Opinion Polling and Post-truth Politics in Indonesia / D. Tomsa // Contemporary Southeast Asia. – 2020. – Vol. 42. – № 1. – P. 1-27.

359. Toward a Comprehensive Model of Fake News: A New Approach to Examine the Creation and Sharing of False Information / A.P. Weiss [et al.] // *Societies*. – 2021. – Vol. 11. – № 3. – P. 82.
360. Tsipursky G. A Psychological Approach to Promoting Truth in Politics: The Pro-Truth Pledge / G. Tsipursky, F. Votta, J.A. Mulick // *Journal of Social and Political Psychology*. – 2018. – Vol. 6. – A Psychological Approach to Promoting Truth in Politics. – № 2. – P. 271-290.
361. Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / A. Tversky, D. Kahneman // *Science*. – 1974. – Vol. 185. – № 4157. – P. 1124-1131.
362. Tweeting From Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber? / P. Barberá [et al.] // *Psychological Science*. – 2015. – Vol. 26. – № 10. – P. 1531-1542.
363. Using a Personality-Profiling Algorithm to Investigate Political Microtargeting: Assessing the Persuasion Effects of Personality-Tailored Ads on Social Media / B. Zarouali [et al.] // *Communication Research*. – 2022. – Vol. 49. – № 8. – P. 1066-1091.
364. Vaccari C. Deepfakes and Disinformation: Exploring the Impact of Synthetic Political Video on Deception, Uncertainty, and Trust in News / C. Vaccari, A. Chadwick // *Social Media + Society*. – 2020. – Vol. 6. – № 1.
365. Vériter S.L. Tackling COVID-19 Disinformation: Internal and External Challenges for the European Union / S.L. Vériter, C. Bjola, J.A. Koops // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2020. – Vol. 15. – Tackling COVID-19 Disinformation. – № 4. – P. 569-582.
366. Vese D. Governing Fake News: The Regulation of Social Media and the Right to Freedom of Expression in the Era of Emergency / D. Vese // *European Journal of Risk Regulation (EJRR)*. – 2022. – Vol. 13. – P. 477.
367. Vilson M. The Europeanization of Foreign Policy in the Face of the Russian Disinformation War / M. Vilson // *Sõjateadlane (Estonian Journal of Military Studies)*. – 2016. – № 2. – P. 114-140.

368. Wahl-Jorgensen K. Media coverage of shifting emotional regimes: Donald Trump's angry populism / K. Wahl-Jorgensen // *Media, Culture and Society*. – 2018. – Vol. 40. – № 5. – P. 766-778.
369. Wanasika I. Deception as Strategy: Context and Dynamics / I. Wanasika, T. Adler // *Journal of Managerial Issues*. – 2011. – Vol. 23. – № 3. – P. 364-378.
370. Wang C.-C. Fake News and Related Concepts: Definitions and Recent Research Development / C.-C. Wang // *Contemporary Management Research*. – 2020. – Vol. 16. – Fake News and Related Concepts. – P. 145-174.
371. Wight C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // *New Perspectives*. – 2018. – Vol. 26. – № 3. – P. 17-29.
372. Wijermars M. Sociotechnical imaginaries of algorithmic governance in EU policy on online disinformation and FinTech / M. Wijermars, M. Makhortykh // *New Media & Society*. – 2022. – Vol. 24. – № 4. – P. 942-963.
373. Word-level Textual Adversarial Attacking as Combinatorial Optimization / Y. Zang [и др.] // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* / arXiv:1910.12196 [cs]. – 2020. – P. 6066-6080.
374. Yadollahi A. Current State of Text Sentiment Analysis from Opinion to Emotion Mining / A. Yadollahi, A.G. Shahraki, O.R. Zaiane // *ACM Computing Surveys*. – 2017. – Vol. 50. – № 2. – P. 25:1-25:33.
375. Yamey G. Donald Trump: a political determinant of covid-19. / G. Yamey, G. Gonsalves // *BMJ*. – 2020.
376. Yee A. Post-Truth Politics and Fake News in Asia / A. Yee // *Global Asia*. – 2017. – Vol. 12. – P. 66-71.
377. Zarocostas J. How to fight an infodemic / J. Zarocostas // *The Lancet*. – 2020. – Vol. 395. – № 10225. – P. 676.

378. Zhuravskaya E. Political Effects of the Internet and Social Media / E. Zhuravskaya, M. Petrova, R. Enikolopov // Annual Review of Economics. – 2020. – Vol. 12. – № 1. – P. 415-438.

Аналитические доклады и статьи:

379. Baines D. Defining misinformation, disinformation and malinformation: An urgent need for clarity during the COVID-19 infodemic : Discussion Papers / D. Baines, R.J.R. Elliott. – Department of Economics, University of Birmingham, 2020.

380. Davies W. The Age of Post-Truth Politics [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (дата обращения: 24.01.2021).

381. Field of Disinformation, Democratic Processes, and Conflict Prevention: A Scan of the Literature. Field of Disinformation, Democratic Processes, and Conflict Prevention / S. Udupa [et al.] – Social Science Research Council, 2020.

382. Fontevecchia A. The Fallacy Of ‘Deplatforming’ Donald Trump / Forbes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.com/sites/afontevecchia/2021/01/20/the-fallacy-of-deplatforming-donald-trump/?sh=b1dcfa411418> (дата обращения: 10.02.2023).

383. France debates making fake news a crime / Acepresa [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.acepresa.com/english/france-debates-making-fake-news-a-crime/> (дата обращения: 20.12.2022).

384. Francis Z. Bush, The Media & Misinformation Surrounding the Iraq War [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.anewseducation.com/post/iraq-war-misinformation> (дата обращения: 07.02.2023).

385. Gibbs A. ‘Post-truth’ is the Word of the Year thanks to Brexit, Trump’s election campaigns [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnn.com/2016/11/16/post-truth-is-the-word-of-the-year-thanks-to-brexit-trumps-election-campaigns-says-oxford-dictionaries.html> (дата обращения: 08.02.2023).

386. Henley J. Why Vote Leave's £350m weekly EU cost claim is wrong : Politics / J. Henley // The Guardian. – 2016. – 10 Jun.
387. Lohani A. Countering Disinformation and Hate Speech Online: Regulation and User Behavioural Change / ORF [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.orfonline.org/research/countering-disinformation-and-hate-speech-online/> (дата обращения: 20.12.2022).
388. Scheidt M. The European Union versus External Disinformation Campaigns in the Midst of Information Warfare: Ready for the Battle? College of Europe EU Diplomacy Paper 01/2019 / M. Scheidt. – 2019. – 34 p.
389. Sellars A. Defining Hate Speech / A. Sellars. – Berkman Klein Center Research Publication No. 2016-20. – Boston Univ. School of Law, 2016 – P. 24-31.
390. Social Media Algorithms: Why You See What You See / Georgetown Law Technology Review [Электронный ресурс]. – URL: <https://georgetownlawtechreview.org/social-media-algorithms-why-you-see-what-you-see/GLTR-12-2017/> (дата обращения: 10.02.2023).
391. The Boris Johnson Brexit Bus Lie of £350m [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.conversion-uplift.co.uk/brexit/the-boris-johnson-brexit-bus-lie-of-350m/> (дата обращения: 08.02.2023).
392. Wardle C. Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking / C. Wardle, H. Derakhshan. – Council of Europe report DGI(2017)09. – 2017.

Словари и энциклопедии:

393. Хэйр Д. Религия и мораль / Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей [Электронный ресурс]. – URL: <https://philosophy.ru/ru/religion-morality/index.php> (дата обращения: 24.02.2023).
394. AI and the Future of Disinformation Campaigns / Center for Security and Emerging Technology [Электронный ресурс]. – URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/ai-and-the-future-of-disinformation-campaigns/> (дата обращения: 12.02.2023).

395. Definition of FACTOID [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/factoid> (дата обращения: 06.02.2023).
396. Djugumanov I. Practical Applications of Advanced Technologies for Enhancing Security and Defense Capabilities: Perspectives and Challenges for the Western Balkans / I. Djugumanov, M. Hadji-Janev. – NATO Science for Peace and Security Series-E: Human and Societal Dynamics. – IOS Press, 2022. – 134 p.
397. Oxford Word of the Year 2016 | Oxford Languages [Электронный ресурс]. – URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 24.01.2021).
398. The role of Social Engineering in evolution of attacks / E. Frumento [и др.]. – DOGANA Consortium, 2016.

Авторские материалы, подготовленные в ходе написания диссертации

399. Колотаев Ю.Ю. Методы противодействия злонамеренному использованию искусственного интеллекта: опыт и модели Северо-Восточной Азии / Ю.Ю. Колотаев // Информационные войны. – 2022. – №. 3. – С. 64-68.
400. Колотаев Ю.Ю. Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникацииключевые категории в отношениях между Европейским союзом и Россией в условиях постправды. Внешние угрозы и внутренние вызовы / Ю.Ю. Колотаев //Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. – 2019. – С. 431-438.
401. Колотаев Ю.Ю. Формирование идентичности России в процессе ее взаимоотношений с Европейским союзом в контексте политики постправды / Ю.Ю. Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. – 2018. – С. 101-112.
402. Колотаев Ю.Ю. Дезинформация в эпоху пандемии: опыт противодействия новым цифровым угрозам в ЕС / Ю.Ю. Колотаев // Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития. Мировое развитие. Выпуск 23. ИМЭМО РАН, 2022 – С. 112-119.

403. Колотаев Ю.Ю. Европа и Европейский союз в контексте информационных угроз постковидного мира / Ю.Ю. Колотаев // Современная Европа. – 2021. – № 7. – С. 143–151.
404. Колотаев Ю.Ю. Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов / Ю.Ю. Колотаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2022. - Т. 24. - №3. - С. 517-529.
405. Колотаев Ю.Ю. Постправда через призму эмоциональных режимов и эмотивов / Ю.Ю. Колотаев // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения. Санкт-Петербург, 2022 – С. 105- 106.
406. Колотаев Ю.Ю. Развитие политики Европейского союза по противодействию дезинформации сквозь призму мультистейкхолдерного подхода / Ю. Ю. Колотаев // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2023. – № 2. – С. 42-59.
407. Колотаев Ю.Ю. Перспективы и ограничения научного использования концепции постправды / Ю.Ю. Колотаев // Будущий мир, общие усилия, подлинный прогресс. – Москва: Государственный университет управления, 2020. – С. 85-89.
408. Романова Т.А. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т. А. Романова, Н. И. Соколов, Ю. Ю. Колотаев // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12. № 1. – С. 53-67.
409. Kolotaev Y.Y. European Union in the age of post-truth: Developing societal resilience before European Parliament elections 2019 / Y.Y. Kolotaev // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. – 2020. – Vol. 13, Issue 1. – P. 69–81.
410. Kolotaev Y. Hate Speech in Perception Management Campaigns: New Opportunities of Sentiment Analysis and Affective Computing / Y. Kolotaev // The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security / ed. E. Pashentsev. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – P. 105–132.

411. Kolotaev Y. Sentiment Analysis: Challenges to Psychological Security and Political Stability // Y. Kolotaev // Proceedings of the 3rd European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics ECIAIR 2021, 2021. P. 82-89.
412. Kolotaev Y., Kollnig K. Political influence of online platforms: YouTube's place in European politics / Y. Kolotaev, K. Kollnig // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. – 2021. – Vol. 14. – №. 2. – P. 225- 240.

Приложения

Список иллюстраций:

Рисунок 1 – Взаимосвязь субъекта, объекта и среды информационного влияния в условиях постправды	84
Рисунок 2 – Первичный и вторичный субъект информационного влияния. Принцип итеративности	86
Рисунок 3 – Роль посредника в процессе информационного влияния	88
Рисунок 4 – Формы дезинформации в процессе информационного влияния	98
Рисунок 5 – «Пирамида ненависти»	102
Рисунок 6 – Субъектно-объектные связи в рамках распространения риторики ненависти	106
Рисунок 7 – Формы уязвимости информационной системы	115

Список таблиц:

Таблица 1 – Количество публикаций в Scopus по ключевому слову «post-truth»..	49
Таблица 2 – Количество публикаций в eLibrary по ключевому слову «постправда»	52
Таблица 3 – Многоуровневый сценарий психологических атак с применением ИИ	118